МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Аветисян Владимир Рудольфович

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ (ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ) КАК ЦЕНТР РУССКО-АРМЯНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент Василенко В.В.

Ставрополь – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Развитие армянских общин в Российской империи в XIX в. 31

1.1 Формирование и развитие армянских общин Москвы, Санкт-Петербурга и других городов 31

1.2 Участие рода Лазаревых в экономической, политической и социокультурной жизни России 60

Глава II. Лазаревский институт восточных языков в системе образования Российской империи XIX – начале XX вв. 85

2.1 Образовательная политика в России в начале XIX в. и учреждение Армянского московского училища (1815–1826 гг.) 85

2.2 Создание Армянского Лазаревского института восточных языков (1827–1847 гг.) 115

2.3 Преобразования Лазаревского института восточных языков в середине XIX – начале XX вв. 137

Глава III. Вклад педагогов и выпускников Лазаревского института в развитие русско-армянских отношений в XIX – начале XX вв. 176

3.1 Участие профессорско-преподавательского состава и учащихся Лазаревского института в общественно-политической жизни России 176

3.2 Вклад выпускников Лазаревского института в развитие русско-армянских отношений 199

Заключение 221

Список источников и литературы 228

Приложение 243

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Взаимоотношения между русским и армянским народами имеют богатую историю, формировавшуюся на протяжении веков. Развитие русско-армянского сотрудничества в области культуры, науки и образования нашло свое отражение в деятельности Лазаревского института восточных языков. Под термином «Институт восточных языков» или «Лазаревский институт восточных языков», в широком смысле, автор понимает образовательное учреждение разных типов и уровней образования на всем протяжении его существования с 1815 по 1921 гг. Несмотря на то, что на начальных этапах своей деятельности институт официально имел статус училища, а затем с 1848 г. – гимназии, автор исследования полагает, что целесообразно учебное заведение именовать «институтом» тем более, что в архивных источниках он упоминается как «Лазаревский институт восточных языков». Преобразования учебного заведения на протяжении всего его существования были связаны с решением задач, связанных с совмещением преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин, без ущемления национального образования[1].

На сегодняшний день тема российско-армянских взаимоотношений в сфере политики, экономики, культуры имеет важное значение, так как Армения остается одним из стратегических партнеров Российской Федерации в Закавказье.

Основой национальной политики РФ является межнациональный и межконфессиональный мир и согласие, что в связи с резким ростом миграционных потоков на территорию России, способствует осуществлению адаптации иммигрантов и их интеграции в современное российское общество, что также являлось и одной из задач Лазаревского института восточных языков.

[1] Торкунов А.В., Алаев Л.Б. Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. М.: Аспект Пресс, 2015. С.41.

Интерес к научному исследованию деятельности Лазаревского института восточных языков в последние десятилетия возрастает, что обусловлено развитием российско-армянских культурных связей и той ролью, какую институт сыграл в деле подготовки ученых-востоковедов.

В 2015 г. в связи с 200-летием Лазаревского института восточных языков как в России, так и в Армении были проведены мероприятия, посвященные данному событию. Значимость учебного заведения определил Президент РФ В.В. Путин в своем послании участникам III Международного форума выпускников МГИМО, который состоялся 23 октября 2015 г. в г. Ереване, подчеркнув, что Лазаревский институт восточных языков – «…предшественник МГИМО в деле подготовки ученых-востоковедов… стал символом научных, культурных, интеллектуальных и духовных связей России и Армении»[2]. В приветственной речи к участникам форума Президент Армении С.А. Саргсян отметил, что «и сегодня востоковедческая школа МГИМО продолжает славные традиции Лазаревского института»[3].

В своем выступлении министр иностранных дел России С.В. Лавров, также подчеркивая значение Лазаревского института, как ведущего центра востоковедения, заявил, что «традиции подготовки высококлассных специалистов – международников берут начало в Лазаревском институте»[4].

Развитие российско-армянских культурных связей наблюдается и на примере Российско-Армянского (Славянского) университета, открывшегося в г. Ереване на основе соглашения, подписанного между правительствами РФ и Армении 23 апреля 2003 г. Одной из основных задач университета является «содействие сохранению, развитию и взаимообогащению культур, языков,

---

[2] Послание президента РФ В.В. Путина участникам III Международного форума выпускников МГИМО от 15 октября 2015 г. [Электр. ресурс]. URL: http://onf.ru/2015/10/23/putin-poprivetstvoval-uchastnikov-i-gostey-iii-mezhdunarodnogo-foruma-vypusknikov-mgimo/ (дата обращения: 7.03.2017).

[3] Выступление президента республики Армения С.А. Саргсяна на III Международном форуме выпускников МГИМО [Электр. ресурс]. URL: http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2015/10/23/President-Serzh-Sargsyan-speech-at-Moscow-Internation-Relations-Institute-Forum/ (дата обращения: 05.03.2017).

[4] Выступление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на III Международном форуме выпускников МГИМО от 15 октября 2015 г. [Электр. ресурс]. URL: http://alumniforum.mgimo.ru/ (дата обращения: 7.03.2017).

исторических и национальных традиций народов обоих государств»[5]. Обучение в университете ведется на русском языке, с обязательным включением национального компонента, с приглашением профессоров ведущих российских ВУЗов, тем самым, подчеркивая значимость российско-армянских социокультурных взаимоотношений и традиций, заложенных еще в Лазаревском институте восточных языков.

В 2013 г. между РФ и Арменией был подписан меморандум о расширении сотрудничества в сфере образования и культуры. Соглашение предусматривало создание в Ереване фонда и образовательного учреждения «Русский лицей» с целью содействия изучению и преподаванию русского языка и литературы в учебных заведениях Армении и армянского языка и литературы, соответственно, в РФ. Лицей должен будет способствовать укреплению двухсторонних взаимоотношений в области культуры и образования. В 2017 г. в столице Армении состоялось открытие Академии Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для профессиональной подготовки студентов стран-членов ОДКБ[6].

Таким образом, можно сказать, что Армянское московское училище, открытое представителями семьи Лазаревых для армянской молодежи, но превратившееся впоследствии в интернациональное учебное заведение – Лазаревский институт восточных языков – сыграл определенную роль в истории России, а история его создания и деятельности является важной научной задачей.

Объект исследования – русско-армянские социокультурные взаимоотношения в XIX – первой четверти XX вв.

---

[5] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об условиях учреждения и деятельности в городе Ереване Российско-Армянского университета [Электр. ресурс]. URL: http://www.rau.am/uploads/blocks/0/6/650/files/650_1_soglashenie_old.pdf (дата обращения: 05.03.2017).

[6] Открытие в Ереване Академии ОДКБ и ЕАЭС [Электр. ресурс]. URL: http://eurasia.expert/v-erevane-otkrylas-akademiya-odkb-i-eaes/ (дата обращения: 11.12.2017).

Предмет исследования – становление и развитие Лазаревского института восточных языков, как субъекта образовательной политики Российского государства и центра русско-армянского взаимодействия.

Степень научной разработанности проблемы. В результате проведенного комплексного изучения научной литературы по данной теме, условно в историографии проблемы можно выделить дореволюционный, советский и постсоветский периоды. В большом пласте исторической литературы, вышедшей в разные хронологические периоды, определялись проблемы рассматриваемой темы исследования. С разной степенью исследовались: история рода Лазаревых, история создания института, место института в системе образовательных учреждений России, образовательная политика Российской империи, деятельность отдельных педагогов Лазаревского института, русско-армянские взаимоотношения. Исходя из проблемного принципа рассмотрения литературы по теме исследования, можно выделить ряд ключевых аспектов, которые освещались в отечественной и зарубежной литературе в выделенные хронологические периоды: история Армении; история русско-армянских отношений; хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России; история отечественного востоковедения; история кавказоведения; история образования в Российской империи и т.д.

Особенностью исследования является то, что дореволюционная литература, написанная в период создания Лазаревского института, рассматривается в работе и как источник. В дореволюционный период тема Лазаревского института восточных языков в трудах отечественных историков и публицистов Г. Тер-Габриелянца[7], В.Я. Брюсова[8], А. Кусикова[9], Лео (А. Бабаханян)[10] и др. затрагивалась в контексте русско-армянских взаимоотношений, истории армянских общин России. Деятельность

[7] Тер-Габриэлянц Г. Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге. М., 1888. 226 с.
[8] Брюсов В. Я. Полное собрание стихотворений. М., 1972.
[9] Кусиков А. Армянская Церковь в России как юридическое лицо // Кавказский вестник. 1905. № 2. С. 74-75.
[10] Лео (Бабаханян А.). Армянское книгопечатание (арм.). Тифлис, 1905. 89 с.

института, в первую очередь, показывалась через роль семьи Лазаревых. Так, например, один из известных арменоведов XIX в. Г. Тер-Габриелянц в своем труде «Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге», анализируя участие выдающихся представителей армянской интеллигенции Москвы и Санкт-Петербурга в общественной деятельности страны, отмечал исключительную роль в этом процессе именно членов семьи Лазаревых[11]. Автор обратил особое внимание на значимость в жизни армянской молодежи Московского армянского училища, учрежденного Лазаревыми.

В изданном в 1898 г. в типографии Лазаревского института коллективном сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», об учиненных турецким правительством в 1895-1996 гг. на территории Османской империи погромах и массовых убийствах армянского населения, помимо статей, посвященных непосредственно данному событию, были опубликованы литературные и научные труды об истории и культуре армянского народа, биографические сведения об отдельных видных представителях семьи Лазаревых и преподавателях Лазаревского института[12].

В дореволюционной отечественной историографии история Лазаревского института восточных языков рассматривалась преимущественно в контексте истории семьи Лазаревых, деятельности армянских общин Российской империи и отдельных личностей, сыгравших роль в жизни учебного заведения. В меньшей степени уделялось внимание изучению особенностей образовательного процесса Лазаревского института восточных языков и рассмотрению его места в системе образовательных учреждений Российской империи.

В отдельную группу выделены научные труды руководства и профессорско-преподавательского состава Лазаревского института. В основе их лежит изучение деятельности как отдельных представителей педагогического процесса, так и основных событий в жизни института и

[11] Тер-Габриэлянц Г. Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге… С. 37.
[12] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. 940 с.

русско-армянских взаимоотношений. Отличительной чертой данных работ является упоминание или наличие в них нормативно-правовых документов, изданных в Лазаревском институте. Так, для диссертационного исследования особую ценность представляли труды профессора русской словесности инспектора Лазаревского института А.З. Зиновьева, в частности, «Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института»[13], в которой автором были описаны учреждение, структура и роль Лазаревского института в отечественной истории. Одним из первых им была разработана периодизация института с характеристикой каждого периода. Важное значение для исследования имеет видение А.З. Зиновьевым причин становления и открытия Армянского московского училища, а также первые годы его существования.

В отличие от А.З. Зиновьева, работы директора института Г.И. Кананова, приуроченные к юбилейным датам в истории Лазаревского института восточных языков, «Очерк пятидесятилетия Лазаревского института восточных языков»[14] и дополнившее его «Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815 – 1890 гг.»[15], содержали большое количество источников, относящихся к делопроизводственной документации, переписке семьи Лазаревых с представителями государственной власти и отдельными лицами.

В опубликованной в газете «Московские ведомости» статье М.Н. Каткова «История Лазаревского института восточных языков», посвященной пятидесятилетнему юбилею института, наряду с положительными моментами в истории учебного заведения, были указаны и недостатки, как в структуре, так и в образовательном процессе[16].

---

[13] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1855. 149 с. [Сов. изд. М., 2014].

[14] Кананов Г.И. Очерк пятидесятилетия Лазаревского института восточных языков. М., 1865. 91 с.

[15] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. М.: Тип. А.А. Гатцука, 1891. 256 с.

[16] Катков М.Н. История Лазаревского института восточных языков [Электр. ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_istoriya_lazarevskogo.html (дата обращения: 12.09.2017) .

Изучение истории Лазаревского института, начиная с конца 1940-х гг., нашло продолжение и в советской историографии. В 1920-е – 1930-е гг. в условиях, сложившихся в исторической науке на тот период, научное исследование истории русско-армянских отношений в контексте семьи Лазаревых, а тем более Института восточных языков, фактически не проводилось. Фундаментальные работы по изучению образовательного учреждения начинают публиковаться отечественными историками только со второй половины XX в. В большинстве своем – это труды исследователей в рамках армянской историографической традиции – А.П. Базиянца, А.Р. Иоаннисяна, В.А. Дилояна.

Одним из первых среди советских армянских историков, изучавших вопросы русско-армянских взаимоотношений в XVIII-XIX вв., был А.Г. Иоаннисян[17]. Этой проблеме он посвятил исследование, в котором подвергалось детальному анализу множество аспектов, относящихся, в первую очередь, к освободительной идеологии армян. Представителей же семьи Лазаревых и их деятельность в институте автор рассматривал в контексте армянского освободительного движения.

В работах В.А. Дилояна[18] внимание акцентируется на изучении семьи Лазаревых, их вклада в общественно-политическую и культурную жизнь России второй половины XVIII в. Темы Лазаревского института В.А. Дилоян касался лишь в отдельных публикациях в научных журналах.

Существенный вклад в изучение Лазаревского института восточных языков внес историк-востоковед А.П. Базиянц. В 1973 г. был опубликован его труд «Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения»[19]. В нем автор на основе изучения большого количества архивных документов, писем предпринял попытку выявить цели и направления деятельности

[17] Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван: Тип. Акад. наук Арм. ССР, 1947. 287 с.
[18] Дилоян В.А. Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России во второй половине XVIII в. (арм.). Ереван, 1966. 214 с.; Дилоян В.А., Казарян Г.М., Мурадян Д.А. Историографический очерк новой истории Армении // Вестник общественных наук. 1967. № 3. С. 24-43.
[19] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М.: Изд-во «Наука», 1973. 224 с.

института как отечественного востоковедного центра, осветил его культурную, образовательную и повседневную жизнь. В работе, с целью определения изменения отношения правительства и представителей общественности к Лазаревскому институту, он ввел в научный оборот источники личного происхождения, в том числе: переписку представителей семьи Лазаревых с императором Александром I, с государственными деятелями графом А.Ф. Орловым и графом А.А. Аракчеевым[20], письма руководства института к министру просвещения А.С. Шишкову[21] и др.

Свой труд А.П. Базиянц начинал с выявления причин и условий, способствующих учреждению армянского Московского училища (до 1827 г. – официальное наименование Лазаревского института).

Предпосылки создания образовательного учреждения, по мнению автора, были связаны с сформировавшимися в России к этому периоду влиятельными армянскими общинами в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Нахичевани-на-Дону и др. В самой же Армении, на тот еще момент разделенной между Османской империей и Персией (Иран), нарастало армянское освободительное движение, видные представители которого главным защитником армянского населения считали именно Россию, своего братского, христианского соседа. А.П. Базиянц акцентировал внимание на том, что армянское Московское училище не было ориентировано исключительно на армянское население, указывая на совместное обучение русских и армян, которое руководителями учебного заведения рассматривалось как средство приобщения к культуре двух народов.

В 1982 г. вышла в свет еще одна работа А.П. Базиянца «Над архивом Лазаревых»[22], в которой была представлена история рода Лазаревых. Оценивая их деятельность в России, автор отмечал: «…фамилия Лазаревых прочно вошла в историю армянского народа, русско-армянских отношений

[20] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения... С. 22.
[21] Там же. С.24.
[22] Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки). М.: Изд-во Наука, 1982. 160 с.

второй половины XVIII – начала XIX века, а созданный ими институт – в историю культуры и отечественной науки»[23].

Тему Лазаревского института восточных языков затрагивали в своих трудах и армянские исследователи М.Г. Нерсисян[24], Э.А. Акопян[25], А. Арзуманян[26], А. Давтян[27], З.Т. Григорян[28], А.Т. Амирханян[29] и др. Однако, в первую очередь их интересовало взаимоотношение русского и армянского народов. Анализируя социокультурное взаимоотношение двух народов на протяжении веков, они представляли Лазаревский институт как пример взаимоотношения двух народов. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в трудах, опубликованных в советский период, данная проблема изучалась лишь с точки зрения истории института с позиции материалистического понимания истории и формационного подхода.

К третьей группе относятся исследования, вышедшие в постсоветский период. Особый интерес для диссертационного исследования представляли труды Ж.А. Ананян[30], Н.А. Григорян[31], В.А. Чолахяна[32], В.З. Акопяна[33], Б.Т. Ованесова[34], В.В. Василенко[35], Л.В. Ванян[36], В.Г. Вартанян[37] и др., в

---

[23] Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки)… С. 9.
[24] Нерсисян М.Г. Из истории русско-армянских отношений. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1956. 405 с.
[25] Акопян Э.А. Керопэ Патканов (жизнь и творчество). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1975. 221 с.
[26] Арзуманян А. Армения–Россия. Ереван: Изд-во Айастан, 1966. 148 с.
[27] Давтян А. Юрий Веселовский и армянская литература. Ереван: Изд-во Айастан, 1970. 298 с.
[28] Григорян З.Т. Вековая дружба армянского и русского народов. Ереван: Изд-во Айастан, 1960. 588 с.
[29] Амирханян А.Т. Армянский переулок, 2. М., 1989. 62 с.
[30] Ананян Ж.А. Лазаревский институт восточных языков в контексте русского Просвещения // Человек эпохи Просвещения. 1999. №4. С. 202–218; Ананян Ж.А. Лазаревский институт восточных языков в первой половине XIX в. // Историко-филологический журнал. 1998. № 1–2 (63). С. 63–74.
[31] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики // Вестник Российской академии наук. 2001. Т.71. №12. С. 1100–1106.
[32] Чолахян В.А. Армянские поселения в России // Наука и общество. 2015. №1 (20). С. 26–33; Чолахян В.А. Конфессиональная политика Российской империи в отношении Армянской Апостольской церкви в XIX – начале XX вв. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2016. № 8. С. 66–79; Чолахян В.А. Исторические судьбы армян в Поволжье // Наука и общество. 2016. №1(24). С. 9–17.
[33] Акопян В.З. Неудавшееся завершение великих реформ. Конституционный проект М.Т. Лорис-Меликова // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. 2002. №1(7). С. 78–83; Акопян В.З. Этапы развития деятельности епархии Армянской Апостольской церкви на Северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1. С. 223–229.
[34] Ованесов Б.Т. Армянская община города Ставрополя. Ставрополь: ГУП СК «Ставропольская краевая типография», 2005. 280 с.
[35] Василенко В.В., Ванян Л.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений // Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: материалы круглого стола. 12 октября 2011. С. 11–17.

которых в той или иной степени затрагивались различные аспекты генеалогии семьи Лазаревых и, созданного ими учебного заведения. Авторами рассматривались также армянские общины Российской империи, конфессиональная политика российского правительства в отношении Армянской Апостольской церкви, конституционные проекты одного из выпускников Лазаревского института – М.Т. Лорис-Меликова – в контексте реформ Александра II.

В трудах А.Е. Тер-Саркисянц главный акцент делался на изучении взаимосвязи семьи Лазаревых с культурой армянского народа, на вкладе института в историю России[38].

Изучаемые в диссертации вопросы русско-армянских взаимоотношений, затрагивались и в исследованиях историков Центра арменоведения ИМОМИ Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. В 2001 г. вышла в свет монография «Российско-армянские отношения: исторический опыт, стратегические вызовы и перспективы развития»[39], в которой дана характеристика современным взаимоотношениям России и Армении с учетом исторического опыта. Сотрудниками центра подготовлены научные публикации, проведены семинары и конференции, посвященные истории Армении, русско-армянским взаимоотношениям[40]. С 2004 г. выходит под редакцией А.А. Корнилова альманах «НАИРИ», представляющий сборник материалов об Армении и армянской диаспоре Нижнего Новгорода.

---

[36] Ванян Л.В. Роль семьи Лазаревых в создании института восточных языков // Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: материалы круглого стола. 12 октября 2011. С. 30–33.

[37] Вартанян В.Г. Армяно-Григорианская Церковь в политике Николая I. Ростов-на-Дону, 1999. 74 с.

[38] Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература, 1998. 397 с.; Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Восточная литература, 2008. 676 с.

[39] Колобов О.А., Корнилов А.А., Симонян А.Г. Российско-армянские отношения: исторический опыт, стратегические вызовы и перспективы развития. Нижний Новгород-Ереван, 2001. 160 с.

[40] Асатрян Ю.С., Колобов О.А., Корнилов А.А. Геополитика Армении на Кавказе: генезис, историческая эволюция, перспективы. Нижний Новгород – Саров: Изд-во СГТ, 2010. 228 с.; Корнилов А.А., Решение армянских меликов о политической ориентации на Россию и его последствия [Электр. ресурс]. URL: http://russia-armenia.info/node/4863 (дата обращения: 19.10.2017).

В 2011 г. при финансовой поддержке РГНФ был издан сборник научных статей «Роль института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений»[41] по итогам одноименного круглого стола, проходящего на базе Ставропольского государственного университета. Среди работ рассматриваемого периода есть те, которые были посвящены изучению Лазаревского института, как центра взаимоотношений по социальному, культурному и религиозному признаку с учетом регионального компонента. Так, например, Б.Т. Ованесов провел анализ деятельности выпускников Ставропольской губернской гимназии, ставших воспитанниками Лазаревского института[42]. Совместную монографию «Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе» Б.Т. Ованесов и Н.Д. Судавцов посвятили изучению вклада армянских общин в присоединение Кавказа к Российской империи, а также роли видных государственных и военных деятелей армянского происхождения в истории российского государства, некоторые из которых являлись выпускниками Лазаревского института восточных языков[43].

Как отмечалось выше, в 2015 г. в рамках празднования 200-летнего юбилея учреждения Лазаревского института восточных языков, в МГИМО была издана коллективная монография, посвященная комплексному изучению истории становления МГИМО, продолжившего традиции одного из ведущих центров востоковедения Российской империи – Лазаревского института[44]. Ректором МГИМО А.В. Торкуновым была опубликована статья, в которой был проведен анализ истории Лазаревского института восточных языков, ставшего одной из важнейших институциональных основ

---

[41] Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: материалы круглого стола / ответ. ред. Василенко В.В. Ставрополь. 12 октября 2011. 152 с.

[42] Ованесов Б.Т. Выходцы Ставропольской мужской гимназии армянского происхождения // Глагол будущего: Сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX в. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. С. 1031.

[43] Ованесов Б.Т. Судавцов Н.Д. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе. Ставрополь, 2008. 261 с.

[44] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. М.: Аспект Пресс, 2015. 381 с.

московской школы востоковедения. В статье автор рассматривал историю института во взаимосвязи с историей становления востоковедения в России[45].

Однако, отдельные аспекты деятельности Лазаревского института в монографии не были затронуты. Так, почти не отражена роль выпускников образовательного учреждения в контексте укрепления русско-армянских культурных взаимоотношений, что, в определенной мере, и определило разработку данного вопроса в исследовании.

Изучение деятельности Лазаревского института затрагивалось и в ряде диссертационных работ. Одной из первых была работа А.А. Игнатяна[46], осветившего основные стороны деятельности учебного заведения с историко-педагогической точки зрения. Автор определил цели и задачи института, рассмотрел содержание образования, методы и принципы педагогической деятельности в Лазаревском институте, его отличие от национальных и казенных школ[47]. В диссертационном исследовании И.Е. Хатаева характеризуется учебная, научно-просветительская и педагогическая деятельность Я.М. Неверова и, рассмотренная в отдельном параграфе, его деятельность на посту директора Лазаревского института[48]. В диссертации Г.К. Маргаряна, посвященной анализу деятельности Х.Е. Лазарева, изучалась его роль в истории русско-армянских отношений и его вклад в развитие учебного заведения в период вхождения Восточной Армении в состав Российской империи. Однако, задача системного анализа истории Лазаревского института автором не ставилась[49]. В диссертации С.М. Саядова, направленной на изучение русско-армянских культурных связей в первой трети XIX в. в свете освещения процесса расширения связей

---

[45] Торкунов А.В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. Политические исследования. 2015. №6. С. 9-22.

[46] Игнатян А.А. История Московского Лазаревского института восточных языков (арм.): дис… канд. пед. наук. Ереван, 1969. 186 с.

[47] Игнатян А.А. История Московского Лазаревского института восточных языков: дис… канд. пед. наук. Ереван, 1969. С.4.

[48] Хатаев И.Е. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Я.М. Неверова (1810–1893): дис… канд. пед. наук. Владикавказ, 2002. 183 с.

[49] Маргарян Г.К. Роль Х.Е. Лазарева в истории русско-армянских отношений: дис… канд. ист. наук. М., 2006. 195 с.

двух народов, затрагивалась деятельность отдельных представителей семьи Лазаревых, использовавших различные средства с целью популяризации в России истории армянского народа[50].

С.М. Саядовым также опубликован ряд научных статей и монографий, направленных на изучение истории Лазаревского института восточных языков, в том числе отдельных личностей, деятельность которых связана с образовательным учреждением[51].

Впервые попытку анализа деятельности Лазаревского института как социально-культурного учреждения в диссертационном исследовании сделала Л.В. Ванян[52]. В контексте изучения исторического опыта российско-армянского культурного взаимодействия автор в отдельной главе рассмотрела историю Лазаревского института как социального института культуры XIX в., придя к выводу, что «уникальное учебное заведение было создано и во многом поддерживалось личной инициативой и связями семьи Лазаревых»[53]. Данной проблеме автор посвятила ряд научных статей[54]. А.А. Минасян в своей диссертации, направленной на изучение развития армянской культуры в России в XIX в., говоря об армянской творческой и научной интеллигенции России, делал упор на Лазаревский институт восточных языков, который, по его мнению, сыграл немаловажную роль в приобщении армян к русской культуре и поддержании своей культуры[55].

В виду специфики темы, затрагивающей систему образования в России, интерес представляли исследования, посвященные изучению

---

[50] Саядов С.М. Русско-армянские культурные связи в истории России первой трети XIX в.: дис… канд. ист. наук. М., 2008. 183 с.

[51] Саядов С.М. У истоков русского арменоведения: историографический обзор. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2014. 336 с.; Саядов С.М. Глинка С.Н.: от русской истории к истории армянского народа: (биографический очерк). Ереван: Изд-во Гитутюн, 2006. 238 с.

[52] Ванян Л.В. Исторический опыт российско-армянского культурного взаимодействия в XVIII – XIX вв.: дис… канд. ист. наук. Ставрополь, 2012. 229 с.

[53] Ванян Л.В. Исторический опыт российско-армянского культурного взаимодействия в XVIII – XIX вв.: автореферат дис… канд. ист. наук. Ставрополь, 2012. С. 26.

[54] Ванян Л.В. Институт восточных языков в развитии русско-армянских культурных отношений // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки: Научно-образовательный и прикладной журнал. 2010. № 5 (159). С. 90–94; Ванян Л.В. К вопросу о взаимодействии культур России и Армении: историографический аспект // II Всероссийская научно-практическая конференция «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве». Махачкала, 2011. С. 70–79.

[55] Минасян А.А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии: дис… канд. ист. наук. Тольятти, 2016. 234 с.

развития среднего и высшего образования в Российской империи в XIX в. В отечественной историографии данная тема получила широкое освещение в исследованиях Е.В. Шилиной[56], Т.А. Дубровской[57] и др. В их работах рассматривались основные проблемы формирования системы образования в России, государственная политика в образовательной сфере.

Особый интерес представляют исследования Д.С. Ткаченко, в которых наиболее полно отражены проблемы этнического, конфессионального образования в дореволюционный период. На основе архивных материалов автором были рассмотрены вопросы функционирования министерских, конфессиональных и частных национальных школ народов Северного Кавказа, в том числе армян[58].

В той или иной мере кавказоведы Ю.Ю. Клычников[59], С.С. Лазарян[60], М.Е. Колесникова[61] также затрагивали отдельные аспекты рассматриваемой темы в своих работах, посвященных истории укрепления России на Кавказе в XIX в., включения Северного Кавказа в социокультурное пространство России.

Исследованиям по изучению формирования и развития армянских общин России, государственных и общественных деятелей армянского происхождения, в том числе представителей семейного рода Лазаревых,

---

[56] Шилина Е.В. Развитие образования в России в XIX веке: автореферат дис… канд. ист. наук. М., 2008.193с.

[57] Дубровская Т.А. Формирование и развитие системы профессионального образования в России (XIX – начало XX века): дис… д-ра ист. наук. М., 2004. 529 с.

[58] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона): дис… д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006. 597 с.

[59] Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827- 1840 гг.). Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2002. 493 с.; Клычников Ю.Ю. Клычникова М.В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. 156 с.

[60] Лазарян С.С. Армяне в национальной политике князя М. С. Воронцова // Общероссийская и национальная идентичность: материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2012. С. 452 – 456; Лазарян С.С. Имперская образовательная система на Кавказе в 40–50-е годы XIX века: задачи и пути развития // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2014. Вып. 48. С. 181–193.

[61] Колесникова М.Е. Сведения о Северном Кавказе в средневековой армянской исторической литературе // Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: материалы круглого стола. Ставрополь, 12 октября 2011. С. 45–47; Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 495 с.; Колесникова М.Е. Проблема изучения истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. в отечественной исторической мысли // Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы Международной научной конференции. Казань, 2013. № 2. С. 330–334.

Лазаревского института восточных языков были посвящены труды таких зарубежных исследователей, как И.А. Атаджанян, Р. Мартиросян, А. Долуханян, М. Нейман[62].

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что история Лазаревского института восточных языков, в предложенном в данной диссертации аспекте, в отечественной и зарубежной историографии не освещалась. Накопленный предшествующими исследователями опыт в рассмотрении истории российско-армянских отношений и истории института, как одного из ведущих востоковедных центров Российской империи XIX – начала XX вв., наличие обширной источниковой базы и определило выбор темы диссертационного исследования.

Целью исследования является комплексное изучение истории становления и развития Института восточных языков (Лазаревского института) в контексте русско-армянского взаимодействия в XIX – первой четверти XX вв.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) изучить роль армянской общины Москвы и Санкт-Петербурга в экономической и общественной жизни Российской империи в XIX в.;

2) рассмотреть хозяйственную, политическую и культурную деятельность семьи Лазаревых XIX – начале XX вв.;

3) проанализировать образовательную политику Российской империи в XIX – начале XX вв.;

4) показать исторические условия создания и причины учреждения в Москве Армянского училища в начале XIX в.;

---

[62] Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII в. Ереван: Изд-во Лингва, 2006. 153 с.; Базиянц А.П., Мартиросян Р. Обелиск: общественно-политическая и хозяйственная деятельность армянской диаспоры Москвы и Петербурга со второй половины XVIII в. и до 1917 г. Ереван: Изд-во «Армянский открытый университет», 1993. 113 с.; Долуханян А. Лазаревский институт восточных языков и Никита Эмин // Литературная Армения: Литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Армении. 2015. №4. С. 68–78; Нейман М. Армяне. Сборник научных трудов. Ереван: Изд-во Луйс, 1991. 448 с.; Российские армяне. Этносоциологическое исследование / под ред. Ю.В. Арутюнян, Р.С. Карапетян, Л.В. Остапенко. Ереван: Изд-во Гитутюн, 2016. 306 с.

5) определить основные этапы развития Института восточных языков как центра русско-армянского взаимодействия путем исследования трансформации целей и задач образовательного учреждения на различных этапах развития;

6) выявить взаимосвязь Лазаревского института восточных языков со Ставропольской губернской гимназией через ее выдающихся деятелей;

7) определить вклад отдельных представителей профессорско-преподавательского состава и выпускников Лазаревского института восточных языков в укрепление русско-армянских отношений в XIX – начале XX вв.

Хронологические рамки исследования. Нижняя временная граница определена началом XIX в. и обусловлена периодом, когда семейный род Лазаревых уже обосновавшись в России, и, заняв определенное положение в экономической, общественно-политической и культурной жизни империи, принимает решение о необходимости создания образовательного учреждения для воспитания и просвещения армянской молодежи. Ключевой датой является 1815 г. – год учреждения Армянского московского училища. Однако, в связи с необходимостью выявления контекста, исторических условий и причин создания Лазаревского института восточных языков, в работе допускаются некоторые отклонения от хронологических рамок и обращение автором к более раннему времени – второй половине XVIII в. Верхняя хронологическая граница определена первой четвертью XX в., а именно 1 октября 1921 г., что связано с закрытием института в ходе реорганизации в условиях кардинального изменения образовательной политики уже советского государства.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Российской империи: города Москва, Санкт-Петербург, Пермь, а также Северный Кавказ, в частности, город Ставрополь и учитывают все административно-территориальные изменения в рассматриваемый исторический период.

Методология и методы диссертационного исследования. В основе диссертационного исследования лежат основные принципы исторической науки – принципы *историзма и объективности.*

Использование принципа историзма позволило всесторонне изучить находящиеся в развитии и трансформации общественные явления, провести параллель между прошлым и настоящим конкретного исторического процесса, в данном случае истории создания, развития и деятельности Лазаревского института восточных языков, с последующим выявлением полезных знаний в ходе диссертационного исследования. Принцип объективности способствовал максимально возможному получению знаний, соответствующих исторической действительности, т.е. осуществление установки на научность и стремление к истине путем анализа источников разного происхождения[63].

В работе использованы методы исторического исследования: *историко-сравнительный, историко-генетический, описательно-повествовательный, историко-биографический и историко-системный методы*.

Применение историко-сравнительного метода позволило определить и сравнить деятельность Лазаревского института восточных языков с другими учебными заведениями страны в рассматриваемый исторический период. При изучении причин учреждения и изменения статуса института в конкретных исторических условиях в исследовании использовался историко-генетический метод. С целью отражения индивидуальных характеристик Лазаревского института восточных языков в рамках исторического описания применялся описательно-повествовательный метод. С помощью историко-биографического метода была определена роль представителей семьи Лазаревых, профессорско-преподавательского состава и выпускников Лазаревского института как в жизни учреждения, так и в укреплении русско-

[63] Чубарьян А.О. Принцип объективности. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 348.

армянских социокультурных связей. Историко-системный метод позволил рассмотреть Лазаревский институт восточных языков как целостную систему на всех этапах его развития.

В диссертационном исследовании при анализе исторических источников применялся *метод источниковедческого анализа* и *проблемный подход*, подразумевающий изучение первоисточников по конкретной теме исследования. Как отмечал Д. Тош, «овладение широким кругом источников является одним из признаков подлинно научного исследования»[64].

Макроисторический анализ позволил выявить место Лазаревского института восточных языков в системе образования России в XIX – первой четверти XX в. и показать его роль в приобщении армянской молодежи к русской культуре, в развитии русско-армянских взаимоотношений. В свою очередь, *микроисторический анализ* способствовал определению места отдельных деятелей, педагогов, администрации, попечителей и выпускников в деятельности института.

Источниковая база диссертационного исследования представлена разными по видам и информационной насыщенности источниками, выбор которых определен целью и задачами работы. В свою очередь, привлеченные источники, условно можно разделить на семь групп: законодательные акты и нормативно-правовые документы, делопроизводственные документы, источники личного происхождения, периодическая печать, научные труды деятелей профессорско-преподавательского состава Лазаревского института, статистические материалы, энциклопедии и статистические материалы XIX – первой четверти XX вв. Они представлены как опубликованными, так и архивными материалами, которые впервые введены в научный оборот.

К неопубликованным источникам относятся документы из фондов архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя и Еревана. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва), в документах

[64] Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Издательский центр «Весь мир», 2000. С. 95.

архивного фонда «Абамелек-Лазаревых» (Ф. 1252) содержатся личные и фамильные документы семьи Лазаревых; частная переписка; дневники путешествий; материалы по Лазаревскому институту восточных языков; армянской церкви в России.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург) в документах архивных фондов «Лазаревых и Абамелек-Лазаревых» (Ф. 880), находятся документы о преобразовании института; его уставе и пожертвованиях; о профессорско-преподавательском составе и воспитанниках; отчеты института.

В Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАМ) в документах архивного фонда «Лазаревского института восточных языков» (Ф. 213) хранятся как опубликованные, так и неопубликованные делопроизводственные документы. Особый интерес для диссертационного исследования представляют приказы, поручения попечителей Лазаревского института руководству учебного заведения в организации образовательного процесса для выходцев из бедных армянских семей[65].

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК, г. Ставрополь) в архивных фондах «Дирекция народных училищ Ставропольской губернии» (Ф. 15), «Ставропольская 1-я мужская гимназия» (Ф.73); «Общее управление Кавказской области» (Ф. 79), «Управление земледелия и государственных имуществ Ставропольской губернии» (Ф.146), представляют интерес в связи с тем, что не изучались ранее в контексте рассматриваемой нами темы. В них содержатся материалы о директоре института восточных языков Я.М. Неверове, об инспекторе института Г.И. Кананове и о выпускнике института К.П. Патканове.

В Институте древних рукописей Матенадаран имени св. М. Маштоца (г. Ереван, Республика Армения) особый интерес представляет фонд семьи Лазаревых, содержащий сведения о средствах, выделенных членами семьи

[65] Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 213. Оп. 1. Д. 98, 365.

для учреждения Института восточных языков и о суммах, пожертвованных ими в течение всей деятельности образовательного учреждения.

Значительный пласт источников по теме исследования опубликован. Это прежде всего *законодательные акты и нормативно-правовые документы*, благодаря которым в работе прослежена эволюция политики российского правительства в образовательной сфере и, соответственно, в армянском учебном заведении. В первую очередь, следует выделить Полное собрание законов Российской империи[66]. Влияние на деятельность Лазаревского института восточных языков оказали и принятые в 1804 и 1835 гг. Уставы императорского Московского университета, в которых определялся юридический статус учебных заведений страны[67]. В конце второго десятилетия XX в., в период реорганизаций Лазаревского института Советом народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) был опубликован ряд декретов в отношении образовательного учреждения. Особое значение имеет Декрет СНК РСФРС от 1 октября 1921 г., которым завершается история Лазаревского института[68].

Вторую группу письменных источников составляют *делопроизводственные документы*. В основе своей они состоят из протоколов заседаний правления института[69], приказов и распоряжений попечителей, руководителей образовательного учреждения[70] и др., которые, в свою очередь, позволили реконструировать внутреннюю жизнь и деятельность института. Так, например, из протоколов заседаний правления института узнаем о решении вопросов по распределению именных

[66] Полное собрание законов Российской империи. Т.16–47. СПб. 1830–1875. №№ 3385, 19169, 16945, 21406, 14235 и др.; Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб. 1864. Ст. 483. № 75.

[67] Университетский устав 5 ноября 1804 г. / Летопись Московского университета [Электр. ресурс]. URL: http://letopis.msu.ru/documents/327 (дата обращения: 05.06.2016); Университетский устав 26 июля 1835г. / Летопись Московского университета [Электр. ресурс]. URL: http://letopis.msu.ru/documents/2123 (дата обращения: 07.06.2016).

[68] Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1921. 1 октября. № 68. ст. 541.

[69] ЦГАМ Ф. 213. Оп. 1. Д. 42, 486, 856.

[70] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института восточных языков в Москве и правила оного высочайше утвержденные. М. 1852. 109 с.; Правила для студентов специальных классов Лазаревского института восточных языков. М. 1904. 20 с.; Материалы для истории Лазаревского Института восточных языков, издаваемые иждивением г. попечителя князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. М., 1914. Вып. 1. 20 с.

стипендий, об обсуждении и анализе работы преподавательского состава, издании учебной литературы в типографии института.

Наравне с делопроизводственными документами, важную роль для комплексного изучения истории Лазаревского института восточных языков представляли документы *личного происхождения*. Они включают в себя письма, воспоминания, переписку членов семьи Лазаревых с государственными и общественными деятелями России XVIII – XIX вв. Это, в первую очередь, переписка с императорами Александром I[71], Александром II[72], с государственными и общественными деятелями М.М. Сперанским[73], А.А. Аракчеевым[74], А.Х. Бенкедрофом[75], писателем и публицистом С.Н. Глинка[76]. Документы личного происхождения, частично опубликованные, наравне с делопроизводственными документами, позволили определить роль Института восточных языков в развитии русско-армянских отношений.

Следующую группу источников составляют материалы, опубликованные на страницах *периодических изданий*, представленных центральными и местными дореволюционными журналами[77] и газетами: «Московские ведомости»[78], «Санкт-Петербургские Сенатские ведомости»[79], «Журнал Министерства народного просвещения»[80], «Пермские губернские ведомости»[81], «Ставропольские губернские ведомости»[82], «Мшак»[83]

---

[71] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.
[72] РГАДА Ф. 1252. Оп. 1. Д. 8. Л. 7-7об.
[73] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 1. Д. 1. Л. 19об.
[74] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 262. Л. 2; Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1838. Ч. III. С. 132.
[75] Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831. 142 с.; Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа. М., 1838. Ч. III. 458 с.; Кананов Г.И. Семидесятилетие Лазаревского Института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891. 256 с.
[76] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4390.
[77] Вестник Европы. СПб., 1811. Ч.55; Журнал Телескоп. 1836. №14; Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки // Исторический вестник. 1893. Т.52. № 5. С. 425–447; Патканов К.П. Несколько слов об издании газеты // Юсиз. 1863. №1. 12 с.
[78] Новиков Н.И. Об эстетическом воспитании // Московские ведомости. 1789. № 59. С.5–7; Армянское учебное заведение в Москве // Московские ведомости. 1817. № 17. С.23–25.
[79] Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1865. № 34.
[80] Журнал Министерства народного просвещения. 1879, Ч.CCV; 1882, Ч.CCXXI; 1895, Ч.CCXCVIII.
[81] Поземельные отношения на Урале // Пермские губернские ведомости. 1883. №73.

(Труженник) и др. Значимость данного источника заключается в быстром реагировании и освещении в прессе знаковых событий, происходящих в стране. На страницах этих газет были опубликованы не только сведения об основных событиях из истории Лазаревского института, но и о деятельности семейного рода Лазаревых и профессорско-преподавательского состава института. Так, например, в «Журнале Министерства народного просвещения» был опубликован отчет о деятельности Лазаревского института, а также сведения об учреждении при институте ряда именных стипендий[84].

В отдельную группу источников выделены научные *труды руководства и профессорско-преподавательского состава Лазаревского института* А.З. Зиновьева и Г.И. Кананова, которые можно рассматривать и как историографический источник.

Также в ходе исследования были использованы труды российских историков и публицистов XVIII – XIX вв. Так, в многотомном труде М.М. Щербатова «История Российская от древнейших времен»[85] содержались материалы по истории Армении, по исследованию русско-армянских торгово-экономических отношений, в том числе, деятельность армянских купцов Лазаревых в России.

В трудах профессора Московского университета историка С.М. Соловьева[86] особый интерес заслуживает описание русско-армянских дипломатических миссий XVIII – XIX вв., история взаимоотношений Русской Православной и Армянской Апостольской церквей. Однако, необходимо отметить, что в основе своей данные вопросы рассматривались с точки зрения внешней политики Российской империи.

---

[82] Конкурс в Ставропольской губернской гимназии // Ставропольские губернские ведомости. 1856. №44. С.319–327.

[83] Мшак (Труженник). 1892. №16. 12 с.

[84] Положение о пяти стипендиях при Лазаревском институте восточных языков имени вдовы действительного тайного советника Екатерины Эммануиловны Лазаревой // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч.CCXXI. С. 14

[85] Щербаков М.М. История Российская от древнейших времен. СПб.: Изд-во кн. Б. С. Щербатова, 1901–1904. Т.1–7. 3916 с.

[86] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб. 1893. Т.XXI. 674 с.

В отдельную группу источников следует отнести *статистические материалы,* представленные в диссертационном исследовании дореволюционными энциклопедическими трудами и работами в области экономической географии России[87]. Данные материалы позволяют проследить динамику изменения численности армянского населения в разных городах Российской империи, что, в свою очередь, характеризовало национальную политику государства в отношении армянского населения и армянского национального учебного заведения.

Последнюю группу источников составляют *энциклопедические материалы.* Они включают дореволюционные издания, содержащие статьи, как о самом образовательном учреждении, так и об отдельных представителях профессорско-преподавательского состава[88].

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1) проведена попытка комплексного анализа деятельности Лазаревского института восточных языков как центра русско-армянского взаимодействия в системе образовательных учреждений Российской империи в XIX – первой четверти XX вв.;

2) разработана авторская периодизация истории деятельности Лазаревского института восточных языков. В качестве отдельного периода в истории института впервые предложено рассматривать подготовительный период с 1785 г., связанный с ходатайством Ивана Лазаревича Лазарева перед императрицей Екатериной II о создании образовательного учреждения для армянской молодежи, и до открытия его в 1815 г.;

3) изучены и дополнены сведения об основных сферах взаимодействия Лазаревского института и Армянской Апостольской Церкви (Армяно-григорианской церкви), в частности, ее участия в организации

[87] Краткий отчет состояния Лазаревского института в 1861/62 академическом году. М., 1862. 22 с.; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. II. 148 с.; Дмитриев С. Экономическая география России. М., 1918. 456 с.

[88] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 1-82; Большая энциклопедия. СПб., 1902. Т.8. 794 с.

образовательного процесса в Лазаревском институте и в подготовке выпускников для армянского духовенства;

4) установлена взаимосвязь Лазаревского института восточных языков со Ставропольской губернией, а именно Ставропольской губернской гимназией, рассмотренная через ее выдающихся деятелей – директоров Лазаревского института восточных языков – Я.М. Неверова, Г.И. Кананова, П.В. Гидулянова и видного ученого-ориенталиста, члена-корреспондента Академии наук К.П. Патканова;

5) впервые проанализирована деятельность выдающихся выпускников Лазаревского института восточных языков в развитии русско-армянских взаимоотношений;

6) в научный оборот впервые введены ранее не опубликованные архивные материалы из фондов государственных архивов РФ, включающие в себя документы о роли Лазаревского института в приобщении армянской молодежи к русской и европейской культурам, поддержке учащихся – выходцев из бедных армянских семей, со стороны образовательного учреждения, которые представлены нормативно-правовыми документами, протоколами заседаний правления Лазаревского института, перепиской среди профессорско-преподавательского состава и др.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов диссертации в процессе подготовки лекционных и специальных курсов по изучению истории России, русско-армянских взаимоотношений. В том числе опыт Лазаревского института может быть использован в образовательном процессе в российских ВУЗах по направлению «Международная деятельность».

Материалы исследования будут интересны и для современного университетского образования, так как ценности, заложенные в Лазаревском институте, имеют место быть и в сегодняшнем процессе воспитания и обучения студентов.

Исторический опыт подготовки специалистов для Кавказа, а также совершенствование этнического и межкультурного диалога в Лазаревском институте восточных языков может быть интересен для организации образовательных и воспитательных процессов в ВУЗах, осуществляющих свою деятельность в полиэтнических и поликонфессиональных регионах России. Одним из них является Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ), созданный в Ставрополе в 2012 г. Одной из задач СКФУ, обозначенных в программе развития федерального университета, является снижение этнокультурного напряжения, оптимизация межэтнического и межконфессионального общения, формирование общественной идентичности, гражданского патриотизма и правовой культуры в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО), укрепление консолидирующей роли русской культуры и русского языка, как универсального средства общения народов Северного Кавказа[89].

Результаты диссертационного исследования могут быть полезны в деле сближения и укрепления межкультурных диалогов не только в Кавказском регионе, но и на территории всей страны с использованием исторического опыта в адаптации и интеграции иммигрантов (на примере адаптации и интеграции армянской молодежи) в российское общество, осуществляемое Лазаревским институтом восточных языков в XIX – первой четверти XX вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Возникновение армянских общин в России в XVIII – начале XIX вв. было продиктовано историческими условиями. Угнетение армянского населения Османской империей и Ираном, доброжелательная государственная политика России способствовали переселению армян в южные районы страны, что в свою очередь, привело к укреплению существующих и возникновению новых армянских общин в Астрахани, Кизляре, Нахичевани-на-Дону и др. городах.

[89] Программа развития СКФУ на 2012-2021 годы [Электр. ресурс]. URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/izm_progr_razvit_skfu_18.07.2015.pdf (дата обращения: 12.04.2017).

2. Лидирующее положение среди армянских общин России в XVIII – XIX вв. занимали общины Москвы и Санкт-Петербурга, имеющие большое социокультурное значение как в жизни российских армян, так и в укреплении русско-армянских взаимоотношений. Многие общественные и политические деятели армянского происхождения были удостоены государственных наград и дворянских титулов. Эти факты сыграли решающую роль при выборе Лазаревыми Москвы в качестве места при организации образовательного учреждения для обучения армянской молодежи.

3. Представители семьи Лазаревых, будучи видными деятелями России в его политической, экономической и культурной жизни, внесли значительный вклад в укрепление русско-армянских взаимоотношений. Это выразилось в разных сферах деятельности, начиная от строительства армянских церквей и заканчивая поддержкой внешней политики Российской империи в отношениях с Ираном и Османской империей.

4. Представители семьи Лазаревых развитие армянского народа, живущего в России, видели в процессе приобщения его к передовой русской культуре путем сохранения национальных традиций. Осуществление этого было возможно с помощью образования, что стало решающим фактором в учреждении Армянского московского училища в 1815 г.

5. В условиях трансформации системы образования Российской империи во второй половине XIX – первой четверти XX вв., с целью сохранения института как русско-армянского образовательного учреждения, Лазаревыми производилась последовательная политика на модернизацию образовательного процесса, изменение целей и задач института в соответствии с потребностями системы образования, благодаря чему Лазаревский институт стал крупным центром русско-армянского взаимодействия и одним из ведущих востоковедных центров страны и оставался таковым на протяжении всей своей деятельности.

6. С целью оптимизации учебного процесса в Лазаревском институте восточных языков Лазаревы стремились привлекать к работе в учебном заведении видных представителей в области науки, религии, политики, культуры, независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Деятельное участие в жизни института принимали М.М. Сперанский, Г.Г. Орлов, А.А. Аракчеев, А.Х. Бенкендорф и др.

7. В виду географической близости Северокавказского региона к Закавказью, прослеживается более тесная взаимосвязь Лазаревского института восточных языков с образовательными учреждениями, работающими на данных территориях, в частности, со Ставропольской губернской гимназией. Это выразилось в привлечении к работе в институте таких известных деятелей в области образования как Я.М. Неверов, Г.И. Кананов и П.В. Гидулянов. Практиковалась отправка в гимназию художественной и учебной литературы на русском и армянском языках.

8. Понимая значимость религии в сохранении духовных основ любого народа, Лазаревы способствовали укреплению статуса церкви в стенах института и с середины XIX в. Армянская Апостольская Церковь (Армяно-григорианская) начинает принимать непосредственное участие в деятельности руководящих органов института, а сам католикос стал почетным членом образовательного учреждения.

9. Политику приобщения армянской молодежи в России к передовой русской и европейской культуре проводили представители профессорско-преподавательского состава. В основе образовательного процесса лежало нравственное воспитание, сохранение национальных особенностей в процессе интеграции в российское общество.

10. Традиций, заложенных в Лазаревском институте в развитии русско-армянских взаимоотношений в области политики, культуры, образования, религии продолжали придерживаться и выпускники учебного заведения.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России СКФУ. Вопросы, связанные с темой диссертации, и результаты исследования освещались на научных конференциях различного уровня: круглый стол «Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений» (12 октября 2011 г., г. Ставрополь); I Международной научно-практической конференции «Современная наука: теоретический и практический взгляд» (30 декабря 2014 г., г. Москва); IV Международной научно-практической конференции «Научный поиск» (31 мая 2015 г., г. Москва); IV ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону».

Основные положения диссертационного исследования отражены в 8 научных статьях, из которых 4 опубликованы в журналах из Перечня изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России.

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 07.00.02 – Отечественная история, положению пунктов: 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация; 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; 17. Личность в российской истории, ее персоналии; 18. Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ АРМЯНСКИХ ОБЩИН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

1.1 Формирование и развитие армянских общин Москвы, Санкт-Петербурга и других городов

Начиная со второй половины XVIII в., освободительная борьба охватила все слои армянского народа не только на территории Армении, но также и вне ее. В Европе, Азии, России появились многочисленные армянские поселения[90].

Во внешней политике России этого периода, в связи с необходимостью укрепления южных рубежей, все большую актуальность приобретает «восточный вопрос», определенное место в котором занимает армянский фактор. Притесняемым Османской империей и Ираном армянам, естественно было прийти к сознанию о необходимости соединения с сильной христианской страной. Армянское население связывало свои надежды с братским русским народом, т.к. воспринимало российское государство как страну, где «не было жестких, суровых форм притеснения на религиозной и национальной почве, которые в эту эпоху были присущи для Турции и Персии»[91]. Как отмечал А.А. Дмитриев в статье «Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки», вышедшей в 1893 г., «особенно ласковый прием армяне встречали в России, с которой еще со времени Михаила Федоровича завязали мирные торговые сношения»[92].

Впервые с политической точки зрения на армян взглянул Петр I, который для укрепления русского влияния в прикаспийском регионе, старался заселить его армянским населением, создавая благоприятные условия для их проживания в России. Император понимал, что «армяне на

---

[90] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М.: Изд-во Наука, 1973. С. 11.

[91] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века). Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2015. С. 23.

[92] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки // Исторический вестник. 1893. Т.52. № 5. С. 427.

юге его империи могут явиться лучшими проводниками мирной политики, лучшими насадителями гражданственности, торговли и плодотворного труда»[93]. С целью развития русской торговли, мануфактуры, горного дела, 2 мая 1711 г. Правительствующий Сенат издал указ о предоставлении армянским компаниям привилегий в торговле.[94] О факте благоприятных условий для активизации деятельности армянского купечества в России отмечал в своей статье «Армянские поселения в России» и профессор В.А. Чолахян[95]. Однако, уже новым указом от 6 июня 1719 г.[96] данные привилегии были отменены и по своим правам армянские купцы приравнялись к другим купцам – иноземцам.

Во втором десятилетии XVIII в. ситуация на Ближнем Востоке изменилась. Иран вошел в острый военно-политический кризис. Этим решила воспользоваться Османская империя, целью которой являлось овладение всем Закавказьем. Военные планы Стамбула угрожали как экономическим, так и политическим интересам Российской империи, которой, согласно Петербургскому договору 1723 г.[97], принадлежало юго-западное и южное побережье Каспия.

Немаловажную роль для армянского населения сыграл последующий за ним Константинопольский договор 12 июня 1724 г., закрепивший за Российской империей Каспийское побережье, а за Турцией – значительную часть Закавказья. Российское правительство, стремясь заручиться поддержкой христианского народа, находящегося под властью Турции и Ирана, старалось переселить армян в южные области империи, рассчитывая, с их помощью усилить в регионе российское влияние. Учитывая определенные выгоды от их переселения на южные границы страны, Петр I 3 июня 1723 г. подписал манифест, призывающий армянское население к

[93] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. С. 520.
[94] Об уничтожении привилегий, данных Армянской компании, с предоставлением Армянам производства торговли на одинаковых правах с прочими иноземцами // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1719. Т.5. №3385. С. 714.
[95] Чолахян В.А. Армянские поселения в России // Наука и общество. 2015. №1 (20). С. 30.
[96] Там же.
[97] Лысцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. М.: Изд-во Московского университета, 1951. С. 182.

переселению в Российскую империю. В документе говорилось: «Мы, с особой к оному народу имеющейся нашей императорской милостью, через сие объявляем, дабы они внутрь нашего государства безо всякого опасения приезжали, и ежели пожелают селились и жили, и торги свои свободно и без всякого препятствия отправили»[98]. Согласно манифесту армянским купцам вновь возвращались привилегии, отмененные в 1719 г., а в осуществлении внешних сношений все шире стал использоваться их опыт и связи, в том числе и знание языков – восточных и западных.

Стали разрабатываться проекты застройки городов, населенных армянскими переселенцами, которым обеспечивалась личная и имущественная безопасность. В свою очередь, армянское население, чувствовавшее благодарность к России, приютившей их, считала защиту ее безопасности своим кровным делом[99].

Привлечение армян для оживления и заселения Юга России, было первым результатом дальновидной политики Екатерины II, продолжившей политику Петра I по отношению к армянскому народу. Как отмечалось в литературно-научном сборнике, изданном в Москве в 1898 г.: «Ее польза для России настолько была очевидна, что она была продолжена без изменения и Павлом I, шедшим, как известно, во всем наперекор направлению политики своей предшественницы»[100].

Российское покровительство над армянским населением было закреплено императором Павлом I (1796–1801 гг.) в «Императорской жалованной грамоте на права, преимущества и вольности обществу армянам Астраханских, Кизлярских и Моздокских»: «…во Всероссийской Империи обитающих Армянских обществ, со времен их поселения отличившихся отменным трудолюбием… благонравием и примерным своим поведением…

[98] Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сборник документов. Ереван, 1964. Т.2. Ч.1. С.169.
[99] Арзуманян А. Армения–Россия. Ереван: Изд-во Айастан, 1966. С. 21.
[100] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 540.

утвердить общества сии на прочном основании… даровать им, Армянским обществам, разные выгоды и преимущества»[101].

Благожелательное отношение к армянским переселенцам давало надежду на возрождение их национальной культуры. Решающее значение для развития культуры, искусства и науки армянского народа явилось присоединение к России по Туркманчайскому мирному договору 1828 г., заключенному по итогам Русско-Персидской войны, восточной части Армении. Ранее, в 1813 г. на основании Гюлистанского мирного договора к Российской империи уже была присоединена среди других и территория Карабахского ханства.

Это событие «горячо приветствовали все прогрессивные деятели Армении того времени»[102], подтверждением чего являются опубликованные работы армянских историков и публицистов - очевидцев данного исторического события. Так, выражая чувства и чаяния своего народа, армянский писатель первой половины XIX в. Хачатур Абовян писал: «Да будет благословен тот час, когда русские … вступили на нашу землю и развеяли проклятый дух кызылбашей[103]… русские принесли с собой новую жизнь» и «…поставили Армению на ноги… Могут ли армяне, пока живы, забыть то, что сделали для них русские?!»[104].

Описывая вступление русских войск в Эривань, Х. Абовян отмечал: «Солдаты стали входить в крепость, … разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян. С тех пор, как Армения потеряла свою славу, … не видели они такого дня, не испытывали подобной радости»[105]. Х. Абовян, как видим, прекрасно понимал смысл и значение происходивших событий для армянского народа.

---

[101] Императорская жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу армянам Астраханских, Кизлярских и Моздокских // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1799. Т.25. №19169. С. 840.

[102] Нерсисян М.Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. 1953. №7. С. 6.

[103] Имеются в виду подданные Ирана не зависимо от их национального происхождения.

[104] Абовян Х. Раны Армении. Ереван, 1977. С. 103.

[105] Там же. С. 265.

Профессор М.Г. Нерсисян в работе «Присоединение Армении к России и его историческое значение» утверждал, что «освобождение Восточной Армении от господства персидских ханов и ее присоединение к России прежде всего означало и то, что значительная часть армянского народа была спасена от опасности физического истребления ирано-турецкими захватчиками»[106]. Автором отстаивалась точка зрения, что исторический акт присоединения Восточной Армении к России имело прогрессивное значение. В результате этого знаменательного события армянский народ вступил на новый путь экономического, культурного и политического развития. В исторических судьбах армянского народа открылась реальная перспектива подлинного освобождения, освобождения от социального и национального гнета с помощью русских. М.Г. Нерсисян так характеризует социально-экономическое состояние Армении в составе Персии: «При господстве персидских ханов экономика Армении переживала застой и деградацию»[107].

Необходимо отметить, что присоединение восточной части Армении к России по-разному оценивалось в отдельные периоды развития советской исторической науки. Так, в 1920 – 1930-е гг. отрицалось прогрессивное значение этого исторического акта, и он рассматривался исключительно как регрессивный период для армянской нации[108].

В дальнейшем вышеизложенная точка зрения подвергалась критике в исторической литературе и переход Восточной Армении, в частности, Эриванского и Нахичеванского ханств под владычество России считалось «наименьшим злом» для армянского народа[109].

В свою очередь, глубокое и всестороннее исследование фактов и процесса исторического развития Восточной Армении привело историков к тому правильному заключению, что, несмотря на проводимую правительством политику в Закавказье, акт присоединения части Армении к

---

[106] Нерсисян М.Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение… С. 7.
[107] Там же.
[108] Дилоян В.А., Казарян Г.М., Мурадян Д.А. Историографический очерк новой истории Армении // Историко-филологический журнал. 1967. №3. С. 29.
[109] Там же.

России, несомненно, имел исторически прогрессивное значение, так как с освобождением восточных армян от угрозы физического уничтожения сложились лучшие условия для их национального формирования, экономического и культурно-политического развития. И как отмечалось профессором М.Г. Нерсисян: «Присоединение Армении и всего Закавказья к России в создавшихся исторических условиях было единственным и наилучшим выходом, как для армянского народа, так и для всех народов Закавказья»[110]. В результате оживления русско-армянских отношений во второй половине XVIII в. «армянские общины получили возможность сохранения национального языка и вероисповедания»[111].

Если армяне последовательно занимали прорусскую ориентацию, то отношение российского правительства к армянскому населению подвергалось трансформации, и в разные периоды было противоречивым, что связанно с изменением национальной политики государства, усилившееся с приходом в 1881 г. к власти Александра III и, проводимой им политики русификации. Данная политика отразилась и на армянских национально-светских и церковно-приходских школах, деятельность которых осуществляла, в том числе и Армянская апостольская церковь[112] (ААЦ), пользующаяся начиная с середины XIX в., особыми правами[113]. В частности, закрылось большинство церковно-приходских школ, а их имущество подверглось правительством конфискации. В дальнейшем положение армян продолжало ухудшаться, а изданный в 1903 г. указ о лишении армянской церкви имущества, по мнению Б.Т. Ованесова и Н.Д. Судавцова, вызвал негодование армянского населения[114]. В то же время, как справедливо заметил В.Б. Бархударян, данный указ не был

[110] Нерсисян М.Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение… С. 12.
[111] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века)… С. 63.
[112] В дореволюционных источниках Армянская Апостольская Церковь именовалась Армяно-григорианской.
[113] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона): дис… д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006. С. 200.
[114] Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе. Ставрополь, 2008. С. 184.

применен по отношению к церквям Москвы и Петербурга, построенным Лазаревыми[115].

Последние десятилетия XIX в. стали тяжелым временем для армянского народа. С упразднением в 1882 г. Кавказского наместничества, в России «берет свое начало армянский вопрос» и отношение российского правительства к армянскому населению резко ухудшается[116]. На фоне ужесточения политики правительства по отношению к национальным меньшинствам в их среде усиливались тенденции к национализму и участию в революционной борьбе. На идеях национализма в конце XIX – начале XX вв. стали формироваться национальные партии, среди которых были и армянские «Гнчак» («Колокол») и «Дашнакцутюн» («Союз»), основанные в 1887 и 1890 гг. соответственно. Они, в условиях усиливающегося давления на армян, находили все большую поддержку среди армянской элиты и руководства ААЦ, за что «правительство даже хотело отдать под суд верховного иерарха»[117]. Однако, партии «Дашнакцутюн» и «Гнчак» носили революционную направленность и подвергались гонениям со стороны жандармерии.

Несмотря на напряженность в отношениях российского правительства и армянского населения империи, в конце XIX в. в условиях обострившегося на национальной почве кризиса в Османской империи, представители армянской общественности продолжали видеть в России защитницу турецких армян. Усилившиеся с 1894 г. гонения в отношении армянского населения со стороны Османской империи, привели к активизации переселения их в Россию из приграничных территорий. Они оседали не только на юге России, но добирались даже до Москвы, Санкт-Петербурга и

---

[115] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века)… С. 233.

[116] Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе… С.182.

[117] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона)… С. 390.

Финляндии[118]. Российская общественность осуществляла массовый сбор средств в пользу этих беженцев.

В 1895 г. Петербург посетил Верховный Патриарх – Католикос Всех Армян Мкртич I (1893–1907). Здесь он получил аудиенцию императора Николая II, который «в память заслуг перед армянским народом и Российской империей»[119] наградил Мкртича I орденом Святого Апостола Андрея Первозванного. Католикос несколько раз присутствовал на богослужениях в армянском храме и проповедовал при стечении многочисленных прихожан: «Армения ныне разделена между двумя соседними государствами. Вы счастливы, вам выпал удел под мощной охраной великой России свободно исповедовать свою христианскую веру и, при условии честного труда, пользоваться всеми правами земной жизни»[120].

Таким образом, присоединение Восточной Армении к Российской империи привело к преодолению экономической отсталости, развитию производительных сил, созданию условий для национальной консолидации, развитию культуры, образования, педагогики. Армяне получили возможность непосредственного приобщения к передовой русской культуре, которая оказала огромное плодотворное влияние на развитие культуры армянского народа[121]. Войдя в состав империи, «Восточная Армения получила возможность экономического, политического и культурного развития»[122], – писал советский армянский историк А. Арзуманян.

В результате политики правительства значительно увеличились армянские общины в ряде российских городов. С. Дмитриев в учебнике «Экономическая география России», ссылаясь на данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., указывал, что в губерниях

---

[118] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга. СПб., 2015. С. 215.

[119] Чолахян В.А. Конфессиональная политика Российской империи в отношении Армянской Апостольской церкви в XIX – начале XX вв. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2016. № 8. С. 73.

[120] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга… С. 216.

[121] Нерсисян М.Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение… С. 9.

[122] Арзуманян А. Армения – Россия… С. 21.

и областях страны проживало 1 173 096 армян, составляющих 0,9 % от общего числа населения[123].

Одними из многочисленных армянских общин были северокавказские, в частности, кизлярская и моздокская. Армянские купцы открывали в казачьих станицах лавки, в которых торговали различным товаром. Но, как отмечает кавказовед Ю.Ю. Клычников, казаки относились к ним с высокомерием, хотя сами торговлей не занимались[124]. В Кизляре и Моздоке уже располагались частные школы, в которых обучались армянские дети[125]. Отличительной чертой местных армян стало участие общин в органах местного самоуправления, которые просуществовали до 1840 г.[126]

В 1779 г. армяне основали город Новая Нахичевань, а в 1799 г. – город Святой Крест, органом самоуправления, которого был магистрат, где «функционировал армянский суд»[127]. В 1839 г. на реке Кубань был заложен Армянский аул, в 1841 г. переименованный в Армавир[128]. Армянские общины были также основаны в Новороссийске, Екатеринодаре, Майкопе, Ставрополе и др. городах империи (см. приложение 1).

Как отмечал В.Б. Бархударян, армяне, проживающие в общинах, знакомились с историей и культурой страны, заимствуя у них новое и прогрессивное[129]. В этом смысле выделялись и имели особое значение армянские общины Москвы и Санкт-Петербурга, которые в условиях исследуемой проблематики наиболее повлияли на деятельность Лазаревского института восточных языков. О тогдашнем состоянии армянской общины Москвы и Петербурга повествуется в изданной в 1888 г. в Москве книге Г. Тер-Габриэлянца «Армянская колония в Москве и С. Петербурге»:

---

[123] Дмитриев С. Экономическая география России. М., 1918. С. 18.

[124] Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2002. С. 239.

[125] Стрелов В.И., Ованесов Б.Т. Армянские школы Ставропольской губернии в XIX – начале XX в. // Община («Амайнк»). Историко-культурный журнал. 1998. № 7. С. 14.

[126] Российские армяне. Этносоциологическое исследование / под ред. Ю.В. Арутюнян, Р.С. Карапетян, Л.В. Остапенко. Ереван: Изд-во Гитутюн, 2016. С. 43.

[127] Там же.

[128] Там же. С. 46.

[129] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века)… С. 157.

«Армянская колония не имела своего особого квартала, а разбросалась по столице; но нравы ее и обычаи совершенно отличны от закавказских»[130]. Живя среди коренного русского населения, московские армяне значительно обрусели. Среди них было немало лиц, пользующихся особым уважением общества. Это – известные московские юристы, присяжные поверенные Г.А. Джаншиев, Г.О. Черкезов; врачи – Сурeньянц, Шагиньянц и Маминов[131]. Многие московские армянские семьи, среди которых значились Ахвердовы, Аргутинские, Абамелек, Деляновы, Лорис-Меликовы получили не только российское гражданство, но и дворянские титулы[132].

Экономическую деятельность армянских общин составляли торговля и легкая промышленность. Так, в Москве, в Черкасском переулке, находилась «маленькая армянская колония». Ее составляли армяне, торгующие мануфактурными и галантерейными товарами. Впоследствии многие из них стали известными российскими фабрикантами. В числе наиболее известных в торговом мире – Абухов, Поливанов, Мажухин, Беляев, братья Шалаевы, Каратков, Маслов, Попов, братья Томанцевы, Шаповалов и др.[133]

Многие армяне, родившиеся в Российской империи и имевшие постоянные торговые дела с русскими, носили русские фамилии. Объясняется это их стремлением влиться в российское экономическое и политическое пространство. Наряду с этим, армяне также, как и евреи, пытались сохранить свой язык, культуру и вероисповедание, выражавшееся в строительстве школ, национальных типографий и церквей, «в противном случае община распалась бы и подверглась ассимиляции»[134].

Многие представители московской армянской общины занимались благотворительностью. Известными московскими меценатами считались действительный статский советник И.С. Ананов, финансировавший

---

[130] Тер-Габриэлянц Г. Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге. М., 1888. С. 31.
[131] Там же. С. 13.
[132] Там же. С. 11.
[133] Нейман М. Армяне. Сборник научных трудов. Ереван: Изд-во Луйс, 1991. С. 154.
[134] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века)… С. 127.

сооружение памятника императору Александру II, торговец кавказскими винами А.Л. Мискинов[135]. При Крестовоздвиженской церкви в Армянском переулке находился Каспаровский приют[136], основанный и содержавшийся на средства армянина И.П. Каспарова. В приюте бесплатно находились неизлечимо больные и бедные люди, независимо от национальной и религиозной принадлежности.

Одним из важных аспектов жизни московской общины армян был процесс формирования видных представителей армянской национальной интеллигенции и их влияние на мировоззрение общества. Духовному сближению двух народов, расширению их культурного общения, способствовали установившиеся культурные связи, которые приобрели иной характер. При длительном проживании малочисленной национальной группы, не имеющей тесных связей и контактов с исторической родиной, происходила физическая и этнокультурная ассимиляция. Данная концепция прослеживается в одной из статей Ованесова Б.Т.: «Для них Россия – духовно-культурное пространство во всех исторических проявлениях – в литературе, языке, в быту, обрядах»[137].

Анализ показывает, что на развитие армянской творческой мысли большое влияние оказывало повседневное общение с деятелями российского общества, знакомство с произведениями русских писателей.

Этому способствовало и то, что многие армянские писатели получали образование в российских университетах, а с мировой классикой они знакомились в русских переводах. Ю.А. Веселовский в монографии «Русское влияние в современной армянской литературе» приводил высказывания армянских писателей, «обосновавших закономерности влияний при общении культур»[138]. Поэт С.С. Шахазиз считал влияние русской литературы совершенно естественным, так как «все истинно талантливое..., созданное

---

[135] Тер-Габриэлянц Г. Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге… С.39.
[136] Там же. С.87.
[137] Ованесов Б.Т. Некоторые исторические аспекты национального менталитета армян Северного Кавказа / Б.Т. Ованесов // Община (Амайнк). Историко-культурный журнал Юга России. 1995. Вып.1. С. 7.
[138] Веселовский Ю.А. Русское влияние в современной армянской литературе. М., 1909. 48 с.

одним народом, должно находить отзвук у другого, живущего с ним в постоянном тесном общении»[139]. А. Арзуманян в своей работе ссылаясь на армянского историка Лео, писал: «Сопоставьте периоды армянской литературы с периодами российской и вы получите картину воздействия»[140].

Русская литература способствовала формированию новой армянской литературы. «Влияние русской литературы на армянскую, – писал поэт А. Цатурян, (жил в Москве) – по-моему велико, и трудно указать из наших писателей такого, который так или иначе не подпал бы под их влияние»[141]. Популяризацией произведений армянских писателей, историков, философов занимались многие российские деятели: Ю. Веселовский, Е. Некрасова, В. Брюсов, М. Горький. Выступая на юбилее литературной деятельности Ю. Веселовского, С. Шахазиз говорил: «Мы желали бы побольше Веселовских, побольше светлых людей в российском обществе, беспристрастно относящихся к порокам и добродетелям маленького и все же исторического народа»[142].

Жизнь в Москве наложила отпечаток на творчество армянских писателей Х. Абовяна, Г. Сундукяна, О. Ованесяна, О. Туманяна и др. Х. Абовян впервые познакомил армянского читателя с произведениями Н.М. Карамзина, И.И. Хемницера и И.А. Крылова «с особой любовью переводивший басни, идейное содержание и политическая направленность которых отвечали собственным его настроениям»[143].

Отмечая огромное благотворное влияние русской литературы на развитие армянской литературы, поэт и писатель О. Туманян отмечал: «С любовью и почтением преклоняюсь перед великолепной литературой великой русской нации, перед литературой А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.А. Тургенева… и их

---

[139] Арзуманян А. Армения – Россия… С. 39.
[140] Там же. С. 40.
[141] Нерсисян М.Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение… С. 9.
[142] Дружба. Сборник документов. Ереван, 1960. С. 89.
[143] Арзуманян А. Армения – Россия… С. 34.

достойных преемников, литературой, на которой учились очень многие из наших писателей и интеллигентов»[144].

Под влиянием русского искусства творили и талантливые композиторы, архитекторы, художники, актеры армянского народа. Нельзя представить, например, А. Спендиарова, Е. Тадевосяна, А. Таманяна, О. Абеляна и других выдающихся представителей армянского искусства вне русского искусства[145].

Драматический писатель и известный актер московского Малого театра армянского происхождения князь А.И. Сумбатов (Южин) закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и выступал на Императорской Московской сцене. За рубежом пользовались популярностью переведенные на немецкий, польский, сербский и чешский языки, пьесы А.И. Сумбатова «Цепи» (1888 г.) и «Старый закал» (1895 г.). Его пьесы концентрировали внимание зрителя на серьезных психологических задачах[146].

Один из представителей науки и культуры – публицист, искусствовед, переводчик, арменовед, специалист по всеобщей истории А.К. Дживелегов – окончив в 1893 г. Ставропольскую губернскую гимназию, поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета[147]. Он являлся учеником историка-медиевиста П. Виноградова, сотрудничал во многих московских газетах, таких, как «Путь», «Русское слово», «Утро России» и публиковал статьи по истории и социологии.

Вместе с историком и политическим деятелем С.П. Мельгуновым и российским и белорусским историком В.И. Пичета, он являлся редактором и

---

[144] Нерсисян М.Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение… С. 9.
[145] Там же.
[146] Сумбатов Александр Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т.82. С. 62.
[147] Ованесов Б.Т. Видные представители интеллигенции Российской империи армянского происхождения – выходцы из Северного Кавказа // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №8. С. 38.

автором ряда глав семитомного издания «Отечественная война и русское общество 1812 – 1912»[148].

В 1915 г. в газете «Русские Ведомости» А.К. Дживелегов подробно описал истребление армянского населения младотурецким правительством, отметив, что в годы Первой мировой войны «ни один из прежних армянских погромов, не исключая и погрома 1895–1896 гг., не может идти в сравнение с тем, что совершилось над армянами в дни великой войны»[149]. В том же году он стал одним из организаторов и редакторов еженедельника «Армянский вестник», издававшегося в Москве с января 1916 по апрель 1918 гг. На страницах еженедельника публиковались статьи, исследования, художественные произведения, переводы, корреспонденции видных представителей русской и армянской общественности. С. Котляревский, П. Долгоруков, Ю. Веселовский, В. Брюсов, В. Немирович-Данченко, С. Городецкий, В. Тотомянц, Лео, Т. Ахумян, Х. Кучук-Иоаннесов, Г. Чубарь, Г. Чалхушьян и многие другие освещали общественно-политическую жизнь армянского народа, раскрывали суть политики турецкого правительства в Западной Армении, положение беженцев, поднимали вопросы экономического возрождения Армении[150].

В еженедельнике особое место отводилось армянскому вопросу, действиям Кавказской армии, армянскому добровольческому движению, вопросам национального самоопределения армян. Смысловая нагрузка постоянных рубрик заключалась в идее: «Отторгнуть Турецкую Армению от Турции — значит спасти остатки армян от истребления и положить начало мирному развитию края»[151].

С увеличением числа переселенцев, росли их духовные потребности, а значит и возникала необходимость в армянских школах, типографиях, в

---

[148] Егоров А.А., Казаров С.С. Алексей Карпович Дживелегов // Община («Амайнк»). Историко-культурный журнал Юга России.1995. Вып.1. С. 41–42.
[149] Дживелегов А.К. Раны Армении // Русские Ведомости. 4 августа 1915. С.18.
[150] Ованесов Б.Т. Видные представители интеллигенции Российской империи армянского происхождения – выходцы из Северного Кавказа… С. 39–40.
[151] Армянский вестник. 1918. № 4–5.

которых печатались бы издания на армянском языке. В Москве уже существовала армянская типография О. Гербека[152], в которой была опубликована на древнеармянском языке книга «Казар Парпеци и его время», послужившая значительным вкладом в науку, так как автор книги создал свой труд в век возникновения и распространения армянской письменности.

Московские армяне имели свое собственное кладбище. Как писал Г. Тер-Габриэлянц: «Кладбище украшают много богатых и художественно исполненных памятников, испещрённых латинскими надписями. Из них особенно выделяются усыпальница семейства Лазаревых и памятник профессора Лазаревского института восточных языков С.И. Назарьянца»[153].

Армянская община Санкт-Петербурга возникла в начале XVIII в. Профессор Ереванского государственного лингвистического университета им. В.Я. Брюсова, филолог И.А. Атаджанян в своей работе «Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII вв.», ссылаясь на записку, найденную в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Абамелек-Лазаревых, утверждала, что община возникла уже в 1710 г., хотя и была малочисленной и в ней насчитывалось всего 50 человек. Там же описывался прибывший из Москвы и обосновавшийся в 1730 г. в Санкт-Петербурге, армянский священник Иван Шеристанов, что по мнению И.А. Атаджаян свидетельствовало о том, что «в 30-х гг. армянский приход вырос на столько, что появилась необходимость иметь постоянного священника»[154]. В конце 30-х гг. XVIII в. в Петербурге существовала армянская улица[155].

В 1721 г. в числе одних из первых переселенцев в Петербург прибыл Игнатий Францевич Шериманов. Находясь под покровительством выдающегося государственного деятеля и дипломата А.П. Волынского, он быстро обзавелся связями при российском дворе. Одним из главных

---

[152] Тер-Габриэлянц Г. Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге… С. 29.
[153] Там же. С. 37.
[154] Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII в. Ереван: Изд-во Лингва, 2006. С. 61.
[155] Словарь географии Российского Государства. Москва, 1807. Ч.5. С. 655.

результатов его деятельности стало вступление в московскую компанию «Шторных и прочих шелковых парчей мануфактуры», организованную бароном П.П. Шафировым, графом П.А. Толстым и графом Ф.М. Апраксиным[156]. В 1735 г. И.Ф. Шериман учредил новую мануфактуру в селе Фряново, производившую шелковые ткани[157].

В «Родовых прозваниях...» Е.П. Карновича упоминался купец Лука Ширванов, владелец астраханских и кизлярских фабрик, переехавший в Санкт-Петербург и основавший там торговую компанию, строившую суда. 18 января 1740 г. ему было разрешено построить на собственном дворе «церковь армянскую, небольшую, каменную, своим иждивением». Во многих документах Л. Ширванов назывался «Санкт-Петербургским армянином»[158].

Основным занятием первых армян, поселившихся в Петербурге, являлась торговля, однако, вскоре появились и «служилые люди»[159]. Также, как и в Москве, большой вклад в развитие армянской общины Санкт-Петербурга внесли представители семьи Лазаревых, в частности, Лазарь Назарович Лазарев (1700–1782) и его старший сын Иван Лазаревич Лазарев (1735–1801), на чьи средства была основана армянская церковь в Санкт-Петербурге, расположенная на Невском проспекте (см. приложение № 2). В 1781 г. «в торжественной обстановке, в присутствии высокопоставленных лиц, новая церковь была освящена архиепископом Иосифом Аргутинским»[160]. Духовный пастырь церкви, хороший знаток армянской литературы первой половины XIX в. – отец Хорен, основал при церкви хор, состоящий из молодых людей, получивших среднее и высшее образование в Санкт-Петербурге.

---

[156] Лаппо-Данилевский А. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. СПб., 1899. С. 36.

[157] Головцова О.А. Повседневная жизнь рабочих Фряновской шелкопрядильной мануфактуры в XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. 2014. №1 (56). С. 50.

[158] Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884. С. 401.

[159] Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. Ч.1. С. 355–357.

[160] Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII в. … С. 61.

Процесс объединения армян и появление в разных русских городах армянских храмов свидетельствовал об укреплении позиций Армянской Церкви в России. Но, вплоть до начала XIX в., Армянская Церковь в России не была признана юридическим лицом, за которым закреплялись бы официальные имущественные права. А по указу от 17 ноября 1810 г. имущественные интересы Армянской Церкви были ограждены теми же самыми законами, как и для Русской Православной Церкви. В 1836 г. император Николай I издал Указ «Положение об управлении делами Армяно-Григорианской Церкви в России», на основании которого армянские приходы страны были разделены на шесть епархий, регулировавшие деятельность армянской церкви в Российской империи[161].

В 1841 г. по проекту архитектора Л.Ф. Вендрамини была проведена реконструкция церкви Св. Екатерины (см. приложение 2). А кладбищенская Воскресенская церковь в середине XIX в. стала приходской и при ней открылось армянское благотворительное общество[162].

У Санкт-Петербургских армян было свое кладбище, расположенное на Васильевском острове, где от Смоленского православного кладбища для умерших армян было отделено место для погребения, закрепленное в изданном Сенатом в 1791 г. указе «Об отводе места на Васильевском острове при кладбище для погребения армян»[163]. В 1894 г. на кладбище насчитывалось 410 захоронений и было местом упокоения граждан различных сословий и материального состояния, что подтверждают богатые памятники, расположенные рядом с могилами бедняков. В списках армянского некрополя значатся имена видных представителей армянской общины, представителей самых разных профессий и сословий[164].

---

[161] ПСЗ РИ Т.11. СПб. 1837. № 8970. С.200.

[162] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга. СПб.: Центрполиграф, 2015. С. 195.

[163] ПСЗ РИ Т.23. СПб., 1830. №16945. С. 215.

[164] Список важнейших захоронений на Смоленском армянском кладбище Санкт-Петербурга // Веруем. 2000. № 86. С. 9.

Здесь при кладбищенской церкви похоронены потомки известного рода Лорис-Меликовых, протоиерей М.И. Челабов (1834 г.), профессор турецкого языка О. Амиди (1798 – 1849), создатель армяно–русского словаря А.М. Худобашев (1780 – 1869), химик К.Н. Гайрабетов (? – 1906), генерал от кавалерии А. Авшаров (1834 – 1907), инженер путей сообщения Х.А. Ярамышев (? – 1918) и многие др.[165]

Армянский приход Санкт-Петербурга в течение почти всего XIX в. оставался относительно немногочисленным. В 1829 г. в Санкт-Петербургской губернии проживали 111 армян[166], в 1869 г. насчитывалось 329 прихожан[167]. Кроме купечества, сюда теперь приезжали люди разных общественных положений: чиновники, военные, люди духовного звания и промышленники[168]. В 1869 г. из 370 проживавших в Петербурге армян 78 % составляли представители интеллигенции, 8 % – зажиточная прослойка, 7 % рабочие и ремесленники и, кроме того, 11 генералов и офицеров, 4 священнослужителя[169].

Один из существенных источников дохода, необходимый для повседневных нужд общины, состоял из сдачи внаем жилых домов. С 1854 по 1872 г. в верхнем этаже дома № 42 по Невскому проспекту жил со своей семьей Федор Иванович Тютчев (1803–1873), поселившийся здесь по приглашению семьи Абамелек-Лазаревых. В одном из своих писем от 23 июля 1854 г. поэт упоминал о квартире «в доме Армянской церкви, в третьем этаже, окнами на Невский проспект». «Там 14 комнат с паркетом, – писал Ф.И. Тютчев. – Сам хозяин, старик Лазарев, давнишний друг нашей семьи, пришел мне ее предложить. Она сдается с дровами и водой, конюшней и сараем, за 1500 рублей в год»[170]. В письме от 11 августа 1854 г.

---

[165] Список важнейших захоронений на Смоленском армянском кладбище Санкт-Петербурга // Веруем. 2000. № 86. С. 9.
[166] Вартанян В.Г. Армяно-Григорианская Церковь в политике Николая I. Ростов-на-Дону, 1999. С. 71.
[167] Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Петербург – Петроград – Ленинград. Л., 1987. С. 67.
[168] Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII в. … С.63.
[169] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга… С.197.
[170] Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене // Старина и новизна. 1915. №19. С. 213.

Ф.И. Тютчев сообщал: «Я сегодня окончательно нанял квартиру, о которой шла речь. Старик Лазарев очень доволен иметь нас жильцами»[171].

Трудно переоценить роль одного из наиболее видных деятелей армянской культурной общины северной столицы второй половины XVIII в. главы российской епархии ААЦ И. Аргутинского-Долгорукого. Благодаря его авторитету и стараниям, а также неутомимой деятельности семьи Лазаревых, Санкт-Петербург стал важным центром культуры российских армян. Будучи одним из руководителей армянского освободительного движения, он всецело поддерживал деятельность своих соотечественников, связывавших освобождение Армении с Россией. Им был «разработан проект восстановления армянской государственности под протекторатом России», а также оказана «российскому правительству существенная поддержка в присоединении Крыма и Кавказа»[172] За свою деятельность архиепископ Иосиф, его братья и племянники были возведены императором Павлом I «в княжеское достоинство с дозволением именоваться Аргутинскими-Долгорукими (Еркай-набазук)»[173].

И. Аргутинский олицетворял собой не только духовное лицо Санкт-Петербурга, но и политического представителя армянской общины. В 1800 г. им был получен сан верховного патриарха и подготовлен русский перевод «Исповедание христианской веры армянской церкви»[174]. Отличное знание русского языка, несомненно, способствовало его популярности в русских правительственных кругах.

Необходимо отметить еще один немаловажный факт деятельности Иосифа Аргутинского. В 1779 г. он познакомился с только что приехавшим из Лондона Григорием Халдаряном – пионером армянского типографского дела в столице России. Открытая им в Санкт-Петербурге первая армянская

---

[171] Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене // Старина и новизна. 1915. №19. С. 217.

[172] Акопян В.З. Этапы развития деятельности епархии Армянской Апостольской церкви на Северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1. С. 225.

[173] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга… С. 203.

[174] Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван: Тип. Акад. наук Арм. ССР, 1947. С. 48.

типография призвана была сыграть важную роль в проблеме культурной адаптации армян в российское общество[175]. Содействие Г. Халдаряну в работе типографии оказывал крупный промышленник и видный представитель армянской культурной общины Петербурга Макар Маничар. Он был инициатором организации в Астрахани Агабабовского училища, учебного заведения для детей армянских купцов, где они могли получить минимальные знания, необходимые для ведения коммерческих дел[176].

Среди наиболее популярных изданий типографии можно отметить первый в истории учебник русского языка для армян К. Сарафовой[177], озаглавленный «Книга, содержащая в себе ключ познания букваря, словаря и некоторых правил из нравоучения». Работа над учебником началась в 1788 г. и содержала армянский и русский буквари, а также, рассчитанный на школьников, разговорник. К. Сарафова впервые применила способ передачи русских слов армянскими буквами и наоборот.

Интересен факт, что в документах архивного фонда Матенадарана имеются сведения об армянском купце, использующем метод К. Сарафовой для своего делопроизводства. Так, свои записи он вел на ломаном русском языке армянскими буквами, что свидетельствовало о плохом владении языком, но стремлением к его изучению[178].

Организация типографии в Санкт-Петербурге – явление не случайное. К концу XVIII столетия в России среди армянского населения отмечалась тенденция на возрастание интереса к изучению русского языка, в связи с чем возникла потребность в русско-армянских словарях. И большую роль в культурном значении сыграл, изданный в Санкт-Петербурге в 1788 г. Г. Халдаряном, первый русско-армянский словарь, цель которого заключалась в облегчении овладением русским языком армянским населением. В словаре содержалось более двух с половиной тысяч слов. В

[175] Ерканян В.С. Армянская культура в 1800–1917 гг. (арм.). Ереван, 1985. С. 85.
[176] Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия… С. 269–271.
[177] Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957. С. 17.
[178] Матенадаран. №5954. Л. 118–121.

конце словаря была помещена «Молитва» Шнорали с русским переводом. В связи с кончиной Г. Халдаряна издать словарь не удалось и его вдова – Каринэ Захаровна, взяла на себя это бремя, за что Лео[179] назвал ее первой армянской издательницей[180]. К сожалению, типография проработала лишь до 1789 г., и издать в ней успели всего несколько книг, так как в связи со смертью Г. Халдаряна и тяжелым материальным положением типографию пришлось закрыть.

В начале XIX в. в Санкт-Петербурге были основаны новые типографии и «издание арменоведческой и переводческой литературы получило широкий размах»[181]. Во второй половине XIX в. в Санкт-Петербурге уже было сосредоточено несколько типографий, в которых издавались, как научные труды, так и периодические издания. В 1863 г. в столице вышла первая армянская газета «Юсис» («Север»); в 1887 – 1898 гг. издавался иллюстрированный литературно-художественный ежегодник «Аракс»; в 1903 – 1904 гг. – ежегодник «Банбер граканутюн ев арвест» («Вестник литературы и искусства»), сатирические журналы «Арцункнер» («Слезы») и «Саприч» («Цирюльник»)[182].

Таким образом, приходим к выводу, что открытые в Санкт-Петербурге армянские типографии, сыграли немаловажную роль в сохранении армянской культуры и идентичности.

Санкт-Петербург был центром не только промышленности, но и науки, культуры Российской империи, куда стремились многие прогрессивные деятели. Это относится и к представителям армянской общины графу М.Т. Лорис-Меликову (1825 – 1888), министру народного просвещения, статс-секретарю И.Д. Делянову (1818 – 1897), генералу Х.М. Долуханову (1837 – 1893) и генералу М.С. Лалаеву (1828 – 1912), профессору армянской

---

[179] Лео – псевдоним армянского историка, публициста и литератора. Профессор и действительный член Института наук и искусств Армянской ССР. Настоящее имя – Бабаханян Аракел Григорьевич.

[180] Лео (Бабаханян А.). Армянское книгопечатание (арм.). Тифлис, 1905. С. 29.

[181] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века)… С. 278.

[182] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга… С. 205–206.

литературы, востоковеду, члену-корреспонденту Санкт-Петербургской академии наук К.П. Патканову, меценату Н.С. Санасарову, основавшему и содержащему на собственные средства в г. Эрзеруме в Османской империи школу для армянских детей и др.

Членом Санкт-Петербургской армянской общины являлся и Л.М. Серебряков (1795 – 1862). Он принадлежал к плеяде выдающихся флотоводцев, организовавшим морские перевозки грузов и строительство новых укреплений на российском побережье. Член Русского географического Общества Л.М. Серебряков собрал ценнейшие данные о землях и народах от Сухума до Кубани. Один из периодов Кавказской войны 1830–1850-х гг. выдвинул Лазаря Марковича в ряды видных военно-политических деятелей. Героическая жизнь адмирала описана в совместной монографии Б.Т. Ованесова и Н.Д. Судавцова «Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе»[183], откуда узнаем, что во время Крымской войны вместе с Л.М. Серебряковым воевали два его сына. 23 марта 1855 г. во время обороны Севастополя погиб старший сын, о чем ему сообщил лично адмирал П.С. Нахимов. Являясь членом адмиралтейства, Л.М. Серебряков «принимал участие в решении многих вопросов развития и укрепления российского флота»[184]. В 1955 г. останки флотоводца были торжественно перезахоронены в пантеоне героев обороны Севастополя. В 1977 г. в его честь была названа одна из улиц г. Новороссийска.

К 1831 г. число армян, живущих в Санкт-Петербурге, увеличилось. Одной из причин этого процесса явилось присоединение к Российской империи большей части территории Восточной Армении, что вызвало дополнительный приток армянского населения в столицы империи. Если первые армяне занимались здесь главным образом торговлей, то к середине XIX в. многочисленной частью армянской общины стали чиновники, военнослужащие, преподаватели и студенты высших учебных заведений. К

[183] Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе. Ставрополь, 2008. 262 с.
[184] Там же. С. 101.

тому времени основными мигрантами стали молодые армяне, приехавшие в столицу России для получения образования или для усовершенствования в различных областях науки, прежде всего в медицине и филологии. В целях сохранения национальной самобытности необходимо было воспитать молодое поколение в духе армянских традиций и обучить армянскому письму и литературе. Поэтому, было решено начать здесь преподавание «в казенном заведении армянского языка»[185].

Хотя в городе не было армянского учебного заведения, уже с первой половины XIX в. армянский язык преподавали в Санкт-Петербургском университете, где в 1844 г. по высочайшему повелению Николая I была учреждена кафедра армянской словесности, а в 1849 г. создана кафедра армянского языка и литературы. Она стала второй по счету в России, а первую кафедру открыли в 1842 г. в Казанском университете. На кафедре работали такие видные ученые-арменоведы, как профессора К. Патканов и Н. Адонц, академики Н. Марр, И. Орбели, которыми по праву гордилось международное востоковедение[186]. Здесь, наряду с Московским Лазаревским Институтом, осуществлялась подготовка кадров арменоведов.

Большое культурное значение имело издание в Санкт-Петербурге труда Мовсеса Хоренаци «История Армении» (1809 г.) и книги «Жизнь Артемия Араратского» (1813 г.), благодаря переводчику Варлааму Ваганову, переводившего с армянского на русский язык, впервые познакомившего русского читателя с армянской историей XVIII в. В числе его переводов такие фундаментальные сочинения, как труд Мовсеса Хоренаци «Плач об Армении» (последняя часть «Истории Армении») и «Новая книга, называемая увещевание», составленная Шаамиряном[187].

Важное место в духовной жизни здешних армян занимал и ученый, владевший несколькими языками, Хоченц (Маргар) Гехамянц, служивший в

---

[185] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. Т.I. С. 64.
[186] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга… С. 206.
[187] Там же. С. 209.

Коллегии иностранных дел. Он был уроженцем Эривани, откуда с семьей перебрался в Смирну[188]. Вскоре, наладив связь с И. Аргутинским, он переехал в Санкт-Петербург. Будучи человеком высокообразованным, владевшим несколькими иностранными языками, Х. Гехамянц переводил произведения армянских писателей на русский язык. В 1817 г. при его активном участии библейским сообществом города была переведена на новоармянский язык Библия[189].

С Санкт-Петербургской армянской общиной связана и деятельность министра народного просвещения, члена Государственного Совета – графа Ивана Давыдовича Делянова (1818 – 1897), чей род, как и род Лазаревых переселился в Россию из Персии.

Он принадлежал к «древнему роду из Закавказья, нашедшему в России не только приют, но и возможность достигнуть отличий службою новому отечеству»[190]. По окончании в 1838 г. юридического факультета Московского университета И.Д. Делянову была присвоена степень кандидата права, и он начал службу во II отделении Собственной его императорского величества канцелярии[191].

В 1858 г. началась деятельность И.Д. Делянова в Министерстве народного просвещения[192] в должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. 4 августа 1861 г. он был назначен директором департамента народного просвещения. К концу того же года занял пост директора Императорской публичной библиотеки[193]. 16 марта 1882 г. И.Д. Делянов, с помощью прямой протекции графа Д.А. Толстого, стал министром народного просвещения.

В исторической науке оценка общественно-государственной деятельности И.Д. Делянова носит спорный характер. В основе своей его

[188] Современное название города – Измир (Турция).
[189] Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII в. … С. 95.
[190] Деляновы. История Русских родов [Электр. ресурс]. URL: http://www.russianfamily.ru/d/delanov.html (дата обращения: 04.03.2017).
[191] Хрущов И.П. Памяти графа И.Д. Делянова. СПб.: тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1898. С. 10.
[192] Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Типография Исидора Гольберга, 1897. С. 16.
[193] Там же.

деятельность на посту министра народного просвещения совпадала с направлением внутренней политики Александра III, которая заключалась в преобразованиях системы высшего и среднего образования, ограничивающих свободу учения и преподавания. Результатом данных преобразований стал изданный 18 июня 1887 г. циркуляр «О сокращении гимназического образования»[194], продиктованный политикой контрреформ в области образования. Получивший в народе название «Циркуляр о кухаркиных детях», он предусматривал ограничение приема в учебные заведения детей из низших слоев населения.

Дальнейшие действия И.Д. Делянова в этом направлении были связаны с закрытием в 1886 г. высших женских курсов, пересмотром в 1890 г. учебных планов классических гимназий, связанных с увеличением преподавания русского языка за счет сокращения древних языков и русификацией школ на окраинах страны[195]. В то же время, следует отметить, что именно при содействии И.Д. Делянова в России усилилось внимание техническому образованию, результатом чего стало открытие Харьковского технологического института, Томского университета, Иркутского технического училища, Московского Комисаровского технического училища[196].

Сам И.Д. Делянов находился в родственных отношениях с семьей Лазаревых. Его мать, Мария Екимовна, была племянницей Ивана Лазаревича Лазарева, а сам он позже женился на своей двоюродной сестре – Анне Лазаревой, что не могло не сформировать особого отношения министра народного просвещения И.Д. Делянова к Лазаревскому институту, который, по мнению В.Б. Бархударяна, был ему духовно близок[197].

---

[194] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том X. Царствование Императора Александра III. 1885–1888 годы. СПб., 1894. С. 880.
[195] Делянов Иван Давыдович // Большая энциклопедия. СПб., 1902. Т.8. С. 304.
[196] Хрущов И.П. Памяти графа И.Д. Делянова… С. 73.
[197] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века)… С. 233.

Начиная с третьей четверти XIX в. в Санкт-Петербурге среди представителей армянской интеллигенции начали формироваться различные кружки, призванные объединить наиболее известных армянских общественных деятелей Москвы и Санкт-Петербурга для поддержания политики России в Западной Армении, заселенных преимущественно армянским населением.

Наиболее заметный рост армянской общины Санкт-Петербурга произошел на рубеже XIX и XX вв. Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. здесь проживало 753 человека (см. приложение № 1), тогда как в 1890 г. по сведениям А.Е. Тер-Саркисянц в ней насчитывалось 656 человек, а в 1910 г. – уже 2120 человек[198]. В начале основной контингент составляли ремесленники и торговцы, а к концу века уже наблюдалось увеличение преподавателей, студентов, дипломатов, деятелей культуры и науки.

Среди армянского населения отмечалась языковая, а иногда и религиозная ассимиляция. Так, по приведенным Г.В. Старовойтовой данным городских переписей Санкт-Петербурга, в 1869 г. из 369 здешних армян 329 составляли приверженцы Армянской Апостольской Церкви, 32 относились к Римско-Католической, а 8 – к Православной церкви. В 1900 г. из 1143 человек уже 1127 принадлежали Армянской Апостольской Церкви, 5 – Римско-Католической и 11 – Православной, а в 1910 г. из 2111 человек соответственно – 2047, 17 и 47[199].

Что касается распределения армян Петербурга по родному языку, то если в 1869 г. у всех родным считался – армянский, то в 1881 г. этот показатель снизился до 86 %, поскольку 12 % уже считали своим родным языком – русский и по 1 % назвали родным один из кавказских и прочих языков; в 1900 г. – соответственно 83, 15 и 1 %; в 1910 г. – 76, 22 и 1 %[200].

---

[198] Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература, 1998. С. 366.

[199] Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Петербург – Петроград – Ленинград… С. 65.

[200] Там же. С. 66.

Среди назвавших родным языком русский были преимущественно представители второго и третьего поколений петербургских армян. Г.В. Старовойтова, полагала, что часть армян, по всей видимости, еще до своего переезда в Санкт-Петербург переходила на другие языки и принимала другую веру.

Начиная с 1870-х гг. в среде петербургской армянской интеллигенции и особенно студенчества стали широко распространяться идеи освобождения армян, проживающих в Западной Армении, при этом большие надежды возлагались на российскую армию.

В конце XIX – начале XX столетия лучшие представители петербургской армянской интеллигенции группировались вокруг князей Абамелек-Лазаревых. Князь С.С. Абамелек-Лазарев до самой смерти в 1916 г. оставался председателем совета по управлению местными армянскими церквами. Многие из людей его круга оставили неизгладимый след в истории армянской общины – князья Аргутинские-Долгорукие, граф И.Д. Делянов, граф М.Т. Лорис-Меликов, С.К. Патканов, генерал кавалерии Агаси бек Авшаров и др., которые содействовали укреплению и единению общины.

14 декабря 1907 г. в Санкт-Петербурге был образован Армянский кружок, сыгравший заметную роль в культурной жизни города[201]. Он объединил представителей, как петербургской интеллигенции, так и наиболее известных армянских общественных деятелей, проживавших в различных регионах страны и даже за рубежом. Целью кружка стало сближение армян, проживающих в городе, для достижения которой проводились совместные обсуждения вопросов, касающихся жизни армян, издавались исследования, записки, книги и пр.[202] Несмотря на противоречивость политических взглядов и убеждений, членов кружка

[201] Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга… С. 221.
[202] Веруем: Газета армянской церковной общины Санкт-Петербурга. СПб., 1993. № 1-2. С. 2.

объединяла единая цель укрепления национальной общины, сплочения России и Армении.

Одним из важных очагов армянской культуры в Северной столице являлось открывшееся в 1911 г. Общество изящных искусств[203], которое материально и морально помогало молодым художникам и артистам, устраивало их передвижные выставки и литературные вечера. Благодаря пожертвованиям меценатов, поддерживались одаренные представители учащейся молодежи, особенно из среды студентов.

В 1916 г. в Санкт-Петербурге создавались различные благотворительные армянские общества, среди которых следует отметить Общество по оказанию помощи беженцам и пострадавшим от войны, Армянское общество попечения о бедных, Церковный Совет, Касса взаимопомощи учащихся армян в высших учебных заведениях и другие общественные организации, детские сады с обучением родному языку[204].

О состоянии армянской общины в конце XIX – начале XX в. можно судить по «Отчетам Совета по управлению имуществами С.-Петербургских армянских церквей». Совет действовал на основании «Правил и инструкций по управлению имуществами С.-Петербургских и Московских армянских церквей» (1888 г.). В обязанности Совета входило «вспоможение бедным учащимся армянам, разным армянским благотворительным и учебным учреждениям и призрение к приходу принадлежавших бедных армян»[205].

К началу XX столетия армянская община в Санкт-Петербурге продолжала расширять свою деятельность. Так, в январе 1915 г. по инициативе членов Армянского кружка в городе был учрежден Русско-армянский комитет для широкого освещения в печати бедственного положения армянского народа в Турции и оказания помощи пострадавшим.

---

[203] Российские армяне. Этносоциологическое исследование / под ред. Ю.В. Арутюнян, Р.С. Карапетян, Л.В. Остапенко… С. 36.

[204] Там же.

[205] Правила и инструкции по управлению имуществами Санкт-Петербургских и Московских армянских церквей. СПб., 1888. С. 53.

Трагедией для армянского народа стал геноцид 1915 г., когда младотурецким правительством было убито до 2 000 000 армян, проживавших на территории Порты. Сочувствие армянам выразила российская интеллигенция и простой народ, православные славянские страны, столетиями находившиеся под турецким игом. Этому событию было посвящено, напечатанное в январе 1916 г., стихотворение Валерия Брюсова «К армянам»[206]. Под его же редакцией в том же 1916 г. вышла в Москве книга «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» с переводами известных русских поэтов, которая по выражению А.Е. Тер-Саркисянц «не имеет себе равных»[207].

Первый Армянский съезд, состоявшийся в 1916 г. в Петрограде, принял решение об оказании помощи пострадавшему населению Западной Армении. Для исполнения данного решения в 1917 г. были учреждены Русско-армянский и Русско-армянско-американский банки. Практически ежемесячно армянские общественные организации устраивали благотворительные мероприятия, весь сбор от которых направлялся в пострадавшие районы[208].

Таким образом, можно сказать, что важным фактором экономического и культурного подъема армянского населения России стало присоединение Восточной Армении к Российской империи, что послужило увеличению армянских общин в российских городах, где у армян под влиянием российского общества и русской культуры появилась возможность национального, экономического и культурно-политического развития.

Из приведённых фактов следует, что армянские общины Москвы и Санкт-Петербурга сыграли большую роль в жизни армянского населения XVIII – XIX вв., оказали серьезное содействие в укреплении русско-армянских взаимоотношений. Возникшие в конце третьей четверти XIX в.

---

[206] Абрамян Г.А., Севан-Хачатрян Т.Г. Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы. Ереван, 1995. С. 225.

[207] Тер-Саркисян А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Восточная литература, 2008. С. 380.

[208] Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Петербург – Петроград – Ленинград… С. 69–70.

социокультурные кружки объединили известных армянских общественных деятелей Москвы и Санкт-Петербурга для поддержки политики России в восточной части Малой Азии, сплочения России и Армении.

1.2 Участие рода Лазаревых в экономической, политической и социокультурной жизни России в XIX в.

Семья как социальный институт является предметом анализа социологов. Однако в исторической науке для детального или масштабного изучения отдельных процессов и явлений могут рассматриваться семейные роды с точки зрения их вклада в те или иные сферы жизнедеятельности государства.

От поколения к поколению примером бескорыстного служения российскому Отечеству и своей родине – Армении могут считаться такие знатные армянские семьи как Аргутинские, Лорис-Меликовы, Деляновы, Сумбатовы, Мирзахановы, Айрапетовы, Ахвердовы и др. В этом ряду особенно выделяется род Лазаревых, три поколения которых на протяжении 150 лет[209] возглавлял армянские общины Москвы и Санкт-Петербурга. Они занимались социокультурной деятельностью, благотворительностью, принимая близко к сердцу нужды и потребности не только армянских переселенцев в новом отечестве, но и нуждающихся россиян. Лазаревы стояли в одном ряду с такими известными российскими меценатами как Демидовы и Строгановы.

Лазарь Назарович Лазарев родился в городе Новая Джульфа 3 апреля 1700 г. Он шахом Солтаном Хусейном I был «определен правителем города Джульфы»[210]. Л.Н. Лазарев был богат, а свидетельством его благосостояния служит тот факт, что принадлежавший ему дом, впоследствии являлся дворцом иранского хана и паши в городе Исфахан.

---

[209] Последний представитель мужской линии Христофор Иоакимович Лазарев умер в 1871 г. см.: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 538.

[210] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1855. С. 5.

В связи с нашествием в начале XVIII в. в Иран афганцев и, обострившимся вслед за этим политическим кризисом в стране, многие знатные армяне Новой Джульфы были вынуждены покинуть основанное ими поселение, и как отмечал в статье «Армяне в России» Г.И. Кананов, «разбрестись по разным углам Европы и Азии»[211].

Л.Н. Лазарев в 1721 г. переехал в Россию и по рекомендации купца Д.Я. Земского[212] был назначен переводчиком на торговый караван. После этого он регулярно совершал торговые поездки из Москвы и Санкт-Петербурга в некогда покинутую им Новую Джульфу. В этот период его жена Анна Екимовна Лазарева (1710 – 1770) с четырьмя сыновьями и дочерью оставались в Персии. Достоверно известно, что сыновья Лазаря Назаровича, а именно: Иван Лазаревич Лазарев (1735 – 1801), Мина Лазаревич Лазарев (1737 – 1809), Христофор Лазаревич Лазарев (1741 – 1774), Иоаким Лазаревич Лазарев (1743 – 1826) и дочь Анна, в замужестве княгиня Сумбатова (? – 1800) также родились в Новой Джульфе[213].

После ухудшения политической обстановки в 1747 г. в Иране, связанной с борьбой за шахский трон, Л.Н. Лазарев, распродав свое имущество, вместе с семьей переселился в Россию. Сначала он обосновался в Астрахани, а в 1758 г. переехал в Москву. Мотивы переселения Лазаревых в Россию профессор А. Зиновьев в 1855 г. описывал следующим образом: «Как внутренние и внешние замешательства, угрожавшие опасностью, часто возобновлялись во всей Персии; то Лазарев с семейством своим решился оставить Персию»[214].

Знание восточных языков позволило Л.Н. Лазареву получить должность переводчика «при сношениях с Персией»[215]. Как отмечали современники, он обладал уникальными качествами, такими как

---

[211] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. С. 539.
[212] Данил Яковлевич Земской – выходец из бедных дворян, ставший при Петре I крупным купцом и предпринимателем.
[213] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки… С. 428.
[214] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 6.
[215] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки… С. 429.

предприимчивость, склонность к просветительской деятельности, религиозность, милосердие и др. В результате своей деятельности в России, он «достиг высшей степени уважения… содействовал в предприятиях, полезных для Правительства и для Армянской нации, которой они в России были представителями, руководителями и защитниками в разных обстоятельствах»[216]. Таким образом, род Лазаревых обосновался в России.

Начало XVIII в. характеризуется, начавшимися еще в конце XVII в., социально-экономическими преобразованиями, затронувшими все сферы жизнедеятельности страны. Особенно это отразилось в промышленности. Так, на Урале, в районе Тулы, Ярославля, Казани были построены металлургические заводы, открылись кожевенные предприятия, быстро развивалось мануфактурное производство, а в стране уже насчитывалось более 30 мануфактур. В Москве по выпуску текстильной продукции был открыт Хамовский двор.

В 1758 г. Лазарь Назарович приобрел у своего родственника Игнатия Францевича Шериманова в Богородском уезде, в 60 километрах от Москвы, Фряновскую шелковую мануфактуру. Здесь изготавливались шелковые ткани, в том числе и для двора Екатерины II. Как отмечал А.А. Дмитриев, «на мануфактуре были изготовлены обои, которыми были обиты Зимний и Таврический залы в Петербургских дворцах»[217]. Продукция мануфактуры Л.Н. Лазарева пользовалась спросом, как в России, так и за рубежом. Источники сообщают, что он был «деятельным комиссионером по поставке шелка-сырца в Германию»[218]. Вероятно, этими связями с иностранными государствами и объяснялся тот факт, что императрица Мария Терезия 19 марта 1768 г. даровала ему титул барона Священной Римской империи. А

[216] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 9.
[217] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки… С.430.
[218] Там же.

ее сын, император Иосиф II 30 марта 1788 г. присвоил старшему сыну Л.Н. Лазарева Ивану Лазаревичу Лазареву титул графа Римской империи[219].

Управляющий мануфактурой так описывал деятельность Л.Н. Лазарева по благоустройству предприятия: «Оный, Лазарь Назарович Лазарев, употребив большие капиталы на покупку еще от разных помещиков к той фабрике крестьян и выписывая из чужих краев лучших мастеров, привел фабрику в цветущее состояние»[220]. С развитием Фряновской мануфактуры, с одной стороны развивалось новое для России производство, а с другой – привлекалось большое число работников, что обеспечивало занятость населения. Принадлежала мануфактура Лазаревым до первой четверти XIX в. После занятия Москвы армией Наполеона в 1812 г., дом Лазаревых, склад шелковых изделий и материалы для мануфактуры сгорели при пожаре.

Достойно оценив службу Лазарева, Екатерина II 20 мая 1774 г. пожаловала «Лазаря Назаровича со всем нисходящим потомством в дворяне Российской империи», а 3 октября 1776 г. он получил «Высочайшую грамоту на дворянское достоинство»[221]. Наряду с прочими заслугами в грамоте указывалась и созданная Лазарем Назаровичем Фряновская мануфактура. Из всего этого можно сделать вывод, что и в России Лазаревы остались верны традициям, «вынесенным из Персии: состоя на русской службе, они в то же время пускались в коммерческие предприятия»[222]. Благодаря крупному состоянию и выдающимся личным способностям членов семьи Лазаревых, их фамилия довольно быстро стала известной в России.

По воспоминаниям современников, взаимопонимание и уважение к культуре разных народов были неотъемлемыми элементами царившей в доме Лазаревых духовной атмосферы. Как отмечал один из исследователей

---

[219] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. Т. I. С. 181–187.

[220] Головцова О.А. Повседневная жизнь рабочих Фряновской шелкопрядильной мануфактуры в XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. 2014. №1 (56). С. 52.

[221] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. Т. I. С. 176–177.

[222] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки… С. 430.

истории семьи Лазаревых Н.А. Григорян, особое внимание уделялось чувству долга, ответственности перед семьей, обществом и отечеством[223].

Старший сын – Иван Лазаревич Лазарев (1735 – 1801) – был образованным видным общественным и политическим деятелем. Он вошел в историю российско-армянских отношений как, обладавший «обширным умом, образованностью и оказанными им услугами, достиг высшей степени уважения»[224]. И.Л. Лазарев был женат на Екатерине Ивановне Мирзахановой (1750 – 1819) и имел сына Артемия (1768 – 1791) и дочерей Анну и Марию, точные годы жизни которых неизвестны.

В Нижегородском государственном художественном музее хранится написанный маслом известный «Портрет Ивана Лазаревича Лазарева». Автором работы являлся профессор Венской академии художеств, член Веронской академии Иоганн Баптист Лампи-старший. Там же хранится и портрет его сына, молодого офицера, адъютанта командующего графа Артемия Ивановича Лазарева[225].

Наибольшую известность Иван Лазаревич получил как политический деятель, предприниматель, фабрикант, меценат. В 60-х гг. XVIII в. он переехал из Москвы в Санкт-Петербург, к своему дяде, купцу Сафрасу. Крупный негоциант миллионер Григорий Сафрас Ходжеминасов родился в Новой Джульфе. Он занимался обработкой и поставкой драгоценных камней в Россию и Западную Европу. В книге русского исследователя XIX в. М.И. Пыляева «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление» содержатся следующие сведения о нем: «Григорий Сафрас… переехавший в Россию из Голландии, купил алмазный камень, который вывезен им в Россию»[226]. Вероятнее всего, Григорий Сафрас, именно то

[223] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики // Вестник Российской академии наук. 2001. Т.71. №12. С. 1102.
[224] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 9.
[225] Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки). М.: Изд-во «Наука», 1982. С. 59.
[226] Пыляев М.И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. СПб., 1896. С. 158.

лицо, через которое попали в Россию два бриллианта, «занявшие первые места среди коронных драгоценностей русских царей»[227].

Взяв под свое покровительство племянника И.Л. Лазарева, он помог ему наладить собственное ювелирное дело. Иван Лазаревич не был ювелиром в прямом смысле этого слова, то есть не изготавливал ювелирных изделий и не занимался торговлей драгоценностями. Однако, как отмечал А.П. Базиянц, «вероятно, через него покупали драгоценные камни венценосцы России, и он выступал кредитором и поручителем при покупках. С этим, скорее всего, связано его звание придворного ювелира»[228].

Благодаря составленному еще в 1771 г. в Петербурге Григорием Сафрасом завещанию, «ювелир высочайшего двора» Иван Лазаревич и его брат Иоаким Лазаревич назначались его душеприказчиками. В РГИА хранится Дело № 532 «О разделе имущества астраханского купца Григория Сафраса Ходжеминасова между наследниками»[229] и № 529 «По опеке Ивана и Иоакима Лазаревых над детьми и имуществом их дяди, армянского купца Григория Сафраса Ходжеминасова»[230].

Особый случай помог молодому Ивану Лазареву обратить на себя внимание императрицы Екатерины II. Как утверждал М.И. Пыляев, Иван Лазаревич на паях с Григорием Сафрасом приобрел алмаз, который продал Григорию Орлову для императорского скипетра по сравнительно недорогой цене. В 1773 г. алмаз был преподнесен Екатерине II. М.И. Пыляев описывал это событие следующим образом: «Алмаз был преподнесен императрице князем Григорием Орловым, который приобрел его от тогдашнего придворного банкира Ивана Лазаревича Лазарева»[231].

Известно, что стоимость бриллианта была намного выше, чем та, которую заплатил И.Л. Лазареву Григорий Орлов. Однако Лазарев пошел на эти уступки не случайно. Через несколько месяцев после приобретения

---

[227] Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки)… С. 116.
[228] Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки)… С. 115.
[229] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 532.
[230] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 529.
[231] Пыляев М.И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление… С. 158.

алмаза, Екатерина II пожаловала Лазаря Назаровича с детьми в российские дворяне. Подтверждение этому находим в Собрании актов, относящихся к обозрению истории армянского народа за 1833 г., в котором сообщалось, что «находящийся в империи нашей армянин Лазарь Лазарев с детьми его Иваном, Миною, Христофором и Екимом… всегда оказывал с детьми своими многие услуги, за что в 1774 году 20 мая Лазаря Лазарева, его детей и их потомков пожаловали в российские дворяне»[232]. В результате Иван Лазаревич был назначен придворным ювелиром.

Успешная предпринимательская и активная политическая деятельность позволили ему наладить широкие связи с придворными кругами и крупными государственными деятелями, такими как М.М. Сперанский, князь Вяземский и др. И.Л. Лазарев считался одним из самых влиятельных представителей армянской диаспоры Петербурга[233]. Так, в краткой архивной справке, обнаруженной автором диссертации в РГИА упоминается, что Иван Лазаревич Лазарев «был в частных и близких отношениях с генерал-адъютантом князем и графом Г.Г. Орловым, с генерал-фельдмаршалом князем Г.А. Потемкиным-Таврическим, с канцлером князем А.А. Безбородко, с генерал-прокурором князем А.А. Вяземским, с генерал-адъютантом графом П.А. Зубовым и другими сановниками, в том числе с князем А.В. Суворовым-Италийским и с графом П.А. Румянцевым-Задунайским»[234]. По Высочайшему повелению Императрицы Екатерины II Иван Лазаревич[235] в 1778 г. был назначен советником, основанного в 1754 г., Государственного заемного банка. В связи с тем, что высылка медных монет из Екатеринбурга в столицу и другие города прежде часто задерживалась, Иван Лазаревич «по предложению управляющего государственными финансами генерал-

[232] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. Т. I. С. 176.
[233] Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки)… С. 18.
[234] РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 1. Л. 19об.
[235] В Екатеринбурге находился склад медной монеты. Из 16 кг меди, обходившейся казне менее 5 рублей, чеканилось более 16 рублей медной монеты.

прокурора князя Вяземского, 7 декабря 1780 года заключил с казной контракт на перевозку медной монеты»[236].

Об этом сообщалось и в работе А. Зиновьева, опубликованной в 1855 г.: «Государство встречало затруднение в переводах, в скором движении и доставлении наличных сумм медной монеты из Пермской и других губерний Сибири в Санкт-Петербург и во многие города России. Главный управляющий государственными доходами и финансами Генерал-Прокурор Князь Вяземский, убедил его (Лазарева) принять на себя эту новую многосложную и важную операцию. Он вполне оправдал лестное доверие Правительства и облегчил денежные обороты Империи»[237].

В работе Г. Гельбика «Русские избранники», находим еще одно подтверждение. Он писал: «Иван Лазаревич Лазарев вместе с государственными людьми[238], с которыми он познакомился в Петербурге, в 1780 г. организовал поставку медных денег[239]. В то же время Иван Лазаревич получил право обмена части медной монеты на ассигнации в своих отделениях в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге.

22 сентября 1786 г. Екатерина II за службу в правлении Государственного заемного банка пожаловала Ивана Лазаревича в чин коллежского советника, «в ранг сухопутного полковника», а затем, 23 ноября 1799 г. он «был пожалован в чин действительного статского советника[240]. Однако, Грамота на чин была утверждена только 1 декабря 1791 г.[241], а при

---

[236] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки… С. 434.

[237] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 10.

[238] Имеются в виду граф Орлов, князь Потемкин, князь Вяземский, Князь Безбородко, благодаря которым, Лазарев наладил торговлю кредитом казны. РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 1. Л. 19об.

[239] Гельбик Г. Русские избранники. М.: Военная книга, 1999. С. 254.

[240] Гражданский чин V класса в Российской империи согласно Табелю о рангах и предусматривал обращение – «Ваше великородие!». Представители данного чина занимали в основном посты вице-губернаторов, председателей казеной палаты, имели особые привилегии и высокие должностные оклады.

[241] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. Т. I. С. 188.

помощи немецкого посла графа Кобенцля[242] И.Л. Лазарев стал «немецким имперским графом»[243].

И.Л. Лазарев отстаивал интересы Российской империи и во внешней политике. Следует отметить, что пользуясь авторитетом и безупречной репутацией, он часто консультировал российское правительство по вопросам Востока. Его советы имели вес и значение в правительственных кругах, так как он был отлично знаком с восточным миром и был предан интересам России, ставшей его новой родиной[244]. Особенно российское правительство прислушивалось к мнению И.Л. Лазарева в решении вопросов ближневосточной политики, в частности, из-за непростых взаимоотношений России с Османской империей и Ираном. Османская империя не могла примириться с тем, что русским удалось во второй половине XVIII в. укрепиться на Черноморском побережье и в 1783 г. присоединить Крым к Российской империи.

Важной представлялась и защита интересов России и в Закавказье. Так, например, в том же 1783 г. был подписан Георгиевский трактат[245], заключенный с царем Ираклием II, в котором признавалось покровительство России над Восточной Грузией. Создавая благоприятные условия для усиления своего политического влияния на южных рубежах и успешного продвижения на Кавказе, российская власть опиралась на армян[246].

Иван Лазаревич, руководствуясь интересами Российской империи, вместе с Армянским Епархиальным Архиепископом, князем Иосифом Аргутинским-Долгоруким в 1783 г. предоставил проект о заселении Юго-Восточного края России, что соответствовало планам российского

---

[242] Граф Кобенцль был австрийским государственным министром, но потерял это место после Аустерлицкой битвы.

[243] Гельбик Г. Русские избранники… С. 254.

[244] Василенко В.В., Ванян Л.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений // Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: материалы круглого стола / ответ. ред. Василенко В.В. Ставрополь, 2011. С. 11–17.

[245] Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России (Георгиевский трактат) Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 238–239.

[246] Василенко В.В., Ванян Л.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений… С. 11.

правительства в их стремлении закрепиться на Кавказе. Мотивируя тем, что «области и губернии, сопредельные с Черным и Азовским морями, от большого недостатка в народонаселении, не только не приносили никакой пользы, но еще поглощали огромные суммы для их содержания и охраны»[247], Иван Лазарев и другие лидеры российских армян, при поддержке властей, предложили создать благоприятные условия для переселенцев – армян, как одних из наиболее лояльно настроенных к России этносов. Так, в Указе императрицы Екатерины II к армянским переселенцам отмечалось: «Соизволяем Вам пользоваться в государстве нашем не только всеми теми правами и преимуществами, которыми все подданные наши от нас и предков наших издревле наслаждаются»[248], но и отсутствием уплаты подушной подати, освобождением от рекрутского набора и др.

Правительство уполномочило Ивана Лазарева и Иосифа Аргутинского сделать воззвание к армянскому народу в Азии. «При доверии, какое внушал Лазарев, и при пособиях, им оказанных, тысячи армянских семейств перешли в Россию»[249], где в период XVIII – XIX вв. основали такие города как: Нахичевань-на-Дону (1779 г.), Григориополь (1792 г.), на Северном Кавказе – Святой Крест (1799 г.) и Армавир (1839 г.), в Крыму – Армянский Базар[250]. Результаты их деятельности, как отмечал А. Зиновьев, «…вознаградили Правительство и указали на источник благосостояния вновь приобретенной обширной стороны Тавриды, Новороссийского края и Кавказской области»[251].

Идеи восстановления армянской государственности не угасали, а с усилением действий России в регионе, только все более активизировались. И.Л. Лазарев принимал активное участие в переговорах по вопросам,

---

[247] Дилоян В.А. Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России во второй половине XVIII в. Ереван, 1966. С. 259.
[248] Армяно-русские отношения в XVIII в. Сборник документов. Ереван, 1967. Т.2. Ч.2. С. 37.
[249] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 11.
[250] С крымско-татарского – Армянский базар, в 1921 г. город переименован в Армянск.
[251] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 10.

касающимся освобождения Армении и восстановления армянской государственности в Закавказье. По мнению исследователя А.Р. Иоаннисяна, когда в 1780 г. был затронут «армянский вопрос»[252], он был «тем самым армянином, с которым русские сановники вступали в переговоры»[253]. И.Л. Лазарев и архиепископ Иосиф Аргутинский, являясь патриотами Армении, гражданским долгом считали сохранение национальной культуры армянского народа.

Как отмечал В.А. Дилоян: «В 80-х гг. XVIII в., когда для армянского народа наступил новый период надежд и чаяний на освобождение, по инициативе русского правительства, Иван Лазарев и Иосиф Аргутинский вели переговоры об освобождении Армении. Будучи патриотами своей родины, они надеялись вновь восстановить армянскую государственность в Закавказье»[254].

Иван Лазаревич Лазарев подчеркивал религиозную близость и общность христианских ценностей русских и армян. Данная тенденция нашла отражение и в трудах советского историка-слависта М.Н. Тихомирова: «Русские и армяне дружили, а порой вступали в брак»[255]. Так, например, мать великого русского полководца, генералиссимуса А.В. Суворова Евдокия Манукова была дочерью армянского священника. Армяне, не имея своей церкви, посещали русскую. В разные годы, на протяжении XVIII в., видными представителями Московской и Санкт-Петербургской армянской диаспор предпринимались попытки добиться разрешения постройки армянских церквей. Одним из первых, обратившихся с прошением в июне 1739 г. к императрице Анне Иоанновне о постройке небольшой церкви на территории собственного дома был армянский промышленник и купец Лука Ширванов: «…В Санкт-Петербурге армянского исповедания церкви нет… и дабы

[252] Под «армянским вопросом» понимается ряд совещаний, созванных князем Г.А. Потемкиным по вопросам организаций военных экспедиций в Закавказье.
[253] Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван: Тип. Акад. наук Арм. ССР, 1947. С. 21.
[254] Дилоян В.А. Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России во второй половине XVIII в… С. 259.
[255] Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 143.

всемилостивейшим указом повелено было… на моем дворе построить небольшую каменную армянского закона церковь нашим иждевением…»[256].

28 января 1740 г. последовало разрешение Правительствующего Сената на постройку армянской церкви: «Правительствующий Сенат… приказал… Ширванову… небольшую каменную армянского закона церковь допустить построить»[257]. Однако, как отмечал С.М. Соловьев: «Синод в январе 1742 г. исходатайствовал у императрицы указ – упразднить армянскую церковь в Петербурге, Москве и Астрахани, кроме одной каменной в последнем городе, и впредь не позволять их строить. 7 апреля просьба Синода была осуществлена»[258].

В 1750 г. с просьбой о постройке церкви обратился к Екатерине II и И.Л. Лазарев. В этот период в Петербурге, согласно описанию российского императорского столичного города И.Г. Георги[259], проживало 100 армян. Императрица дала устное повеление «дозволить им построить в Петербурге, для отправления по их вере службы, церковь и под оную отвести место»[260]. В фондах РГАДА обнаружен Указ Екатерины II Сенату от 22 мая 1770 г. «во исполнение, которого в Петербурге была отведена… под церковь земля по Невскому проспекту и преступлено было к постройке… на добровольные приношения прихожан, в которых значительная доля принадлежала ювелиру Ивану Лазареву»[261].

Армянская церковь на Невском проспекте проектировалась архитектором Ю.М. Фельтеном (1730 – 1801). Он же по заказу И.Л. Лазарева возвел и несколько домов около церкви. Через десять лет после завершения строительства этой церкви, на Васильевском острове в Санкт-Петербурге была построена еще одна армянская церковь[262]. История строительства

---

[256] Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов. АН Армянской ССР. Ереван, 1978. С. 127–128.
[257] Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов. АН Армянской ССР. Ереван, 1978. С. 134.
[258] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1893. Т.XXI. С. 151.
[259] Георги И.Г. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Т.2. С. 282.
[260] Петров П.Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1884. С. 772.
[261] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 425. Л. 2
[262] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 214. Л. 1об.

церкви Св. Воскресения (Церковь Сурб Арутюн), расположенной на территории Смоленского кладбища, связана с гибелью в русско-шведской войне единственного сына и наследника Ивана Лазаревича, гвардейского офицера Артемия Ивановича Лазарева.

4 мая 1791 г. была заложена церковь Св. Воскресения, которая строилась на средства И. Л. Лазарева, как усыпальница для умершего сына, а затем стала семейной усыпальницей Лазаревых, где впоследствии был похоронен сам И.Л. Лазарев, его жена Екатерина Ивановна, его брат Мина Лазаревич и другие члены семьи. В 1802 г. крупнейший русский скульптор И.П. Мартос (1754 – 1835) изваял надгробие Артемия Лазарева. А в конце XIX в. вблизи Воскресенской церкви был сформирован комплекс строений административного, социального и хозяйственного назначения. Также, в 1896 г., помня еще желание графа Ивана Лазаревича Лазарева, здесь учредили богодельню[263], где имелся зал собраний благотворительного общества. Строительство армянских церквей допускалось российским правительством не только в целях укрепления южных границ империи лояльно настроенными по отношению к России армянами, но и привлечения на свою сторону армян, населяющих территорию Малой Азии. Данная тенденция в политике правительства сохранялась вплоть до середины XIX в. и считалась наиболее терпимой по отношению к ААЦ[264].

Не только в столице велось строительство культовых сооружений. Во второй половине XVIII в. Лазаревыми были построены 22 православных каменных храма в разных селах, принадлежащих их семье[265]. К таким церквам относится и церковь Св. Иоанна Предтечи во Фряново и др.

В 1804 г. вдова И.Л. Лазарева отказалась от управления обеими армянскими церквами в Санкт-Петербурге. При этом, с ее согласия, был

[263] 28 октября 1901 г., к 100-летию со дня смерти И.Л. Лазарева, состоялось освящение здания, предназначенного для благотворительных целей. В доме, построенном на средства армянской общины по проекту архитектора А. Кочетова, размещалась богадельня, хозяйственные службы, зал для собраний благотворительного общества, а также предназначенный для хозяйственных нужд отдельно стоящий дворовый одноэтажный флигель.

[264] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона) … С. 199.

[265] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 539.

подробно указан порядок управления церковными доходами[266]. В именном указе, направленном петербургскому военному губернатору, говорилось: «О дозволении и разрешении наследникам действительного статского советника Лазарева, согласно их желанию и воле первого завещателя, привести в исполнение статьи постановления об управлении армянских церквей и их собственностей и об освобождении принадлежащих к оным домов от полицейских повинностей»[267]. К этому указу были приложены соответствующие постановления епархиальных армянских архиепископов и Верховного Эчмиадзинского патриарха и католикоса.

Помимо активного участия в общественно-политической, религиозной жизни общества, большой вклад И.Л. Лазарев внес в развитие образования. Важное значение он придавал просвещению и приобщению детей армянских переселенцев к европейским наукам и культуре, что находило отражение и в политике императрицы Екатерины II, которая придерживаясь идей европейских просветителей Ш.Л. Монтескье, С.Ф. Вольтера, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, сама искренне считала, что нужно просвещать нацию, но управлять ею должен просвещенный монарх. Так, в письме к императрице Екатерине II от 1785 г. Иван Лазаревич ходатайствовал о создании в России особого учебного заведения для обучения детей из бедных армянских семей[268]. В нем говорилось: «По окончании обязательства моего с казною, если нечаянным неким приключением не будет расстроено состояние мое, желание имею начать откладывать погодно всего до двухсот тысяч рублей капитала… для заведения и содержания училища в пользу нации своей». С этой целью в семье Лазаревых было принято решение откладывать ежегодно по 200 тысяч рублей для открытия и содержания училища[269].

---

[266] Кусиков А. Армянская Церковь в России как юридическое лицо // Кавказский вестник. 1905. №2. С. 74.

[267] О дозволении действительного статского советника Лазарева привести в исполнение статьи постановления об управлении Армянских церквей и их собственности… // ПСЗ РИ. Т.28. СПб., 1830. №21406. С. 458.

[268] Кусиков А. Армянская Церковь в России как юридическое лицо… С. 29.

[269] Василенко В.В., Ванян Л.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений… С. 12.

В личном фонде Лазаревых, хранящемся в РГАДА, неоднократно встречаются упоминания о больших суммах, пожертвованных членами этой семьи на сооружение и содержание школ. Так, например, в письме, датированном 20 февраля 1784 г., сообщалось: «Недалеко от Петербурга построена иждивением господина дворянина Ивана Лазаревича Лазарева градская народная школа, которая минувшего января 28-го числа и открыта. На содержание же сей школы внесено от г. Лазарева тысяча рублей и учеников вступило уже довольное число»[270].

Брат Ивана Лазаревича – Мина Лазаревич Лазарев (1737 – 1809) также занимал активную общественную позицию. Он был сторонником прорусской ориентации Армении, всячески содействовал присоединению закавказских областей к Российской империи. Организовал и финансировал строительство в 1808 г. церкви Сурб Арутюн (Воскрешения Христова) на Ваганьковской поле в Москве, устроил «армянского исповедания кладбище»[271]. Мина Лазарев с 1801 по 1809 гг. являлся попечителем армянских церквей Москвы и Петербурга и представителем всех армян в столице России. Он был женат на владелице шелкоткацкой фабрики в Москве Анне Васильевне Хастатовой (1750 – 1802), был бездетным.

Третий сын, Христофор Лазаревич Лазарев (1741 – 1774), соорудил в Москве Армянскую городскую церковь, при строительстве которой простудился и вскоре умер на 33 году жизни.

Самый младший, Иоаким Лазаревич Лазарев (1743 – 1826), был успешным промышленником и землевладельцем. Он в 1780 г. женился на Анне Сергеевне Ивановой (1766 – ?). У них было пять сыновей и шесть дочерей: Елизавета (1783 – 1868), Мария (1784 – 1868), Иван (1786 – 1858), Христофор (1789 – 1871), Марфа (1790 – 1844), Артемий (1791 – 1813) и Лазарь (1797 – 1871). А сын Лазарь и обе дочери Анны умерли еще в раннем возрасте. Сын Марфы Иоакимовны и Давыда Семеновича Абамелека (1774 –

[270] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 19. Л. 51.
[271] Там же. Л. 51.

1833) Семен Давыдович Абамалек-Лазарев (1815 – 1888) в декабре 1871 г. займет должность попечителя Лазаревского института восточных языков, а внук Семен Семенович Абамелек-Лазарев (1857 – 1916) станет последним представителем семейного рода Лазаревых.

А. Зиновьев так характеризовал И.Л. Лазарева: «Он, сознавая свою нравственную силу, соразмерял с нею свои действия, которые поэтому и были всегда верны, основательны и благонамеренны… был всеми уважаем»[272].

О многосторонности деятельности Иоакима Лазаревича вспоминали воспитанники созданного им учебного заведения на его панихиде. Они отмечали, что «в сердце сего блаженного Христианина обитали простота и смирение, кротость и человеколюбие… жизнь Его ознаменовалась чертою благотворений…Он особенно пекся о благолепии Дома Божия, и сей Храм наш снова воссоздан ревностным Его усердием. В кругу благотворительных дел на пользу общую, Он основал учебное заведение»[273].

Как уже отмечалось, к концу XVIII в. промышленность в России начала развиваться более высокими темпами. Решающее значение имел манифест Екатерины II, изданный в 1775 г., благодаря которому в России вводилась свобода предпринимательства. Развивалась металлургическая промышленность. На первом месте по показателям в тяжелой промышленности находился Уральский горно-металлургический регион.

Не только шелковыми мануфактурами владели Лазаревы. Первым пробным шагом Лазаревых в горнозаводском деле явилась сделка на арендное содержание пермских имений барона Александра Сергеевича Строганова.

По истечении срока аренды Иван Лазаревич вместе с братьями Миной Лазаревичем и Иоакимом Лазаревичем 20 апреля 1778 г. выкупил

---

[272] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 18.

[273] Речь от воспитанников армянского господ Лазаревых учебного заведения на кончину основателя и попечителя оного Иоакима Лазаревича Лазарева. СПб., 1826. С. 5.

Чермозский завод, Усольский, Ленвенский и Чусовский соляные промыслы[274]. Чермозский округ, один из крупнейших на Урале, явился примером успешной эволюции отдельного горнозаводского хозяйства. Так, в середине1880-х гг. его стоимость составляла от 3 до 8 млн. рублей, а к 1913 г. уже – 25 млн.[275] Ко времени приобретения Лазаревыми Чермозского завода, он оказался в запущенном состоянии: руды, содержащие медь, были почти выработаны, медеплавильное производство приостановлено. Вложив в модернизацию завода довольно значительные средства, И.Л. Лазарев добился увеличения производства. Он построил две доменные печи, две молотовые фабрики с 12 горнами, новую лесопилку, первый листопрокатный стан. На заводы Санкт-Петербурга и Англии стали поставляться высококачественные чугун и железо[276]. Таким образом, модернизируя застойные предприятия, Лазаревы развивали российскую промышленность.

Не ограничившись первой покупкой, И.Л. Лазарев приобрел в 1784 г. Хохловский завод в Пермском крае, построил два новых завода: Кизеловский (1784 – 1788) и Полазненский (1794 – 1797). Доменные печи Кизеловского завода – самые высокие на Урале – были оснащены цилиндрическими воздуходувными мехами. Были построены кузница и лесопилка, молотовая фабрика. На вновь освоенных Губахинском, Артемьевском и Кизеловском рудниках добывалась высококачественная руда, содержащая до 50-70% железа[277].

Владельцем пермского имения и заводов после смерти Лазаря Назаровича стал его младший сын Иоаким Лазаревич Лазарев. Он продолжил модернизацию предприятий и ввел новые производства. Так уже в 1804 г. на Чермозском заводе им был построен проволочный стан, где началось производство проволоки. В 1815 г. для лесопилки была установлена

[274] Поземельные отношения на Урале // Пермские губернские ведомости. 1883. №73. С.18.
[275] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 4169. Л. 23–40.
[276] Корепанов Н.С. Чермозский медеплавильный, чугуноплавильный и железоделательный завод // Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 503–504.
[277] Мухин В.В., Рукосуев Е.Ю. Кизеловский чугуноплавильный и железоделательный завод // Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 265–267.

паровая машина. Однако, многие нововведения носили экспериментальный характер, такие как производство столовых приборов, слесарных и хирургических инструментов, томлёной стали.

И.Л. Лазарев придавал большое значение организации быта трудящихся. Он благоустроил расположенный рядом с заводом поселок Чермоза, построил каменные дома, госпиталь, открыл аптеку, начал строительство каменной церкви[278]и школы для своих крепостных. Прогрессивные взгляды Лазаревых о народном образовании в то время были присущи только передовым людям, таким как А.Н. Радищев, Н.И. Новиков и П.Я. Чаадаев. Примечательно, что И.Л. Лазаревым в 1811 г. было основано окружное училище, одно из лучших на Урале, узкоспециализированное, которое осуществляло подготовку специалистов для предприятий округа. В училище преподавались география, металлургия, геодезия, заводская архитектура, горнозаводская механика, история, латынь.[279] Для Лазаревых это был первый опыт организации учебного учреждения. В 1812 г. при участии И.Л. Лазарева в Чермозе было создано библиотечное общество, а в больнице, в училище и на головном заводе открылись библиотеки, что свидетельствует о наличии грамотного населения.

Опыт создания окружного училища был применен при организации других учебных учреждений. Так, продвигая на Урале европейские и отечественные достижения науки, культуры и искусства, И.Л. Лазарев в 1870 г. открыл при училище горную студию по подготовке инженерно-технических специалистов и лекарскую студию по подготовке медицинского персонала для населения округа, которая просуществовала вплоть до 1917 г.

С 1873 по 1904 гг. Чермозский горнозаводской округ принадлежал внучке Иоакима Лазаревича, а фактически управлял им ее сын Семен Семенович Абамелек-Лазарев, который стремился следовать традициям, заложенным его прадедом. Он доказал, что при грамотном личном

[278] Базиянц А.П., Мартиросян Р. Обелиск. Ереван, 1993. С. 53.
[279] Васев С. О чем молчит гудок Чермоза // Уральский следопыт. 1998. №10-12. С. 12.

руководстве владельца в сочетании с образованным инициативным наемным управляющим, осуществление хозяйственной деятельности может быть вполне эффективным.

Старшие сыновья И.Х. Лазарева, Иван Иоакимович и Христофор Иоакимович, с юных лет помогали отцу в управлении имениями и заводами, а младшие, Артемий и Лазарь, стали военными. Иван Иоакимович, закончив Московский Университетский Благородный Пансион, поступил на службу в Гвардию, затем перешел в Министерство иностранных дел[280].

Образовательную, просветительскую линию семейной традиции продолжил второй сын Иоакима Лазаревича – Христофор Иоакимович. Закончив курс в Главном Святого Петра Евангелическом училище в Санкт-Петербурге, он успешно сдал экзамен в педагогический институт. После завершения обучения был направлен на службу в Министерство иностранных дел тайным советником, камергером[281].

Продолжая осуществлять меценатскую деятельность, так же, как и его отец еще в 1770 г., Христофор Иоакимович в 1865 г. обратился к императору Александру II с просьбой дать разрешение на строительство церкви. В своем прошении он отмечал, что Петр I «широко открыл армянскому народу дверь в Россию, а его преемники даровали им места для поселения, льготы для развития их благосостояния на новой родине»[282].

Третий сын Иоакима Лазаревича, 22-летний молодой офицер Артемий Лазарев, названный так в память погибшего в бою в 1791 г. сына Ивана Лазаревича Артемия, в чине Гвардии Штабс-ротмистра участвовал в 42 сражениях и был награжден за храбрость орденами Св. Анны II степени, Св. Владимира IV степени[283]. 4 октября 1813 г. он был убит в «битве народов», под Лейпцигом[284]. По Высочайшему повелению тело его было

[280] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 19.
[281] Там же. С. 20.
[282] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1 Д. 8 Л. 7-7об.
[283] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 22.
[284] Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки) … С. 59.

перевезено из Лейпцига в Санкт-Петербург. В память о сыне родители пожертвовали в пользу Лазаревского института 50 тысяч рублей[285].

Младший из братьев, шестнадцатилетний Лазарь Иоакимович (1797 – 1871), обучался в Корпусе инженеров путей сообщения, по окончании которого получил диплом инженера, а затем поступил на службу в лейб-гвардейский Гусарский полк. Он стремился в действующую армию и по его настоянию отец, Иоаким Лазаревич Лазарев, обратился с ходатайством в военное министерство. В прошении говорилось: «Меньшого сына моего Лазаря, служившего в офицерском звании в институте путей сообщений, прошу определить в гусарский полк»[286]. Рекомендательное письмо было получено, и Лазарь Лазарев в январе 1814 г. отправился в Брест-Литовск к командиру резервного кавалерийского корпуса генералу А.С. Кологривову.

В РГИА обнаружены письма Лазаря к родителям и братьям, в которых он подробно описывал свой приезд к месту службы. А вот, что он сообщил о приеме его генералом: «Жаль, что Вы опоздали несколькими днями, ибо я направил на днях в армию 63 эскадрона, но еще в скором времени в готовности отправить, и при первом случае вас ушлю»[287]. Л.И. Лазарев участвовал в войнах 1828 и 1829 гг. против Ирана и Османской империи. После персидской войны ему было поручено организовать переселение армянского населения из Ирана в Россию. Источники сообщали, что с поставленной задачей он отлично справился (см. приложение 3).

Как уже отмечалось, в XVIII в. определяющим фактором в русско-армянских отношениях являлась борьба за освобождение Армении и присоединение ее части к России на основе имевшихся на тот момент исторических, экономических, религиозных и культурных предпосылок. Армянские общественные и государственные деятели надежды на освобождение своей родины связывали с Россией. Патриот и сторонник

---

[285] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 22.
[286] РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 272. Л. 166.
[287] Там же. Л. 161.

русской ориентации, апологет братства двух христианских народов, Х. Абовян, выразил свои чаяния по освобождению армянского народа в своем труде «Раны Армении»[288].

В книге отражена жизнь восточных армян под персидским гнетом в конце XVIII и начале XIX вв. В ней разъяснялись причины их бедственного положения, подчеркивалась роль России и русского народа в судьбе Армении. Автор был уверен, что расколовшееся под чужеземным игом единство народа, разрушенные храмы Армении можно возродить только под защитой России. Х. Абовян писал: «Да возносится в опустошенных, но вновь оживленных храмах Армении одна молитва: Боже! Храни…святую Русь, мощную и благодатную!»[289].

Как отмечали современники, с приходом русской армии, вместо жестокости и беззакония, армяне увидели сострадание и милосердие. Когда в марте 1827 г. генерал Бенкендорф вошел в Эчмиадзин, местные жители его встречали возгласами: «Да здравствует Император Николай, Повелитель и государь Армении!»[290].

Настоящим героем и своим спасителем армяне считали Ивана Федоровича Паскевича[291]. Х. Абовян отмечал: «Надо, чтобы духа армянского не осталось, чтобы армяне не поминали спасителя и защитника их страны Паскевича, заботящегося о них, будучи на дальнем севере, и желающего взять их под свое покровительство»[292].

Дальновидный И.Ф. Паскевич, желая усилить политическое влияние на армян, вызвал из Санкт-Петербурга полковника Л.И. Лазарева, одно имя которого служило армянам поручительством в искреннем к ним расположении русских. Об этом факте упоминала немецкая писательница – арменовед Магда Нейман. Она писала, что 40 тысяч армян под

---

[288] Абовян Х. Раны Армении. Ереван, Советский писатель, 1977. 337 с.
[289] Абовян Х. Полное собрание сочинений. Ереван, 1968. Т.VII. С. 149.
[290] Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831. С. 21.
[291] Паскевич И. Ф. (1782–1856) – генерал-фельдмаршал, за освобождение Эривани в русско-персидской войне возведен в звание «граф Эриванский».
[292] Абовян Х. Полное собрание сочинений… С. 264.

покровительством Паскевича переселилось в Россию, а заниматься переселением было поручено полковнику Лазарю Иоакимовичу Лазареву[293]. Тогда Л.И. Лазарев обратился к переселенцам со словами: «По долгу обязанностей, возложенной на меня Главнокомандующим нашим, объявляю вам, что великодушный Монарх Российский даст желающим переселиться надежное, спокойное и счастливое убежище в его Государстве… В России увидите вы терпимость в вере и равенство прав Русского с прочими поданными Государя… Там найдете вы новое отечество»[294].

С.Н. Глинка в своем труде «Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении» писал: «Армяне, воодушевленные вызовом полковника Лазарева, на крыльях усердия и любви летели к полкам русским и оказывали важнейшие услуги… Многие из армян… простерли братские объятия к русским воинам, извещали их о каждом движении неприятеля, служили им проводниками и действовали на поле битвы»[295].

Известно, что в распоряжении Л.И. Лазарева было несколько офицеров и чиновников и небольшой отряд казаков. Ему приходилось составлять списки переселенцев, выявлять беднейших и снабжать их деньгами из тех сумм, что были доверены ему российским правительством. Лазарь Иоакимович уверял их, что в России они найдут надежное и спокойное убежище, терпимость в вере и равенство прав наряду с другими поданными государства. В три с половиной месяца более восьми тысяч семейств перешло за реку Аракс и переселилось в Россию «около 40 000 новых подданных, усердных и трудолюбивых»[296]. Л.И. Лазарев пользовался авторитетом, люди доверяли ему и просили ходатайствовать за них перед

---

[293] Нейман М. Армяне. Сборник научных трудов… С. 21.

[294] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 21.

[295] Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении… С. 38.

[296] Там же. С. 92.

императором, а со своей стороны готовы были «жить и умереть под пресветлейшею Его Державою»[297].

Понимая, что после освобождения Армении от Османской империи и Ирана, особенно возникнет необходимость в образованных людях, осознавая важную роль, которую играют воспитание и образование в процессе сохранения и передачи социокультурного опыта от поколения к поколению, в середине 80-х гг. XVIII в., когда Лазаревы активно занимались судьбой армянских переселенцев, они вынашивали идею создания учебного заведения, в котором армянская молодежь Российской империи могла бы приобщиться к европейскому просвещению. Тем более, что семейный опыт организации учебных организаций уже имелся. Лазаревы создали Армянское московское училище - учебное заведение, приносящее общественную пользу в деле воспитания и образования армянской молодежи.

Подводя итог, можно отметить, что имена представителей семейного рода Лазаревых в XVIII – XIX вв. прочно были связаны с укреплением русско-армянских отношений, с развитием политической, экономической, духовной и культурной жизни их нового отечества.

Они активно содействовали присоединению закавказских областей к Российской империи, финансировали строительство церквей, школ, одного из лучших на Урале окружных училищ.

Большой вклад в политическую, духовную, культурную жизнь русского и армянского народов внес старший сын – Иван Лазаревич Лазарев. Пользуясь авторитетом и безупречной репутацией, отстаивая интересы России во внешней политике, он консультировал отечественных государственных и общественных деятелей по вопросам ближневосточной политики. В частности, он принимал участие в переговорах по вопросам освобождения Армении и восстановления армянской государственности.

---

[297] Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении… С. 40.

Будучи человеком прогрессивных взглядов, понимая решающую роль воспитания и образования в процессе сохранения и передачи социокультурного опыта от поколения к поколению, И.Л. Лазарев создал учебное заведение для детей из бедных армянских семей, призванное сыграть решающую роль в ознакомлении российского общества с историей и культурой Армении, Кавказа и Ближнего Востока и ставшее в последствии одним из центров русско-армянских культурных взаимоотношений.

***

На протяжении многих веков армяне, в условиях определенных исторических событий вынуждены были создавать общины на территории многих стран. Религиозная близость, общность культурных ценностей, желание объединиться с христианским народом послужили важным фактором в их выборе России как страны-защитницы, способствующей экономическому, культурному и политическому развитию армянского населения. Этому способствовал и тот факт, что российское правительство, заинтересованное в укреплении своих южных границ, стремилось заселить приграничные районы христианскими народами, в данном случае армянами.

Результатом такой политики явилось укрепление уже существующих на территории России армянских общин и образование новых. Важное значение в преодолении экономической отсталости Армении, развитии просвещения и образования, приобщение армянского населения к передовой русской культуре имели общины Москвы и Санкт-Петербурга, давших целую плеяду видных общественных, военных, государственных и культурных деятелей армянского происхождения. Немаловажная роль в этом процессе принадлежала семье Лазаревых.

Видные общественные и политические деятели в российской истории, они способствовали развитию промышленности, культуры, духовности, создавая на собственные средства предприятия, церкви, больницы. Являясь сторонниками прорусской ориентации Армении, в то же время Лазаревы

были сторонниками восстановления армянской государственности в Закавказье под российским протекторатом.

Считая образование важным фактором в развитии народа, представители семейного рода Лазаревых учреждали учебные заведения в разных регионах страны. А с целью интеграции детей армянских переселенцев в российское общество и получения ими образования путем приобщения к европейским наукам и культурам, они создали Армянское Московское училище, впоследствии преобразованное в Институт восточных языков.

ГЛАВА II. ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

2.1 Образовательная политика в России в начале XIX в. и учреждение Армянского московского училища (1815–1826 гг.)

В конце XVIII – начале XIX вв. уровень образованности общества в России был очень невысок. Передовые общественные деятели указывали на необходимость распространения образования в российском обществе. Император Александр I стремился создать систему государственного образования, которая рассматривалась в качестве важнейшей задачи правительства[298]. Структуру системы образования в этот период определяли «Предварительные правила народного просвещения»[299], изданные в 1803 г. и определяющие основы учебной реформы, по которой создавалась единая система образования. Согласно этому документу образование становилось бессословным и общедоступным. По принятому в 1804 г. «Уставу учебных заведений, подведомых университетам»[300], основным звеном управления системой народного просвещения становились университеты, а все учебные заведения считались всесословными. Позже, при Николае I, образование приняло сословный характер. В результате, лишь дворяне, имея гимназическое образование или окончив специальные учебные заведения, могли поступить в университеты.

Одним из главных особенностей «Устава» являлась возможность бесплатного обучения, а также учреждение начальных общеобразовательных школ в селах. Благодаря реформам, осуществленным Александром I в области образования, в стране увеличилось количество учебных заведений и общее число обучающихся.

---

[298] Тимофеев Д.В. В ожидании перемен от «просвещения» России: Надежды и тревоги Российского общества первой четверти XIX в.// Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №16. С. 15.
[299] Об устройстве училищ // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т.27. №20.597. С. 437–442.
[300] Устав учебных заведений, подведомых университетам // ПСЗ РИ. 1830. Т.28. №21.501. С. 626–644.

В России на протяжении XIX в. не было единой непрерывной системы образования, благодаря которой независимо от социального происхождения, ученик мог после окончания начального обучения продолжить учебу в средней школе гимназического уровня и поступить в высшее учебное заведение.

Учебные заведения в Российской империи подразделялись на четыре уровня: 1) начальные – со сроком обучения от двух до пяти лет – имели разные курсы и разную ведомственную принадлежность; 2) общеобразовательные и специальные, куда поступали после начальных с периодом обучения 6 – 8 лет; 3) средние учебные заведения «гимназического уровня», дававшие право успешно выдержавшим вступительные испытания поступить в высшие учебные заведения. Срок обучения составлял 7 – 8 лет, но после обязательного 3 – 5-летнего курса начальной школы; 4) высшие учебные заведения: лицеи, институты, университеты, духовные академии.

Особенностью российской системы образования в имперский период являлось многообразие форм образовательных организаций, их ведомственной подчиненности, состава учредителей и источников финансирования. Так, наряду с общеобразовательными учреждениями, гимназиями и университетами, находившимися в подчинении Министерства просвещения и финансируемыми из государственной казны, существовало еще несколько важных научно-образовательных учреждений, содержащихся частными лицами, и существующих на общих основаниях, в случае, если управлялись лицами, назначаемыми от правительства. К концу XIX в. представители учредителей и содержателей получали право избирать Почетного Попечителя и получали места в Педагогическом комитете и Хозяйственном совете, что было закреплено в статье 1475 свода законов Российской империи[301].

[301] См. Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая I / Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения. СПб., 1893. Т.XI. Ч.2.

Таким образом, к 1815 г. система образования, имевшая «государственный» статус в действительности была результатом очень сложного государственно-общественного взаимодействия различных субъектов, как на уровне управления учебными заведениями, так и на уровне их финансирования.

Все программы образовательных учреждений находились под правительственным контролем. Для подготовки квалифицированных кадров в различных отраслях были созданы специальные высшие учебные заведения, такие как Медико-хирургическое отделение, Технологический институт, Строительный институт и Межевой институт, Высшее училище правоведения и др. Открылись новые университеты в Дерпте в 1802г., в 1804 г. в Казани и Харькове, а в 1819г. – в Петербурге. Юридический статус университетов определялся Уставами 1804 г.[302] и 1835 г.[303]

Как уже было замечено, отдельно от данной системы образования существовали частные учебные заведения, которые не только были учреждены и содержались частными лицами, но и управлялись ими без участия государства, хотя и считались субъектами образовательной политики. По отношению к этим заведениям государство ограничивалось лишь контролем за профессиональным уровнем и благонадежностью учителей, и соблюдением ряда требований.

Немаловажный вклад в развитие русского просвещения и образования внес общественный деятель конца XVIII – начала XIX вв. Н.И. Новиков (1744 – 1818). Он писал: «Ученому человеку пристойно знать несколько всеобщее из наук, ибо оное имеет между собой великую связь, и одна наука другой либо объясняется, либо украшается»[304].

Его взгляды на образование и нравственное воспитание юношества разделял и И.Л. Лазарев, который создал частное учебное заведение

---

[302] Университетский устав от 1804 г. / Летопись Московского университета [Электр. ресурс]. URL: http://letopis.msu.ru/documents/327 (дата обращения: 05.06.2016).
[303] Университетский устав от 1835 г. / Летопись Московского университета [Электр. ресурс]. URL: http://letopis.msu.ru/documents/2123 (дата обращения: 07.06.2016).
[304] Новиков Н.И. Об эстетическом воспитании // Московские ведомости. 1789. №59. С. 471.

гимназического типа, в дальнейшем преобразованное в институт. Как отмечалось в предыдущей главе, опыт создания учебного заведения у него уже имелся. Еще раньше, на Урале, братья Иван и Иоаким Лазаревы построили школу для своих крепостных и одно из лучших на Урале училищ для специалистов металлургической отрасли округа, а в Астрахани уже существовало Агабабовское училище, предназначенное для обучения армянских детей.

Многие педагогические принципы Н.И. Новикова воплотились в практической деятельности созданного И.Л. Лазаревым учебного заведения. Например, вслед за Н.И. Новиковым, педагогический коллектив образовательного учреждения стремился объединить в учебном процессе физическое и нравственное воспитание, подчинив главной цели – просвещению. Как и Н.И. Новиков, который полагал необходимым сочетать изучение точных и гуманитарных дисциплин, Лазаревы также не делали упора на какой-либо один предмет. И.Л. Лазарев считал, что начинать обучение необходимо с «элементарных» наук, лишь после приобретения минимума знаний можно переходить «к наукам всеобщим», т.е. к более глубокому их изучению[305]. Лазаревы придерживались идеи сочетания теории с практикой, выделяя две стороны образования[306].

Задачи адаптации армянских переселенцев в России решались, в том числе, и с использованием образовательных технологий. На всех этапах проживания армян в новой среде прослеживалось их стремление к образованию. Они строили церкви и открывали церковно-приходские школы, училища, где обучение проводилось на национальном и русском языках. Так как армяне довольно легко ассимилировались в русскоязычное население, русский язык быстро распространялся в их среде. А после перехода в 1887 г. армянских народных школ в ведение министерства просвещения, все

[305] Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII в. (из истории общественно-политической мысли России). М., 1994. С. 112.
[306] Ананян Ж.А. Лазаревский институт восточных языков в контексте русского Просвещения // Человек эпохи Просвещения. 1999. № 4. С. 223.

предметы преподавались на русском языке. По мнению М. Нейман, это вело «к незаметному для кавказских армян, но верному их обрусению», а Лазаревский институт «способствовал умственному подъему российских армян»[307], их инкультурации, т.е. процессу усвоения ими основных элементов культуры того общества, к которому принадлежали.

Как уже отмечалось ранее, И.Л. Лазарев придавал большое значение образованию армянской молодежи, детей переселенцев. По его инициативе в 1815 г. в Столповом (Армянском) переулке было создано Армянское Московское господ Лазаревых Училище.

В «Кратком очерке истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г.» имеется перечень «наиболее значительных учебных заведений Москвы»[308]. Среди таких известных крупных образовательных учреждений как Московский университет, Петровская сельскохозяйственная академия, Высшее техническое училище, Московская консерватория, отмечен и Лазаревский институт восточных языков, что свидетельствует о том, что данное учебное учреждение пользовалось авторитетом в Российской империи и оказывало заметное влияние на культурное развитие. Помимо развития русско-армянских отношений, оно готовило дипломатов для работы со странами Востока, предпринимателей и чиновников для работы на Северном Кавказе.

На первом этапе было создано в Москве армянское училище, о значимости открытия, которого свидетельствовал тот факт, что о нем сообщалось в газете «Московские ведомости» от 28 февраля 1817 г.: «Сообщаем читателям некоторые подробности о новоустроенном в Москве и содержимым иждивением фамилии гг. Лазаревых армянском учебном заведении, для образования и воспитания преимущественно детей Армянской нации»[309].

---

[307] Нейман М. Армяне. Сборник научных трудов… С. 23–25.
[308] Краткий очерк истории русской культуры. Л., 1967. С. 342.
[309] Армянское учебное заведение в Москве // Московские ведомости. 1817. №17. С. 452.

Помимо личной инициативы, собственных мотивов деятельности И.Л. Лазарева, наличия материальных ресурсов, о которых речь шла в предыдущей главе, необходимо отметить исторические, и прежде всего, политические условия, которые способствовали возникновению и становлению институции.

Как отмечал А.П. Базиянц, И.Л. Лазарев содействовал переселению армян в Россию, проводил в жизнь идеи сохранения национальной армянской культуры, вынашивал проекты восстановления армянской государственности. Значимым элементом в реализации задуманного он считал людской капитал и создание учебного заведения.

Автор диссертации, следуя мнению А.П. Базиянца, полагает, что И.Л. Лазарев, руководствуясь данной идеей, понимал, что именно учебное заведение способно решить эту задачу, реализуя основную свою функцию передачи социального опыта от поколения к поколению, сохраняя главные ценности. Просвещение помогало взаимопроникновению культур в тех странах, где общество состояло из разных этнических групп. Лазаревский институт, возникший на волне национально-освободительной борьбы армянского народа, стал центром консолидации интеллектуальных сил нации.

Так как в XVIII в. центром армянского просвещения была Россия, то и решение национальных задач посредством просвещения было характерной особенностью армянского народа. Как отмечал А.З. Зиновьев, «учрежденный И.Л. Лазаревым на пользу своей нации и нового своего отечества – России, институт»[310], способствовал культурной адаптации армян и развитию русско-армянских культурных отношений и научных связей, знакомил с передовыми идеями русской и западноевропейской культур.

Своим преемником и наследником И.Л. Лазарев назначил младшего брата Иоакима Лазаревича. Выполняя завещание брата Ивана, оставившего

[310] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 27.

200 000 рублей на строительство армянской школы, И.Л. Лазарев, как писал А.З. Зиновьев: «Желая ускорить исполнение благой воли его…пожертвовал свой московский дом и 300 000 рублей ассигнациями в пользу будущего учебного заведения»[311].

А в 1865 г. его сын, Христофор Иоакимович Лазарев, в письменном обращении к императору Александру II сообщал: «Дядя мой Иван и родитель мой Иоаким почли святым долгом содействовать возвышению умственного и нравственного уровня армян, поселившихся в России. И для разрешения этой великой задачи они учредили в Москве, на собственное их иждивение, учебное заведение, носящее ныне… название «Лазаревского института восточных языков»[312]. Он выражал уверенность, что и потомки поддержат их начинания и в «подражание отцу и дяде, не оставят сей неизгладимый памятник их фамилии без особого промышления»[313]. Кроме того, не будет лишним напомнить, что Лазаревы, хорошо понимая общность государственных интересов России с армянским народом в их стремлении укрепиться в Закавказье, «осознавали ту роль, которую играет образование и воспитание в деле сближения двух народов»[314].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что создание армянского училища стало делом жизни не одного представителя семьи Лазаревых.

Первоначально открыть учебное заведение планировалось в Нахичевани-на-Дону, так как основная масса армян-переселенцев проживала на юге России, на Кавказе. Однако, часто приобщиться к знаниям и получить образование армяне везли детей в Москву, где были сосредоточены лучшие силы образования и науки. Наличие старейшего Московского университета, как и сегодня, внушало надежду на качественное образование и приобщение

---

[311] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 29.
[312] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д .8. Л. 7–7об.
[313] Армянское учебное заведение в Москве // Московские ведомости. 1817. №17. С. 453.
[314] Василенко В.В., Ванян Л.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений… С. 12.

армянской молодежи к передовой науке и культуре российского государства. Помимо задач адаптации, Лазаревыми ставились также и задачи интеграции в российское общество.

Существование в Москве к этому времени большой армянской общины почти в две тысячи человек[315], и тот факт, что в 1810-е гг. историческая Армения еще не входила в состав Российской империи, а военная обстановка на Кавказе оставалась крайне напряженной, побудило И.Л. Лазарева окончательно утвердиться в мнении о необходимости учреждения будущего учебного заведения именно в Москве. Таким образом, в 1815 г. в Москве было учреждено Армянское училище, директором которого стал Христофор Иоакимович Лазарев (см. приложение № 4).

Г.И. Кананов, занимавший пост директора Лазаревского института в последующий период, оценивал решение учредителей следующим образом: «Так как она (Москва), как средоточие русской образованности, со своим знаменитым Университетом, открывала все способы наилучшего развития всякого учебного заведения… а питомцев знакомила с языком, жизнью, нравами того общества и государства, которого согражданами они должны были сделаться со временем»[316].

Дата основания Лазаревых Господ Армянское училище или Армянского Московского училища имеет дискуссионный характер. В зависимости от того, «какое событие мы должны признавать за истинное основание сего учреждения»[317], называют 1814 или 1815 гг. Автор диссертационного исследования полагает, что в вопросе о дате основания Института восточных языков в 1814 г. следует исходить из нескольких фактов.

Во-первых, на основании имеющегося источника, составленное Иваном Лазаревым 4 января 1800 г. завещание, где он предписывал брату

---

[315] Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. М., 1959. С. 43.
[316] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. М.: Тип. А.А. Гатцука, 1891. С. 8.
[317] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.

Иоакиму Лазареву внести 200 000 рублей ассигнациями, чтобы «имеющего из процентов значительную сумму соорудить со временем приличное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации»[318].

Во-вторых, в документе, обнаруженном в архивном фонде Абамелек-Лазаревых РГАДА, имеется информация о том, что 10 мая 1814 г. была торжественно произведена закладка нового здания близ церкви Св. Николая Чудотворца в Столпах. Эту дату члены семьи Лазаревых называют днем основания Института[319].

В-третьих, в другом источнике, «Летописи достопамятных событий», начатой в 1818 г., обнаружена следующая запись: «…мая 10 дня 1814 г. под личным распоряжением основателя попечителя Иоакима Лазаревича Лазарева и сыновей его происходило торжественное открытие института, который тогда именовался армянской Лазаревской гимназией»[320], свидетельствующая о дате основания образовательного учреждения.

Кроме того, имеются сведения о том, что в 1865 г. впервые отступили от традиции празднования юбилея, когда в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, пришлось торжественное мероприятие отменить и отложить на более поздний срок. Чтобы как-нибудь оправдать это запоздание с празднованием юбилея, была выдвинута новая дата основания Института, а именно 10 мая 1815 г. – как день начала преподавания предметов для воспитанников[321].

Автором диссертационного исследования установлены причины переноса празднования юбилея:

1) в период с 1860-1863 гг., в связи с болезнью, Христофор Иоакимович Лазарев был вынужден переехать из России в Европу;

2) неизвестный мошенник нанес урон материальному благосостоянию Х.И. Лазарева в несколько сотен тысяч рублей, в результате

[318] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.
[319] Там же. Л. 4
[320] Там же. Л. 5.
[321] Там же. Л. 3-5.

чего он как благотворитель вынужден был уменьшить число стипендиатов от 44 до 25 человек;

3) в 1864 г. умер Главноначальствующий института князь А.Ф. Орлов и его должность осталась незамещенной;

4) в мае 1864 г. директор института Я.М. Неверов получил должность Главного инспектора училищ на Кавказе и покинул институт, а новым директором был назначен профессор Московского университета известный экономист И.К. Бабст;

5) в 1864 г. произошла реформа средней школы в России, но учебное заведение Лазаревых не подверглось реформированию.

А.А. Дмитриев сообщал: «Институт окончен сооружением в 1814 г. и открыт в следующем году в память Артемия Ивановича Лазарева, единственного сына Ивана Лазаревича, погибшего в 1791 г. во время Русско-турецкой войны»[322].

До 1914 г., когда под руководством П.В. Гидулянова был опубликован сборник «Материалы для истории Лазаревского института восточных языков», датой основания института считался 1815 г. С момента основания и в течение 50-ти лет эта дата считалась днем основания института. На эту же дату указывает и Г.И. Кананов в работе, посвященной семидесятипятилетию Лазаревского института восточных языков: «…В сей же мысли устроено ими в Москве Армянское учебное заведение. При обширном помещении и его всеми нужными учебными пособиями в 1815 г. оно открыто»[323].

Автор диссертационного исследования на основе анализа ряда документов придерживается точки зрения П.В. Гидулянова и считает датой основания училища – 1815 г., т.е. не момент закладки здания, а начало обучения. Существенным аргументом в пользу такой точки зрения является книга, переданная Иваном Иоакимовичем и Христофором Иоакимовичем Лазаревыми в правление Лазаревского института. Книга, скрепленная их

[322] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки… С. 437.
[323] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 127.

печатью и подписями, обработанная около 1851-1853 гг., представляет собой «Исторический обзор» деятельности Лазаревского института. В ней сообщалось, что в 1865 г. Христофором Иоакимовичем Лазаревым было отпраздновано 50-летие института. Отсюда можно заключить, что днем основания института нужно считать 1815 г.[324] Однако, Базиянц А.П. считает спор о дате создания института беспредметным, так как в разных источниках указываются даты, начиная с 1813 по 1817 гг.[325]

В последующие годы в связи с актуализацией данной проблемы, возникла и проблема периодизации. Историю Лазаревского института восточных языков большинство исследователей условно разделяют на три периода. Так, например, директор Лазаревского института профессор А.З. Зиновьев в 1855 г. полагал, что институт прошел в своем развитии следующие периоды. Первый период – основание института с 1815 по 1835 гг., когда образовательное учреждение еще не пользовалось никакими правами и преимуществами и «это был благородный Пансион»[326].

Во второй период с 1835 по 1848 гг. образовательному учреждению на основании Положения от 25 июня 1834 г. были предоставлены права гимназии и степень училища второго разряда, что предполагало присвоение чиновникам и преподавателям прав действительной государственной службы и приравнивание учащихся к воспитанникам гимназии, но без права на чин XIV класса[327].

Третий период с 1848 по 1855 гг. ознаменовался Указом императора Николая I от 1849 г., когда «возвысился до статуса первоклассных учебных заведений – Университетов и Лицеев под названием Лазаревского Института Восточных языков»[328]. Периодизация, данная А.З. Зиновьевым, ограничивается 1855 г., т.е. годом издания первого обобщающего труда,

[324] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 331. Л. 2об-3.
[325] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 16.
[326] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 31.
[327] Там же. С. 44.
[328] Там же. С. 53.

посвященного истории Лазаревского института и не может дать комплексной периодизации всей истории образовательного учреждения, так как институт существовал до 1921 г.

Позже, в советской историографии, армянскими историками А.П. Базиянцем, М.Г. Нерсисяном и А.Т. Амирханяном были выделены следующие периоды деятельности Института восточных языков. Первый период с 1815 по 1848 гг. – период становления, создания коллектива преподавателей и контингента учащихся. Как отмечается исследователями, в этот период была определена роль учебного заведения с точки зрения связующего звена «в процессе приобщения армянской молодежи к русской и западноевропейской культурам»[329].

Именно в этот период, в 1827 г., состоялось преобразование Армянского училища в Лазаревский институт восточных языков и «отнесение его особым указом 1835 г. во второй разряд правительственных учебных заведений»[330].

Второй период с 1848 по 1871 гг. связан с принятием нового устава Лазаревского института восточных языков, придавшим ему статуса учебного заведения первой степени с восьмилетним курсом обучения. Отмечается и та особенность, что в данной системе первые шесть классов соответствовали уровню гимназии, а два старших класса уже специализировались в изучении восточных языков. После принятия устава 1848 г., как отмечали Н.А. Григорян[331] и Э.С. Саядов, начинается углубленное изучение «востоковедческих дисциплин»[332]. В Лазаревском институте были учреждены Высшие лицейские классы, где кроме изучения восточных языков изучалось и русское право.

Третий, завершающий, период с 1871 по 1919 гг. связан с принятием нового устава 1871 г., согласно которому училищу присваивался статус

---

[329] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 42.
[330] РГИА. Ф. 880. Оп. 2. Д. 168. Л. 2.
[331] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики… С. 1102.
[332] Саядов Э.С. Из истории Российской науки: просветительская деятельность династии Лазаревых // Научная мысль Кавказа. 2008. №2. С. 28.

высшего учебного заведения наравне с университетами и академиями. В этот период институт стал крупным центром отечественного востоковедения. Известно, что занятия в Лазаревском институте посещали и студенты Московского университета. К этому моменту уже увеличилось и количество преподаваемых дисциплин. После революции, в 1918 г., институт был преобразован в Армянский институт, а затем в 1919 г. в Переднеазиатский институт.

Исследователи российско-армянских культурных отношений В.В. Василенко и Л.В. Ванян также предлагают рассматривать несколько периодов в деятельности института[333]. Они выявляют исторические условия создания учебного заведения, прослеживают изменение целей, задач и статуса учреждения в разные периоды его существования. Первый период начинается с 1815 по 1827 гг. Второй период – с 1827 по 1850 гг. и связан с реорганизацией училища в Лазаревский институт. Третий период – с 1850 по 1918 гг. – связан с открытием при поддержке Кавказского Комитета высших специальных лицейских классов, а в 1870 г. – с реорганизацией образовательного процесса. И последний, четвертый период, с 1918 по 1920 гг., в рамках которого, под эгидой специально созданной комиссии для преобразования и дальнейшего учреждения, на месте бывшего Института восточных языков был организован Дом культуры Армении (1921 г.).

В канун юбилейной даты, 200-летия со дня основания Лазаревского института, в 2015 г., современный отечественный историк, дипломат, действительный член РАН, ректор МГИМО А.В. Торкунов опубликовал статью, посвященную истории Лазаревского института в контексте истории востоковедения, в которой указал периоды его развития. Первый период с 1815 по 1826 гг. – от основания до получения институтом особого статуса, введен институт «главного начальника» над ним. Второй период с

[333] Василенко В.В., Ванян Л.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений… С. 11.

1827 по 1834 гг., присвоение образовательному заведению нового названия «Лазаревых Институт Восточных языков». Третий период с 1835 по 1847 гг. – Лазаревский институт, по новой императорской реформе, отнесен ко второму разряду – наравне с гимназиями, корпусами и другими институтами. Четвертый период с 1848 по 1870 гг. – период проведения реформы по «расширению» Лазаревского института до университетского уровня в части преподавании восточных языков, а к концу 60-х гг. XIX в., в связи с пресечением мужской линии рода Лазаревых[334], институт был передан в ведение Министерства народного просвещения.

На основе выявленных новых архивных документов и исторических фактов, а также анализа опыта, накопленного исследователями ранее, автор диссертационного исследования предлагает уточненный вариант периодизации. Первый период – подготовительный – с 1800 по 1814 гг., характеризуется осуществлением замысла Ивана Лазаревича Лазарева по созданию образовательного учреждения для армянской молодежи и проведением подготовительных работ по организации института его братом И.Л. Лазаревым. Было построено здание для будущего образовательного учреждения[335], подобран административный и преподавательский состав, приняты положения по проведению занятий. Первый период завершился в 1814 г., когда состоялось торжественное открытие здания, будущего Армянского Московского господ Лазаревых училища в Столповом (Армянском) переулке г. Москвы.

Второй период с 1815 по 1826 гг. – связан с началом функционирования образовательного учреждения и проведения занятий в Армянском Лазаревском училище при попечительстве И.Л. Лазарева. За это время был определен особый профиль учебного заведения. Вот как бывший директор Лазаревского института Г.И. Кананов характеризовал цели училища в рассматриваемый период: «Учебное заведение должно

[334] Торкунов А.В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. Политические исследования. 2015. №6. С. 12.
[335] Амирханян А.Т. Армянский переулок, №2. М., 1989. С. 14.

было сразу отвечать трем основным целям: быть национальным светильником для армян; быть рассадником восточного языкознания в России; стать общеобразовательной школой для всех»[336].

Следует также отметить, что с самого начала деятельности Армянского училища, оно спонсировалось и содержалось на средства семьи Лазаревых. Так, А.А. Игнатян в своей диссертации, ссылаясь на архивный фонд семьи Лазаревых в Матенадаране (Армения) отмечал, что с 1816 по 1847 гг. пожертвования Лазаревых вместе с процентами основного капитала в сумме 200 тысяч рублей составляли 305 206 рублей, 45 копеек[337].

Третий период с 1827 по 1847 гг. связан, в первую очередь, с преобразованием Армянского училища при содействии друга семьи Лазаревых М.М. Сперанского в Лазаревский Институт Восточных языков. Учитывая национальный состав учащихся, основной язык преподавания и задачи учебного заведения, деятельность Лазаревского института на данном этапе следует считать русско-армянским учебным заведением.[338]

Необходимо подробнее остановиться на причинах, позволяющих нам считать 1827 г. началом третьего периода. Связано это с тем, что представители Лазаревых на протяжении первой половины XIX в. не раз обращались в Министерство народного просвещения с просьбами и предложениями по реорганизации Армянского училища. А именно, в 1817 г. впервые было предложено назвать училище «Армянской Лазаревской академией» – проект был отклонен Министерством под предлогом того, что учебное заведение не являлось исключительно научным заведением. В 1823 г. был предложен новый проект устава, согласно которому предлагалось новое название – «Армянская Лазаревская гимназия высших наук и восточных языков», а главной целью

---

[336] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 3.

[337] Игнатян А.А. История Московского Лазаревского института восточных языков // автореф. дис… канд. пед. наук. Ереван, 1969. С. 11.

[338] Под высочайшим покровительством состоящий московский армянский Лазаревых институт восточных языков. М., 1830. С. 8.

называлась подготовка нужных для империи кадров в политике и торговле. Однако, и этот проект не получил одобрения Министерства народного просвещения[339].

Несмотря на то, что содержание Лазаревского института финансировалось за счет частных пожертвований, добиться его признания со стороны Министерства просвещения было нелегко. По мнению А.П. Базиянца[340], причина в нежелании принятия устава учебного заведения определялась политикой правительства, которое не поддерживало любые начинания, ведущие к консолидации национально-освободительного движения. Учитывая, что в действительности Институт получил официальное признание только тогда, когда было осуществлено освобождение Восточной Армении и ее присоединение к Российской империи, с данной точкой зрения нельзя не согласиться.

26 декабря 1827 г. на заседании Комитета устройства учебных заведений было решено дать учебному заведению новое название - «Лазаревых институт восточных языков»[341]. Программа обучения содержала преподавание как европейских (латинский, французский, немецкий), так и новых восточных языков (арабский, турецкий). Принципиально важным было, что языком обучения воспитанников (за исключением некоторых дисциплин) являлся – русский[342].

В 1841 г. в Лазаревском институте открылось духовное отделение, как «особое отделение для образования юношества духовного звания…»[343]. Под духовным званием имелась в виду подготовка юношей исключительно из лиц армянского духовенства. Первоначально их число ограничивалось двадцатью воспитанниками. Была перестроена и часть учебного корпуса, посредством объединения обоих флигелей с новым

[339] Аветисян В.Р. К вопросу периодизации истории Лазаревского института восточных языков // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 98.
[340] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 21.
[341] Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков. СПб., 1879. С. 7.
[342] Под высочайшим покровительством состоящий Московский армянский Лазаревых институт восточных языков. М., 1830. С. 139.
[343] РГАДА. Ф. 1252 Оп. 1. Д. 17 Л. 54.

корпусом, где должны были проживать студенты. Теперь дети из несостоятельного армянского духовенства получили возможность приобрести светское образование и теологическую подготовку. Необходимо упомянуть, что идея обучения воспитанников для армянского духовенства берет свое начало еще с момента основания самого учебного заведения. Однако только сейчас она была закреплена юридически[344].

Четвертый период с 1848 по 1871 гг. связан с принятием 10 мая 1848 г. нового устава института[345], по которому теперь значительно возросла роль подготовки юношей для службы в армянском духовенстве (параграф №3 устава), а патриарх и католикос всех армян объявлялся почетным членом института. ААЦ должна была назначить попечителя для института в случае, если род Лазаревых прервется.

В 1849 г. в учебном заведении были открыты лицейские классы. Учащиеся, прослушавшие полный курс восточных языков, получали те же права, что и выпускники восточного отделения Петербургского университета (чин XII класса). Он давал право получения привилегий при прохождении гражданской службы, так как в противном случае необходимо было прослужить три года, а для прохождения военной службы выпускник лицейских классов имел право получить офицерский чин[346].

В связи с тем, что при поступлении в институт не все воспитанники имели начальное образование, в 1851 г. открылось подготовительное отделение[347], которое давало возможность обучиться чтению и письму на русском и армянском языках, начальным правилам арифметики, основам Закона Божьего и, после сдачи экзамена, поступить в начальные гимназические классы.

---

[344] Аветисян В.Р. К вопросу периодизации истории Лазаревского института восточных языков… С. 99.
[345] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 263. Л. 6-6об.
[346] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института восточных языков в Москве и правила оного высочайше утвержденные. М., 1852. С. 56.
[347] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.

Произошли некоторые изменения и в образовательном процессе. В учебном плане предусматривалось изучение трех языков закавказских народов (армянского, грузинского и татарского)[348] и трех иностранных восточных языков (арабского, персидского и турецкого). В связи с этим, в октябре 1849 г. открылась отдельная кафедра персидско-арабского языка[349], о чем было объявлено в газете «Московские ведомости». Вскоре на кафедре были сосредоточены авторитеты – востоковеды С.И. Назарянц, Л.Э. Лазарев, М.К. Измайлов, В.К. Иоаннисянц и др. Следует напомнить, что для воспитанников армянского происхождения обязательным было изучение родного армянского языка, для грузин – грузинского, а для азербайджанцев – татарского.

Четвертый период обусловлен еще и особым культурным подъемом в институте. В частности, воспитанники Лазаревского института совместно с представителями армянской общины Москвы возродили новый восточно-армянский театр и вместе со студентами Московского университета составили актерскую труппу для первых постановок[350]. Они переделывали русские пьесы на современные темы и ставили некоторые из них даже на театральных подмостках Москвы. О первых студенческих постановках упоминал А.З. Зиновьев, который писал: «Несколько лет назад устроен был во время рождественской вакации воспитанниками Института в рекреационных залах домашний спектакль на армянском языке»[351]. Постановка имела успех, а молодым артистам даже стали выплачивать денежные вознаграждения из благотворительного фонда. Впоследствии воспитанник Лазаревского института А. Аламдарян, переехав в г. Тифлис, смог организовать там армянский любительский театр.

---

[348] Под татарским языком значился азербайджанский. В разные годы обучения под ним имелись виду также казанский татарский и крымско-татарский языки.
[349] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 185. Л. 16.
[350] Восканян Н. Подвиг во имя искусства. Ереван, 1963. С. 43.
[351] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 80.

В середине 60-х гг. XIX в. в связи с чередой кризисных явлений, ситуация в институте изменилась. Истоки этого кризиса лежат в преобразованиях конца 40-х гг. XIX в. Попытка сочетания в институте разных учебных программ не увенчалась успехом, что подталкивало руководство к проведению новых реформ. Уже в 1865 г. началось постепенное сокращение в учебном плане гимназических классов восточных языков, а число преподавания древних языков, наоборот, было увеличено. К тому же в этот период в России уже стоял вопрос о необходимости реорганизации системы образования, коснувшийся и других образовательных учреждений. В Лазаревском институте была сформирована комиссия, целью которой был пересмотр учебного плана института. Возглавил ее И.К. Бабст, занимавший на тот момент должность директора. В комиссию вошли инспектор Г.И. Кананов, профессора института Н.О. Эмин и С.И. Назарьянц.

Четвертый период завершился в 1871 г. Кульминационным событием в процессе преобразования института стал переход учебного заведения после смерти попечителя Х.И. Лазарева в ведение Министерства просвещения. С целью предотвращения ухода студентов после окончания гимназических классов в университеты, в институте, по новому Уставу 1871 г., были организованы специальные классы, выпускники которых наделялись правами студентов университетов[352]. В отличие от гимназических классов, целью которых являлась подготовка к поступлению студентов в университеты, специальные классы уже считались высшим учебным заведением.

Заключительный пятый период с 1872 по 1921 гг. отмечен преобразованиями учебного заведения в последней четверти XIX в. Теперь, по новому Уставу 1871 г. Лазаревский институт состоял из гимназии и высших специальных классов. Сами же специальные классы по

[352] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // ПСЗ РИ. СПб., 1875. Т.47. Ч. 2. №51655. С. 1157.

своей программе и организации учебного процесса соответствовали высшему учебному заведению. В уставе было закреплено право института на издание «ученых сочинений и учебных пособий от имени специальных классов»[353], за которыми было закреплено большее число стипендий (императорская, Лазаревская и др.).

Изменения последней четверти XIX в. повлияли на структуру учебного заведения, научную направленность, учебный план. Это – время переориентирования на более глубокое изучение арабского, персидского и турецкого языков, так называемых языков ближневосточной тройки. Среди западноевропейских языков особое внимание уделялось французскому языку. Связано это было с ролью языка в дипломатии, его распространенностью на Ближнем Востоке. Изменения коснулись и в преподавательском составе. Здесь начали работать новые профессора, часть из которых состояла из бывших студентов института.

В начале XX в. в специальных классах определились следующие направления: дипломатическое, административное и научное. Студенты научного направления, отличившиеся в период обучения, могли выезжать заграницу с целью набора опыта в своей деятельности[354]. Однако, с началом Первой мировой войны ситуация изменилась, финансирование института уменьшилось, число студентов также сократилось. Революционные события 1917 г. привели к практическому прекращению преподавания.

Как ранее уже отмечалось, советские историки связывали окончание деятельности института с 1918 г. Однако точных данных, подтверждающих эту точку зрения, не имеется. Если исходить из того, что 1 октября 1921 г.[355] был опубликован Декрет ВЦИК, то именно в этом году Лазаревский институт и был переименован в «Дом культуры Советской Армении» и передан со всеми материальными и культурными ценностями

[353] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 7.
[354] Правила для студентов специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1904. С. 5.
[355] Собрание Узаконений РСФСР. 1921. №68. С. 541.

в распоряжение Рабоче-крестьянского правительства Армении. Таким образом, есть основание считать датой окончания деятельности Лазаревского института 1921 г., а не 1918 г. – год начала реорганизации учреждения в другие промежуточные стадии реорганизации, как считали предшествующие исследователи.

Итак, вопрос, связанный с периодизацией деятельности Лазаревского института восточных языков, в современной историографии носит дискуссионный характер. Объяснение такому положению находится в динамичном развитии учреждения, изменении социального и государственного заказов и частой смене юридического статуса образовательного учреждения. Автор диссертации считает, что вариантом периодизации является включение в хронологические рамки периода, предшествующего началу преподавания в институте. Периода, обусловившего открытие учреждения, и формирование устоев и принципов образовательного учреждения как субъекта образовательной политики на протяжении всего его существования. Однако, предшествующие исследователи не учитывали этот период, а между тем, он имеет исключительное значение, так как позволяет выявить истоки и проследить традиции.

Коммуникативная направленность обучения должна была сблизить юное поколение армян с русскоязычным населением. Предполагалось, что воспитанники будут «сближаться со страною, ее языком и образованностью, не отчуждаясь в то же время от начал своей веры и своего языка»[356]. В статье «Армянское учебное заведение в Москве», опубликованной в 1817 г. в газете «Московские ведомости» говорилось: «Рассеянная по всему миру армянская нация, отстала в развитии наук перед другими народами, но семя истинного просвещения, религия, от начала своего в ней непоколебима»[357].

---

[356] Василенко В.В., Ванян Л.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений… С. 12.

[357] Армянское учебное заведение в Москве // Московские ведомости. 1817. №17. С. 452.

Л.Н. Лазарев и его дети были твердо убеждены, что обретая в России не только кров и защиту, но и свою вторую родину, армяне будут проявлять признательность и верность Всероссийскому престолу «и кои вновь засвидетельствованы торжественно пред целым светом Высочайшего Императорской Грамотою, Всемилостивейши дарованную в 15 день сентября 1813 г.»[358]. Попечители надеялись, что их соотечественники в России «воспылают духом общения в возвышении сего для них рассадника наук» и «возникнет новый священный союз, тесно связующих два единоверных народа»[359].

Главная цель училища, заключавшаяся «в сообщении обучающимся в нем армянам общего образования и в подготовке полезных услуг отечеству на поприщах гражданском и военном»[360], была закреплена в Уставе. Но с этим неразрывно связаны две специальные задачи: во-первых, обучение родному языку и основам своей веры, «дабы сделался институт центром воспитания армянских детей и рассадником учителей и воспитателей во все армянские школы»[361] и во-вторых, практическое изучение восточных языков.

Основой проекта учебного заведения стал уже составленный ранее проект Действительного Статского Советника и Командора Державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского Ивана Лазаревича Лазарева. 4 января 1800 г., назначив брата Иоакима Лазаревича наследником своего состояния (по причине отсутствия собственных наследников), он поручил ему внести после своей смерти в Московский Опекунский Совет 200 000 рублей в память единственного сына Артемия Ивановича Лазарева, скончавшегося на двадцать третьем году жизни, для сооружения здания, где будут воспитываться и обучаться армянские дети из бедных семей. Увеличив капитал до трехсот тысяч, Иоаким Лазаревич решил учредить «Лазаревское»

---

[358] Армянское учебное заведение в Москве // Московские ведомости. 1817. №17. С. 453.
[359] Там же. С. 452.
[360] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 12.
[361] Там же.

училище[362]. В 1816 и 1817 гг. Анна Сергеевна и Артемий Иоакимович, жена и сын Иоакима Лазарева, пожертвовали по пятьдесят тысяч рублей. Еще «большие суммы, чем первые основатели» пожертвовали сыновья Иоакима Лазаревича – Иван, Христофор и Лазарь. Иоаким Лазаревич внес лишь незначительные изменения, которые касались увеличения численности учеников до 40 (вместо 30 предполагаемых), и до 3 – 4 учителей вместо 1 – 2.

На первом этапе (1815 – 1835 гг.) первоначальная цель деятельности учреждения ограничивалась элементарным обучением. Предполагалось ежегодно принимать в училище мальчиков армянского вероисповедания в возрасте от 10 до 14 лет, содержащихся за счет заведения, из которых десять, должны были быть из числа несостоятельного армянского духовенства. Кроме того, в нем могли обучаться несколько юношей на средства состоятельных армян-попечителей. Принимавшиеся в училище дети, должны были знать основы Закона Божьего и начало арифметики, уметь читать и писать. Весь курс обучения составлял два года.

15 июня 1818 г. в связи с преклонным возрастом Иоаким Лазаревич передал управление училищем сыновьям Ивану Иоакимовичу и Христофору Иоакимовичу, что оказалось ключевым фактором в дальнейшей судьбе учебного заведения. Наследники стремились придать училищу статус государственного учебного заведения. Они превратили его в культурный и образовательный центр Москвы. Вместе с тем, братья не собирались отказываться от изначально заданной цели – «создания учебного заведения, способного давать армянскому юношеству хорошее европейское образование»[363].

В годы попечительства И.И. Лазарева и Х.И. Лазарева курс обучения разделился на три класса: нижний, средний и высший[364]. При этом следует

---

[362] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 29.

[363] Торкунов А.В., Алаев Л.Б. Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО… С. 35.

[364] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 33.

иметь в виду, что в то время и гимназический курс состоял всего из четырех классов. Учебный план предусматривал, помимо обычного курса русских гимназий, состоящий из таких дисциплин, как Закон Божий, логика, словесность, право, математика, география, история, также еще и преподавание родного армянского языка и армянской словесности, древнего латинского, французского и немецкого языков[365]. Предусматривалось также изучение восточных языков, которые были востребованы в России в связи с ее продвижением на Кавказе, и для армян, так как значительная часть их находилась в Иранской и Османской империях[366].

Сыновья И.Л. Лазарева гордились делом отца и стремились распространить позитивный имидж учебного заведения в Москве. Они старались привлекать к нему внимание не только частных лиц, но и властей. В 1818 г. в училище прошли испытания, на которых присутствовал ректор Московского университета П.Д. Антонович. Профессор М.Т. Каченовский, скептически относившийся к частным учебным заведениям, был восхищен уровнем знаний воспитанников и назвал училище образцом школы[367]. А 12 мая 1819 г. прошли первые публичные испытания, или так называемые торжественные акты училища. Вскоре после этого в «Армянское училище начали поступать не только армяне, но и дети других национальностей»[368].

И.Л. Лазарев мечтал пригласить в училище квалифицированных, грамотных преподавателей. Однако, не найдя таковых на Кавказе, он в 1811 г. обратился с просьбой к главе венецианских мхитаристов. Учитывая напряженные отношения между Русской Православной, ААЦ и Римско-Католической церквями, со стороны Иоакима Лазаревича это был смелый

---

[365] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 33.
[366] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 34.
[367] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики… С. 1102.
[368] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 34.

шаг, но, как писал И.Л. Лазарев: «…в науке не принимается в соображение вероисповедание, а требуется лишь образованный человек»[369].

Первым преподавателем стал священник Артемий Манукович Аламдарян (1796 – 1834), получивший образование в Астраханском Агабабовском училище, занимавший в дальнейшем должность младшего учителя армянского языка[370]. Свою деятельность в Лазаревском училище он начал с разработки учебных пособий. Прежде всего, он составил понятную для армянских детей русскую грамматику. Одновременно он работал и над учебными программами по риторике, логике, физике и философии. А.М. Аламдарян составил первый краткий русско-армянский словарь.

В 1814 г. была собрана первая группа учеников из десяти юношей. К официальному началу занятий в Армянском училище 12 мая 1815 г. осталось только шесть учеников. Все предметы А.М. Аламдарян вел сам, только для преподавания русского языка был приглашен специальный учитель. Первым преподавателем восточных языков стал Михаил Салатян[371], который с 1822 по 1826 гг. был ректором Лазаревского института[372]. Он преподавал Закон Божий и армянский язык и издал несколько учебников по преподаваемым им предметам[373]. Как утверждал Г.И. Кананов: «…при нем напечатаны были труды его…учеников. Сей Архимандрит…принес очевидные плоды»[374]. Он сменил Серафима Карнеци, занимавшего эту должность с 1815 по 1822 гг. и разработавшего устав училища 1817 г.

Министр народного просвещения А.С. Шишков возложил на епархиального архиепископа, проживающих в России армян Иоаннеса ответственность за цензуру издаваемых на армянском языке книг. В ответе на письма министра от 27 августа и 23 сентября архиепископ Иоаннес

---

[369] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 16.

[370] Материалы для истории Лазаревского Института восточных языков, издаваемые иждивением г. попечителя князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. М., 1914. Вып. 1. С. 2.

[371] Известный богослов, специалист по латинской и греческой словесности, в совершенстве владеющий русским языком.

[372] До середины 20-х гг. ректором называлась должность инспектора, который помимо своих административных обязанностей преподавал какой-либо предмет.

[373] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 182.

[374] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 147.

12 октября 1826 г., сообщил о соблюдении цензуры. Он уведомил, что нарушений цензуры им обнаружено не было. Однако, со своей стороны, поручил попечителям Санкт-Петербургских и Московских армянских церквей Ивану Иоакимовичу и Христофору Иоакимовичу Лазаревым осуществлять надзор за вновь публикуемой литературой, «дабы при издании новых книг не повстречалось каких недоразумений или упущений»[375]. Также на братьев Лазаревых было возложено «общее заведывание оных церквей… ибо как они, равно и предки их были всегда ревностными основателями и учредителями всего того, что к существенной пользе нации относится»[376].

В списках первых воспитанников, опубликованных 1 июля 1816 г., значились: Яков Арзанов, Давид и Иоаким Давидовы, Гавриил Макартумов, Мартын Степанов, Илья и Павел Петровы, Василий Варламов, Артемий Иоанесов[377]. В 1820 г. состоялся первый выпуск воспитанников Полякова, Яралова, Меликова с похвальными аттестатами, но не пользующимися пока еще никакими преимуществами. 12 января 1821 г. пять воспитанников из двенадцати, окончивших курс и сдавших экзамены, поступили в Московский университет. И, начиная с этого года, Армянское училище ежегодно оканчивали двенадцать и более воспитанников. К 1825 г. насчитывалось уже 70 учеников[378]. Братья Лазаревы поставили перед собой цель уровнять училище в плане учебной программы с государственными гимназиями, так как только в этом случае оно могло превратиться в крупный образовательный и культурный армянский центр. Для этого необходимо было усовершенствовать учебную программу. Это сделало бы учебное заведение Лазаревых более популярным, привлекая большее количество учащихся. И хотя училище называлось Армянским, в нем обучались юноши и других национальностей.

---

[375] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 219. Л. 7.
[376] Там же. Л. 7об.
[377] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 152. Л. 191.
[378] В Московском университете, основанном в 1755г., было на тот период 30 студентов.

Так как учебное заведение в основе своей предусматривало обучение армянскому языку и армянской литературе, изучение которых отсутствовало в государственных гимназиях, то данная программа не получила поддержки со стороны Министерства народного просвещения. Лазаревы, надеясь закрепить через Устав особый статус для училища, в 1817 г. обратились в Министерство народного просвещения с просьбой уравнять училище в правах с Московской практической академией коммерческих наук и другими заведениями. Однако, министерство отклонило Устав, аргументировав свое решение тем, что училище не является чисто научным заведением. Понимая, что преимуществом училища может быть преподавание восточных языков, попечители в 1823 г. представили новый Устав, согласно которому в гимназии должны были преподаваться армянский, персидский, турецкий и арабский языки. Ученый комитет при Главном правлении училищ предложил приравнять его в правах к другим гимназиям и составить проект Устава. Однако проект и на этот раз не был реализован.

С целью придания училищу официального статуса и предотвращения дальнейших отрицательных решений министерства, а также стремясь обезопасить учебное заведение, Лазаревы, желая вывести его из-под прямого ведения министерства и, надеясь на покровительство влиятельного при дворе государственного деятеля, решили поставить во главе своего учебного заведения всесильного в то время при дворе императора Александра I главного начальника военных поселений генерала от артиллерий графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769 – 1834).

По совету и при помощи графа М.М. Сперанского 12 мая 1824 г. И.Л. Лазаревым был подготовлен проект на имя императора Александра I «О присвоении армянскому училищу в Москве прав гимназии и о назначении Аракчеева А.А. покровителем училища», в котором отмечалось, что «армянская нация пылает духом верности к благословенной Державе Всероссийской», а потому просит о «даровании сему единственному Восточному заведению тех прав и преимуществ, каковыми пользуются

прочие гимназии высших наук, как то: Киевская, Демидовская и графа Безбородко, с наименованием Лазарева Армянская гимназия высших наук и Восточных языков»[379]. Вместе с тем «благоволит даровать оной Президента Его Сиятельство генерала от Артилерии графа Алексея Андреевича Аракчеева»[380]. В подготовке проекта принял участие и святейший патриарх Армении, католикос Ефрем. В том же 1824 г. в монастыре Св. Животворящего креста в Ахиате (Армения) им было составлено письмо с просьбой, чтобы «звание президента возложено было на Его Сиятельство Графа Алексея Андреевича Аракчеева, ... что юношество, высшему его покровительству вверенное, воспитанно будет в христианском благочестии...»[381].

В июне 1824 г. Иоаким Лазаревич направил проект императору Александру I для дальнейшего рассмотрения. Он писал: «…Учебное заведение, на особенных правах и для особой нации учрежденное, требует особенного покровительства. Армянская нация почла бы себя счастливою, если бы такое покровительство возложено было на Его Сиятельство Графа Алексея Андреевича Аракчеева…»[382]. Учредители понимали, что роль училища расширялась от социализации детей переселенцев до их подготовки к государственной службе.

Документ от 19 июня 1824 г. был подписан Основателем и Попечителем Иоакимом Лазаревым, Статским Советником и кавалером Иваном Лазаревым и Коллежским советником и кавалером Христофором Лазаревым[383].

8 августа 1824 г. Комитет министров, ознакомившись с мнением министра народного просвещения А.М. Шишкова и графа А.А. Аракчеева, выразившего свое согласие стать главным начальником училища, согласился

---

[379] Сперанский М.М. Письма М.М. Сперанского к Х.И. Лазареву. СПб., Типография В.А. Рогальского,1864. С. 77–78.
[380] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 262. Л. 2.
[381] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 129.
[382] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1838. Ч. III. С. 98.
[383] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 128.

удовлетворить просьбу Лазаревых. 17 января 1825 г. последовал ответ графа на имя И.Л. Лазарева: «Милостивый государь мой Иоаким Лазаревич! ... мне приятно будет в звании начальника заведения, делающего особливую честь фамилии Лазаревых, содействовать его успехам, сообразно с благотворительной целью его основателей»[384]. А 30 июня 1825 г. вышел Указ о подчинении армянского училища графу Аракчееву, который был назначен первым покровителем или «главноначальствующим» института, состоящего в этом звании два года.

В 1827 г., в связи с преобразованием училища в Институт восточных языков и отказом графа Аракчеева от занимаемой должности, его преемником был избран и утвержден шеф жандармов генерал-адъютант граф Александр Христофорович Бенкендорф (1782 – 1844)[385].

Исходя из интересов своей внешней политики и, стремясь к удовлетворению современных требований и интересов России по части восточных языков, правительство поставило Лазаревский институт в один ряд с первостепенными учебными заведениями империи. «Близость сношений наших с Востоком, увеличивающаяся с каждым годом, не должна ли обратить внимание всех просвещенных Россиян на необходимость в русском воспитании не одних языков Западной Европы, но и языков Востока»[386]. Это послужило одной из причин для создания института.

С ростом торговли и промышленности государство испытывало недостаток в грамотных специалистах, поэтому для их подготовки правительство утвердило новое положение об устройстве учебных заведений. Лазаревы, будучи успешными предпринимателями, как никто иной, понимали всю остроту ситуации и, следуя рекомендациям правительства, сочли необходимым, чтобы в учебном заведении специально «воспитанникам, приготовляющимся для торговли, читались дополнительно

---

[384] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 132.
[385] Дмитриев А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки… С. 440.
[386] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 58.

курсы бухгалтерии, науки о торговле и товароведении»[387]. Окончившие курс пользовались всеми правами воспитанников высшего коммерческого пансиона в Санкт-Петербурге, на основании чего воспитанники, не принадлежащие по своему рождению «к потомственному почетному гражданству», окончив полный Институтский курс, удостаивались «Правительственным Сенатом звания личного почетного гражданина»[388].

Важное значение Лазаревский институт имел для армян, проживающих на Кавказе и в Закавказье. Отправляя в Москву малолетнего сына, едва знавшего армянскую грамоту и почти не говорящего по-русски, они через 6-8 лет встречали «возвращающего на свою родину юношу, украшенного образованием ума и сердца, с правами и преимуществами, которые Правительство дарует всем благовоспитанным юношам»[389].

Преемники основателей училища считали своим долгом увековечить память учредителей учебного заведения и 12 декабря 1822 г. в середине парадного двора института был установлен обелиск. Мраморная доска украшалась четырьмя барельефами с изображением попечителей и основателей армянского училища с выгравированными на ней стихами поэта А. Мерзлякова, дворянским гербом Лазаревых и надписями на армянском и русском языках: «Сей Храм наук воздвигнут в благословенное Царствование Его Императорского Величества, Государя Императора Александра I, Отца Отечества и Виновника просвещения, в 1815 г. Мая 1-го дня»[390].

Подводя итог, отметим, что за пределами исторической Армении и ранее создавалось немало учебных и научных центров. Однако, в течение нескольких десятилетий XIX в. роль Лазаревского института восточных языков, берущего свое начало в учрежденном Лазаревыми Армянском училище, была исключительной, так как он не только приобщал армян к культурному богатству России, но и знакомил русскую общественность с

[387] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 60.
[388] Там же. С. 62.
[389] Там же. С. 57.
[390] Там же. С. 70.

традициями армянской литературы, культуры, истории. Представители передовой российской общественной мысли в значительной степени способствовали становлению и развитию Московского армянского училища, чья история являлась примером дружбы и сотрудничества русского и армянского народов, служения отечеству, просвещению и науке.

2.2 Создание Армянского Лазаревского института восточных языков (1827–1847 гг.)

После смерти в 1826 г. попечителя учебного заведения Иоакима Лазаревича Лазарева и сложения в 1827 г. графом А.А. Аракчеевым своих обязанностей по училищу, Армянский Епархиальный Архиепископ Иоанесс и семья Лазаревых ходатайствовали перед Императором Николаем I о назначении на освободившуюся должность Генерал-Адъютанта, шефа жандармов графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Подчеркивая важное значение образовательного учреждения для армянского населения России, Лазаревы были убеждены, что «…в звании Главного Начальника восточного института, Генерал Бенкендорф… примет существенные меры по прочному его благосостоянию в образовании юношества к военной и гражданской службе»[391].

Николай I предоставил право решения вопроса министру народного просвещения А.С. Шишкову[392] и на заседании Комитета устройства учебных заведений от 8 мая 1828 г.[393] А.Х. Бенкендорф был утвержден главным начальником училища. Одновременно с этим Комитетом должен был рассматриваться проект устава Армянского училища, который годом ранее был отклонен А.С. Шишковым. Разногласия между министром и руководством института состояли в различных взглядах на цели

[391] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 134–135.
[392] Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков. СПб., 1879. С. 8.
[393] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. 458 с.

деятельности образовательного учреждения. Министр народного просвещения настаивал на четком разграничении учебного процесса на общеобразовательное или специальное по обучению восточным языкам. Лазаревы же пытались отстоять свое детище в том состоянии, в каком оно существовало на тот период, а именно, обучение переводчиков и подготовка выпускников к поступлению в университеты. Они отказывались подвергнуть редакции текст устава, сохраняя его первоначальный вариант. Однако в связи с началом проведения Министерством народного просвещения образовательной реформы в стране, решение по проекту устава было отложено.

Одна из причин подобного отношения Министерства народного просвещения к институту восточных языков, несомненно, связана как с особенностями организации учебного процесса (в частности своеобразие учебной программы, изучение армянского языка), так и с его существованием за счет частных пожертвований. С другой стороны, финансирование института, без учета финансовой поддержки со стороны государства не могло не находить одобрения и поддержки со стороны российского правительства.

По инициативе графа М.М. Сперанского и академика Х.Д. Френа[394], в 1828 г. Комитет утвердил новое наименование образовательного учреждения. Теперь оно называлось «Армянский Лазаревых институт восточных языков»[395], что было закреплено в Собрании высочайших указов и актов от 1839 г. Примечательно, что незадолго до этого события был заключен Туркманчайский мирный договор, по которому Восточная Армения была присоединена к России, что не могло не повлиять на решение министерства. Данной точки зрения придерживался и историк-востоковед А.П. Базиянц[396].

---

[394] Френ Х.Д. – профессор Казанского университета, академик Санкт-Петербургской Академии наук, действительный статский советник, немецкий и российский востоковед-арабист и нумизмат.

[395] Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых института восточных языков. СПб., 1839. С. 18.

[396] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 24.

Главный начальник гимназии А.Х. Бенкендорф поддержал «лазаревский» вариант организации института. Он был уверен в пользе учебного заведения, так как присоединение Восточной Армении к Российской империи повышало актуальность и благосклонность правительства к армянскому учебному заведению в этот период его деятельности, которое подготавливало чиновников и переводчиков восточных языков, остро необходимых для работы в новых, приобретенных Россией, территориях южного Кавказа. В письме к министру народного просвещения А.С. Шишкову граф А.Х. Бенкендорф аргументировал свое мнение тем, что «юношество Армян, обитающих под покровительством России», обучаясь в Лазаревском институте восточных языков, «с большею удобностью соединится с коренными Россиянами»[397]. А со своей стороны он обещал содействовать достижению поставленных целей института. Необходимо отметить, что имея реальный вес и авторитет в стране, он смог своим покровительством институту добиться некоторых привилегий для него.

Таким образом, Лазаревскому институту удалось сохранить свое первоначальное назначение.

В «Положении о Лазаревском институте восточных языков» от 1830 г. определялись цели и назначение учебного заведения. Это: способы воспитания и образования юношества и подготовка их к поступлению в университеты и на государственную службу – военную и гражданскую, теоретическое и практическое изучение восточных языков, подготовка переводчиков, а также специалистов в области торгово-промышленной деятельности. Институт одной из главных своих задач видел в сохранении и развитии национального самосознания армян, в подготовке учителей армянских школ и священнослужителей для армянской апостольской церкви.

[397] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 114.

Как считала Ж.А. Ананян, Лазаревский институт восточных языков выполнял следующие задачи: готовил учителей для армянских школ, специалистов – востоковедов, способствовал сближению русской и армянской культур и стал центром армянского просвещения[398].

Таким образом, задачи института определялись подготовкой дипломатов, переводчиков, священнослужителей, торговых работников для работы на Востоке и Закавказье в интересах Российской империи.

В «Историческом обзоре» Ивана Иоакимовича и Христофора Иоакимовича Лазаревых история института связана с «историей Армении и армян вообще, их переселением в Россию, их ролью в Малой Азии, сношениями с Русским правительством»[399]. Значение института, как отмечал А.З. Зиновьев, заключалось в том, что, «учрежденный И. Л. Лазаревым на пользу своей нации и нового своего отечества – России»[400], он способствовал развитию русско-армянских культурных отношений и научных связей, знакомил с передовыми идеями русской и западноевропейской культур.

За период с 1816 по 1838 гг., как зафиксировано в «Собрании актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа», в учебном заведении находилось пятьсот воспитанников, из которых 79 поступили после окончания гимназического курса в университеты и другие учебные заведения (после сдачи экзаменов), из двухсот девяносто четырех воспитанников некоторые выбыли по болезни или другим причинам, а остальные поступили на военную службу и в разные ведомства гражданской службы. Сорок два воспитанника содержались за счет благотворителей, а восемьдесят девять оплачивали свое обучение[401].

А подтверждением качества их знаний может служить тот факт, что «с учреждением института, с 1816 по 1830 г., в продолжении 14 лет из него

---

[398] Ананян Ж.А. Лазаревский институт восточных языков в первой половине XIX в. // Историко-филологический журнал. 1998. № 1-2. С. 73.

[399] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 331. Л. 2.

[400] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 27.

[401] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 442.

выпущено до 309 воспитанников, по окончании которого 49 воспитанников… удостоены были звания действительных студентов и кандидатов Императорского московского института»[402].

Учебное заведение привлекало внимание различных деятелей страны и зарубежья. Так, 25 октября 1829 г. Лазаревский институт восточных языков посетил знаменитый путешественник Прусско-королевской службы барон Гумбольд, о чем было сообщено в «Московских ведомостях» от 31 октября 1829 г.[403] Его приняли начальники института Лазаревы и попечитель Московского учебного округа генерал-майор А.А. Писарев. Перед ними выступили воспитанники Степан Мартиросов на армянском языке и Семен Абамелек – на французском, которые рассказали гостю о целях и составе института. Осмотрев и оставшись довольным устройством учебного заведения, барон Гумбольд высказал мнение о важности изучения армянской словесности и упомянул об Армянской Академии св. Лазаря в Венеции и, учрежденной еще с наполеоновских времен, кафедре армянского языка в Париже, которое он лично посещал, а также о своем знакомстве с ориенталистами Черпетом и Сен-Мартеном, издавших «превосходные творения армянские»[404].

Со своей стороны, барону Гумбольду были преподнесены в дар, изданный преподавателем Михаилом Салатяном курс Армянской словесности, а также труды воспитанников института.

«Московские ведомости» от 19 марта 1830 г.[405] сообщили о посещении Лазаревского института восточных языков Прусского принца Альберта, который, ознакомившись с учебным заведением, поговорил с Архимандритом на итальянском языке, на латинском – с ректором, на французском и немецком – с господами Лазаревыми, с инспектором Иваном Федоровичем Краузе, с некоторыми из учителей и учащихся. Он отметил,

---

[402] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 265. Л. 1об.
[403] Московские ведомости. 31 октября, 1829.
[404] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 121.
[405] Московские ведомости. 19 марта, 1830. №23.

что впервые «с особенным удовольствием видел Восточное заведение и в лестных выражениях отдал справедливость основателям»[406].

В 1830 г. институт восточных языков принял представителей делегаций из Османской империи, что также указывает на значимость образовательного учреждения. Для дипломатов, обучающихся в институте, была произнесена речь, в которой говорилось как о самом институте, его основании и деятельности, так и об освобождении армян, благодаря России[407]. В свою очередь, делегаты передали в фонд библиотеки института новую литературу.

В учебном и педагогическом плане институт уже не уступал ни одному из ведущих московских учебных заведений. Стараниями сыновей Иоакима Лазаревича на учебное заведение обратила внимание государственная власть.

4 октября 1834 г. произошло историческое событие – институт посетил Император Николай Павлович в сопровождении графа Бенкендорфа и, осмотрев все учреждение, поговорив с учителем турецкого языка Аракелом Шагумовым и некоторыми воспитанниками, остался доволен дисциплиной и порядком в нем. Он положительно отозвался об институте. О визите императора сообщалось в газете «Северная Пчела»: «4 октября Его Величество изволил обозревать Лазаревский Институт Восточных языков и был весьма доволен»[408]. В результате указом от 20 ноября 1835 г. Лазаревский институт был причислен ко второму разряду учебных заведений[409], что давало ему права и преимущества учебных заведений 2 разряда, которые были закреплены за институтом указом Правительствующего Сената от 21 октября 1837 г.

К этому времени Лазаревское учебное заведение уже состояло из четырех классов, где преподавались: 1) закон божий российского и армянского вероисповедания; 2) логика, риторика, нравственность;

---

[406] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 133.
[407] Там же. С.155.
[408] Северная Пчела. 31 декабря, 1834. №297. С. 42.
[409] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 38-44.

3) математика; 4) физика; 5) естественная история; 6) всеобщая история и российская история; 7) география и статистика; 8) наука государственного хозяйства; 9) право; 10) коммерческие науки; 11) словесность русская; 12) словесность армянская; 13) словесность персидская; 14) словесность латинская; 15) словесность французская; 16) словесность немецкая; 17) искусство[410].

Управлением заведения занимались попечитель и директор, но в случае их отсутствия распоряжался Совет. Так как для продолжения своего образования многие армянские воспитанники поступали в Московский Университет, то директор Лазаревского института обратился к министру Народного просвещения с предложением учредить Армянскую кафедру в Московском Университете. В связи с этим И.И. Лазарев 10 октября 1829 г. подал прошение попечителю Императорского Московского университета: «Обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой …иметь при университете кафедру Армянского языка и Армянской словесности…как одну из отраслей восточных языков, изучаемых во многих иностранных и отечественных университетах… по причинам политическим… французское правительство… учредило в Парижском университете кафедру армянского языка и его словесности»[411].

На политические причины указывал министру Народного просвещения князю Ливену и попечитель генерал-майор А.А. Писарев в отношении от 22 октября 1829 г.: «…Причины предложения об учреждении упомянутой кафедры (политические) … Если при Казанском университете находится кафедра татарского языка, признанная нужной в том краю, то столь же необходима кафедра Армянского языка в Москве … в особенности после присоединения к Российской империи целой области, называемой Армянской»[412]. На это обращал внимание и А.З. Зиновьев, который был

[410] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 39.
[411] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815-1890 гг. … С. 136.
[412] Там же. С. 138.

уверен, что «кафедра Армянского языка в Москве… необходима»[413], так как в Москве проживает большое количество армян.

Лазаревы согласны были взять все необходимые расходы на себя и пожертвовать необходимую сумму. Однако министерство Просвещения заявило, что заинтересовано в обучении восточным языкам, но Университеты не имеют возможности содержать преподавателей для всех языков, поэтому рекомендовано было основать в Санкт-Петербурге отделение, охватывающее все восточные языки. Об этом сообщалось в ответе министра народного просвещения И.И. Лазареву от 9 ноября 1829 г.: «… Министерство Народного Просвещения обратило уже внимание на необходимость изучения в нашем Отечестве восточных языков и в том числе Армянского… Вышесказанное предложение об учреждении здесь отделения для всех восточных языков удостоилось уже предварительного Высочайшего одобрения…»[414].

Продолжая развивать образовательное учреждение, попечитель и директор приглашали к сотрудничеству опытных педагогов. Преподаватели выписывались из Константинополя и Смирны[415]. При подборе кадров Лазаревых не смущала ни национальная, ни религиозная принадлежность того или иного преподавателя. И.Л. Лазарев в одном из своих писем отмечал, что «в науке не принимается в соображение вероисповедание, а требуется лишь образованный человек, сведущий и честных правил, и нравственности. Так поступают образованные и просвещенные народы, в университетах которых часто читают лекции профессора совершенно разных вероисповеданий»[416].

Здесь следует обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, Лазаревы разделяли идеалы «просвещения», показав себя людьми широкого

---

[413]Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 41.
[414] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815-1890 гг. … С. 138.
[415]Нейман М. Армяне. Сборник научных трудов… С. 37.
[416] Материалы для истории Лазаревского института восточных языков, издаваемый иждивением г. почетного попечителя князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. М., 1914. Вып. 1. С.16.

кругозора, пренебрегающие сословными, национальными, религиозными предрассудками. Во-вторых, представление первого попечителя Института о нравственных и профессиональных качествах педагога совпадало с мнением Новикова Н.И. о том, что настоящий преподаватель должен иметь прежде всего правильный образ мысли, характер «и основательное… знание тех языков и наук, которым обучать должен»[417].

Для преподавания восточных языков стремились приглашать опытных наставников. Для практических упражнений в разговорах и сочинениях назначались учителя «из природных азиатцев, а для изъяснения синтактических правил и лучших писателей, также для преподавания истории азиатских народов имеется ориенталист»[418]. Преподаватели восточных языков в Лазаревском институте относились к разряду старших преподавателей.

Комитет министров Российской империи на заседании 1 июля 1834 г. постановил предоставить служащим в Лазаревском институте должностей, соответствующих действительной государственной службе. Таким образом, предписано было отнести попечителя института к V классу должностей Гражданской службы, инспектора – к VIII, старших учителей словесности и восточных языков – к IX классу, младших учителей грамматики и европейских языков – к X, учителей рисования и чистописания, а также надзирателей – к XII, письмоводителя и эконома отнести к XIV классу. Комитет распорядился довести данное решение до сведения графа А.Х. Бенкендорфа[419].

Анализ учебных пособий, которыми пользовались в институте с 1815 по 1848 гг., показал, что наряду с учебниками, носившими религиозный характер, такими как «Грамматика» А.Х. Востокова, «Славянская

---

[417] Новиков Н.И. О воспитании и наставлении детей для распространения общественных знаний и всеобщего благополучия. М., 1783. С. 211.

[418] Под высочайшим покровительством состоящий московский армянский Лазаревых институт восточных языков. М., 1830. С. 15.

[419] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 415.

хрестоматия» И. Пенинского, «Краткая всеобщая история» И.К. Кайданова, занимались и по учебным пособиям, составленным передовыми русскими и армянскими педагогами и учёными. К ним относились: «Арифметика» Ф. Буссе, «Русская грамматика» А. Аламдаряна, «Курс немецкого и французского языка» Эртеля, «Грамматика» М. Эмина, «Хрестоматия персидского и арабского языка» А. Болдырева[420]. Многими из них пользовались не только в Лазаревском институте, но и в русских средних школах.

С 1832 по 1845 гг. учебной частью Института заведовал профессор Московского Университета, академик Иван Иванович Давыдов (1794 – 1863), который в течение нескольких лет наблюдал за преподаванием всех предметов. Он постоянно посещал занятия, присутствовал на экзаменах и педагогических совещаниях. Распорядительной частью заведовал чиновник Шлейхер, который был и преподавателем немецкого языка[421].

17 июня 1840 г. министр Народного просвещения Сергей Семенович Уваров посетил Институт и «приказал сделать…испытания старшим ученикам из некоторых предметов: Истории Русской и Всеобщей, Латинского, Немецкого и Восточных языков»[422]. На испытаниях присутствовал профессор Давыдов и некоторые преподаватели. Министр задавал вопросы, на которые получал удовлетворительные ответы и остался весьма довольным.

Из документа, хранящегося в РГАДА, «Параллельные статьи о выдаче жалованья в Лазаревском институте преподавателям и чиновникам на 1 октября 1848 г.», почерпнута информация о преподавательском составе и преподаваемых ими дисциплинах. Так, Алексей Зиновьевич Зиновьев исполнял должность инспектора и преподавал русский язык, получая 886 руб. жалованья. Н.О. Эмин был помощником инспектора с жалованьем в

[420] Игнатян А.А. История Московского Лазаревского института восточных языков: автореф дис… кан. пед. наук. Ереван, 1969. С. 7.
[421] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 331. Л. 25об.
[422] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815-1890 гг. … С. 147.

917 руб. в год, заведовал восточными языками и преподавал армянский язык. Священник Полянский вел Закон божий греко-российского вероисповедания и получал 228 руб., диакон Моссур – Закон божий армяно-григорианского вероисповедания (715 руб.), Неньщиков – латинский язык (457 руб.), Грифцов – историю и географию (457 руб.), Тихомиров и Новицкий – математику (400 руб.), Шахунов – турецкий и арабский языки (428 руб.), Тавришев – персидский язык (428 руб.), Головин – русский и латинский языки (400 руб.), Петерман – немецкий язык (342 руб.), Куртенер – французский язык (342 руб.) Смирнов - русский язык (100 руб.), Кистов – чистописание, армянский и немецкий (142 руб.), Хуланджаров – надзиратель библиотеки и преподаватель русского, латинского, армянского языков (571 руб.)[423].

В представленном в предыдущем параграфе «Историческом обзоре» Ивана Иоакимовича и Христофора Иоакимовича Лазаревых, упоминался профессор Казанского университета Иван Федорович Краузе, исполняющий должность инспектора и преподававший французский и немецкий язык.[424]

С целью создания в Лазаревском институте духовного отделения, святейшему Эчмиадзинскому Верховному патриарху Нерсесу был направлен на рассмотрение проект. После его одобрения 11 октября 1840 г. граф А.Н. Бенкендорф направил на имя заместителя министра внутренних дел А.Г. Строганова прошение об учреждении при Лазаревском институте особого отделения для духовных воспитанников с целью подготовки просвещенных пастырей для армянской церкви. 14 марта 1841 г. графом А.Н. Бенкендорфом был получен ответ на прошение, в котором сообщалось, что для «улучшения состояния Армянской церкви и образования его духовенства»[425] при Лазаревском Институте Восточных языков 4 марта 1841г. Указом Правительствующего Сената было учреждено особое отделение по подготовке юношей для вступления в духовное звание, «ибо...

[423] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 274. Л. 2об-3об.
[424] РГАДА. Ф.1252. Оп. 1. Д. 331. Л. 25об.
[425] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815-1890 гг. … С. 151.

в духовном отделении Лазаревского института воспитывается и образовывается армянское юношество из духовного звания, дабы учеными и просвещенными священнослужителями прикрывать недостаток; ибо всюду в оных оказывается скудость и нужда»[426].

В Правилах, утвержденных 31 января 1841 г., «содержится весь состав управления столичных армянских церквей... и утвержденные положения руководства, и памятники для армянского народа»[427]. На основании правил Лазаревский институт восточных языков должен был подготовить «юношей из духовного сословия Армяно-Григорианского исповедания для службы по духовному ведомству»[428]. По Уставу Института тем воспитанникам, которые, по мнению руководства института, в дальнейшем должны будут посвятить себя духовному званию, сверх основных предметов, состоящих из русского, армянского и еще одного восточного языка, одного из европейских языков, математики, физики, географии, истории, Закона Божьего по Армяно-Григорианскому вероисповеданию[429], дополнительно преподавались догматическое Богословие, Священное Писание и история церкви. Воспитанники, поступившие в духовное отделение, должны «представлять свидетельство о достаточном знании ими русского языка»[430]. Способным выпускникам могут предложить до вступления в должность проработать 6 лет в Лазаревском Институте учителем или надзирателем[431].

В конце 1840-х гг. российским правительством «были заложены основания системы светского образования коренных народов (Кавказа) и начала формироваться государственная образовательная политика в регионе»[432]. С этой целью Император Николай II постановил направлять лучших гимназистов в различные учебные заведения страны, в том числе и в

[426] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 390. Л. 189 – 191.
[427] Там же.
[428] ПСЗ РИ. Т.16. СПб., 1841. №14235. С. 87.
[429] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 263. Л. 8.
[430] ПСЗ РИ. Т.16. СПб., 1841. №14235. С. 87.
[431] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института.… С. 49.
[432] Лазарян С.С. Имперская образовательная система на Кавказе в 40-50-е годы XIX века. Задачи и пути развития // Диалог со временем. 2014. №48. С. 183.

Лазаревский институт, а при выборе учеников, «обращать особенное внимание не на происхождение их, а на способности и успехи»[433]. В полном собрании законов Российской империи было закреплено положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев высших и специальных учебных заведений империи для подготовки их к службе на Кавказе и Закавказье. В связи с этим в каждом учебном заведении полагалось иметь постоянное число кавказских воспитанников. Для Лазаревского института восточных языков определялись «двадцать, для гражданской службы и преимущественно для должностей переводчиков»[434]. Из общего числа воспитанников шестеро должны были представлять детей русских дворян и чиновников, положительно зарекомендовавших себя на службе на Кавказе и Закавказье.

В документах архивного фонда Абамелек-Лазаревых РГАДА имеется документ, подтверждающий это положение: «В следствии высочайших повелений и особых положений о Кавказском крае в Лазаревском институте на счет правительства воспитываются: 4 полных пансионера Его императорского величества и еще 20 воспитанников из Кавказских и Закавказских уроженцев, различных азиатских племен»[435].

Все расходы на содержание воспитанников производились из государственной казны. Кавказские воспитанники освобождались от изучения некоторых обязательных предметов. Так, в Лазаревском институте это были арабский и немецкий языки, но от них требовалось изучение местных языков[436].

Благодаря покровительству А.Х. Бенкендорфа, 4 июня 1829 г. приказ «О дозволении статскому советнику Лазареву открыть в Москве типографию» позволил Лазаревым учредить при институте типографию, для здания которой еще в 1828 г. они приобрели у княжны М.А. Салтыковой

---

[433] Лазарян С.С. Имперская образовательная система на Кавказе в 40-50-е годы XIX века. Задачи и пути развития … С. 186.
[434] ПСЗ РИ. Т.24. СПб., 1849. №23307. С. 314.
[435] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 331. Л. 20об.
[436] ПСЗ РИ. Т.24. СПб., 1849. №23307. С. 319.

дом[437]. Открытие типографии состоялось после молебна 23 июня 1829 г. с разрешения Министерства внутренних дел и при большом количестве собравшихся. Типография по замыслу учредителей института была устроена также и с целью, чтобы «наиболее распространить между Армянским народом полезные сведения о науках и искусствах»[438]. Она существовала на средства попечителей, а в целях экономии издаваемые книги корректировались служащими института. Руководил типографией профессор Иван Федорович Краузе. Наряду с учебниками и учебными пособиями для преподавателей, здесь издавались книги по сельскому хозяйству, счетоводству, руководство для промышленников и другие.

Первоначально техническое оборудование типографии было приспособлено для печати на 12 восточных и европейских языках. Однако в 1830 г., приобретя в Лондоне новые шрифты и станки, Лазаревы смогли улучшить работу типографии и к концу 30-х гг. XIX в. издавать на 21-ом европейском и восточном языках, таких как латинский, греческий, грузинский, сербский, турецкий, персидский и другие[439].

В 1830 г. было отправлено в Лондон в дар Королевскому Великобританскому и Ирландскому Азиатскому обществам 10 экземпляров Устава института, напечатанных в собственной типографии, о чем в письме от 14 декабря 1830 г. с благодарностью сообщил секретарь общества П.Д. Броутон[440].

Семен Султан-Шаев – воспитанник Лазаревского института и студент Московского университета – составил Армянские прописи, которые были изданы в 1831 – 1832 гг. в типографии института для использования как в данном заведении, так и в других Армянских училищах[441].

---

[437] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С.37.
[438] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С.222.
[439] Там же. С. 184.
[440] Там же. С.133.
[441] Там же. С. 220.

Важное значение в укреплении русско-армянских связей имела книга выпускника Лазаревского института Александра Макаровича Худобашева о переселении армян в разные губернии России, опубликованная в 1816 г. в Санкт-Петербурге[442]. А, одобренный императором Николаем I и изданный в 1838 г. «Армяно-русский словарь» А.М. Худобашева, способствовал развитию культурных связей двух народов. Словарь использовался даже в российских миссиях и консульствах. Автор в предисловии, высказывая свое мнение о словаре, был твердо убежден, что «многочисленные отношения» между русскими и армянами будут зависеть от «уразумения сего языка» и упрочится неразрывная связь между «великодушною Россиею и всегда признательною к ней Арменией»[443].

Этим целям способствовала типография Лазаревского института, которая считалась одной из передовых в Москве и публиковала произведения А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова и других русских и европейских классиков, что способствовало знакомству армянского населения с русской и европейской культурами. Выпущенное в 1840 г. «Краткое начертание российской истории» И.П. Кайданова на армянском языке, получило признание Московского армянского духовного правления.

Таким образом, как отмечалось в «Собрании актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», изданном в трех томах (1833-1838) в данной типографии на отличных шрифтах, «изданы уже многие в разных родах книги по цели общеполезные»[444] на армянском и русском языках для школ, училищ и Московской публичной библиотеки.

Лазаревский институт восточных языков славился своей библиотекой, в которой к 1836 г. было собрано около 8 000 томов, 65 рукописей на восточных языках, учебной литературы и других изданий. А коллекция манускриптов на различных языках сыграла важную роль в развитии школы

---

[442] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 216.
[443] Худобашев А.М. Армяно-русский словарь. М.: Типография Лазаревского института, 1838. 620 с.
[444] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 13.

востоковедения в Москве. Библиотечный фонд пополнялся попечителями института, которые закупали книги в различных городах России и за рубежом, а также за счет книг, преподнесённых в дар преподавателями института, бывшими воспитанниками, почитателями и за счет обмена с другими учебными и научными центрами[445].

Труды, появившиеся в 30-е гг. IX в. в Лазаревском институте, стали важной вехой в исследовании истории и культуры армянского народа. Лазаревы считали, что историю русско-армянских отношений лучше представит русский писатель, например, такой как, Сергей Николаевич Глинка, чьи труды внесли огромный вклад в укрепление русско-армянских отношений. Установившиеся деловые отношения между С.Н. Глинкой и Лазаревыми в дальнейшем перешли в дружеские, о чем можно судить из их переписки. Так, в письме к И.И. Лазареву от 1 мая 1833 г., С.Н. Глинка, рассказывая о бедственном положении своей семьи, просил в долг 500 руб. А в благодарность был «готов безвозмездно на какой-нибудь новый труд относительно к возрождающей области Армянской»[446].

Результатом сотрудничества с Лазаревыми, которые предоставляли ему различные документы, стал фундаментальный труд по истории Армении, главной мыслью которого стало мнение, что только укрепление русско-армянских отношений поможет возродиться армянскому народу[447].

Изучая историю русско-армянских отношений, многие авторы опираются на труды С.Н. Глинки. Идея духовной близости русского и армянского народов, явная симпатия к армянскому народу поддерживалась не всеми официальными кругами общества. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа» некоторые критики посчитали недостоверной. Такого же мнения придерживался и О.С. Сенковский, когда в журнале «Библиотека для чтения» разместил рецензию на книгу С. Глинки.

---

[445] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 37.
[446] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4390. Л. 237–238.
[447] Саядов С.М. У истоков русского арменоведения: историографический обзор. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2014. С. 126.

Вместе с тем он подчеркнул, что «сведения, собранные автором в отношениях русского правительства к Армянам со времен Петра Великого, и о действиях фамилии господ Лазаревых на пользу своего народа очень любопытны»[448]. 2 июня 1830 г. Х.И. Лазарев получил разрешение на публикацию «Обозрении истории Армянского народа»[449].

А в 1831 г., несмотря на критику, С.Н. Глинка все же получил разрешение на издание книги. Через Х.И. Лазарева он обратился к А.Х. Бенкендорфу о цензурной оценке произведения. Все это, а также возникшие трудности при издании «Собрания актов…», говорило о неосведомленности российской общественности по истории Армении. И появление трудов С.Н. Глинки в тот период имело значительное культурное и общественно-политическое значение[450]. С.Н. Глинка написал две повести в стихах на основе древних армянских летописей и преподнес в дар главному начальнику Лазаревского института графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, в благодарность за покровительство в публикации[451].

Заслуга С.Н. Глинки заключалась в том, что он обращал внимание русской общественности на народы, проживающие в России и, в частности, армян, так как он был уверен, что «судьба армянского народа волею исторических судеб переплелась с Россией» и подчеркивал в своих трудах «любовь армянского народа к русскому»[452]. По мнению С. Саядова, работы С. Глинки «открывали новую страницу в историографии истории Армении в России. Они явились результатом творческого сотрудничества русского писателя и выдающихся представителей армянского народа»[453].

Многие современные армянские исследователи, такие как К.Н. Григорьян, З.О. Гукасян, Л. Мкртчян, пришли к общему мнению, что С.Н. Глинка стал первым русским исследователем, создавшим исторические

[448] Библиотека для чтения. М.: 1834. Т. VII. №11–12. С. 32.
[449] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 342. Л. 23–24.
[450] Саядов С.М. У истоков русского арменоведения: историографический обзор… С. 89.
[451] Там же. С. 205.
[452] Там же. С. 91.
[453] Саядов С.М. Лазаревы и история армянского народа // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. М., 25–27 ноября 2003 г. С. 197.

работы об Армении, в которых он «подчеркивал жизненную необходимость дружбы армянского и русского народов»[454]. Советский историк В. Дилоян считал, что «Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа», оказало неоценимую роль «в сближении русского и армянского народов»[455].

В связи с кончиной графа А.Х. Бенкендорфа, по просьбе преемников основателей и по Высочайшему указу от 12 октября 1844 г., Лазаревский Институт перешел под начальство генерала от кавалерии, начальника 3 Отделения Собственной его Императорского величества канцелярии и шефа жандармов графа Алексея Федоровича Орлова. Указ Николая I Правительствующему Сенату предписывал: «Шефу жандармов... Генералу от Кавалерии, Графу Орлову повелеваем быть над Московским Лазаревским Институтом восточных языков, с оставлением при всех им ныне занимаемых должностях и званиях»[456].

В 1843 г. на заседании правления Лазаревского института была поднята важнейшая проблема России – нехватка кадров квалифицированных чиновников и переводчиков для Кавказского и Закавказского региона. Было принято «Предположение о воспитании нескольких молодых людей в высших учебных заведениях для приготовления на службу по гражданской части в Закавказском крае»[457]. В документе говорилось, что одним из способов решения насущного вопроса является принятие по 5 уроженцев Закавказья в три учебных заведения страны: Императорское училище правоведения, учебное отделение восточных языков Санкт-Петербургского университета и Лазаревский институт восточных языков. В первую очередь в список воспитанников должны были войти дети княжеских и дворянских родов. Однако, допускались и дети российских чиновников, отличившихся на

[454] Мкртчян Л. Армянская поэзия и русские поэты XIX – XX вв. Ереван: Айастан, 1968. С. 11.
[455] Дилоян В.А. Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России во второй половине XVIII в. Ереван, 1966. С. 225.
[456] Кананов Г.И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 148.
[457] ЦГАМ. Ф.213. Оп.1. Д.42. Л.3.

службе в Закавказье[458]. Так, в этом же деле приводился список первых пяти воспитанников, отправленных на учебу в Лазаревский институт восточных языков, в число которых вошли четыре представителя из княжеских родов (Александр Черкезов, Александр Везиров, Манучар Аргутинский-Долгорукий, Мелик Бегларов) и один сын чиновника (Николай Ахвердов).[459]

Так как для поступления в данные учебные заведения необходимы были некоторые первоначальные знания, то воспитанники, избранные для поступления в училище правоведения и в Лазаревский институт, должны были предварительно пройти курс обучения в Тифлисской гимназии, по окончании которой направлялись в Санкт-Петербургский университет на кафедру восточных языков[460].

В 1843 г. император Николай I направил пять учеников из закавказских уроженцев в Лазаревский институт, по окончании которого они обязаны были в течение шести лет прослужить на Кавказе или поступить на службу в Правительствующий Сенат. О них сообщалось в отчете графа А.Х. Бенкендорфа: «Считаю долгом засвидетельствовать пред Вашим Императорским Величеством, что ... приняли с чувством... благодарности... назначение воспитывать пять юношей Закавказских уроженцев в сем заведении, ... и тем оправдать высокое внимание Вашего Императорского Величества к сему Восточному учебному заведению»[461].

Одним из ключевых событий в жизни института можно считать назначение в 1844 г. на должность наместника на Кавказе князя Михаила Семеновича Воронцова (1782 – 1856), для которого политика в сфере образования на Кавказе была приоритетной. Наместник также справедливо полагал, что получение кавказскими уроженцами соответствующего образования, которое поможет включить представителей элиты народов Северного Кавказа и Закавказья в состав местной российской

[458] ЦГАМ. Ф.213. Оп.1. Д.42. Л.3об.
[459] Там же. Л.27–27об.
[460] Там же. Л.4.
[461] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 50.

администрации, ускорит процесс интеграции края в состав Российской империи. Значительная роль в этом процессе отводилась Лазаревскому институту.

А для инспекции знаний кавказских уроженцев в Москву в 1846 г. прибыл управляющий делами Кавказского Комитета Владимир Петрович Бутков (1813 – 1881), который выявил целый ряд недочетов в их обучении и пришел к выводу, что «необходимо, чтобы закавказские уроженцы приготовлялись с юношеского возраста и, чтобы приготовление это имело целью не одни восточные языки, но и науки юридические, более или менее необходимые для губернского чиновника, подготовку, которых сосредоточить исключительно в Лазаревском институте»[462].

Для достижения этой цели было предложено составить курс института таким образом, чтобы выпускники могли поступать сразу на службу без учебы в университете. В связи с этим возникала необходимость преобразования института и «расширения» его до университетского уровня. Поддержав данную инициативу, граф А.Ф. Орлов поручил попечителям Ивану Иоакимовичу и Христофору Иоакимовичу Лазаревым и В.П. Буткову подготовить проект нового Устава. Он, оперируя тем, что институт посвящен «образованию народа, населяющего Кавказский и Закавказский край, а при новом устройстве будет иметь еще особую цель – приготовление для этого же края переводчиков»[463], предписал вынести проект на рассмотрение Кавказского комитета.

Кавказский комитет, рассмотрев проект, пришел к выводу, что институт в течение своего 23-летнего существования выпустивший более 750 выпускников, содержащихся полностью на пожертвования, с принятием нового Устава мог бы получить права, которые предоставлялись другим подобным учебным заведениям и сравнить курс Восточных языков с введенным в Санкт-Петербургском Университете. Предполагалось, что сверх

[462] Кананов Г.И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815 – 1890 гг. … С. 150.
[463] Там же. С. 153.

курса Восточных языков, читаемого в Санкт-Петербургском Университете, воспитанники Лазаревского Института должны были прослушать все предметы гимназического курса[464].

Однако, Министерство Просвещения посчитало учебный план не соответствующим университетскому. Свои доводы министр Просвещения С.С. Уваров прописал в своем отношении «Главнокомандующему над Московским Лазаревским Институтом Восточных языков от 16 сентября 1847г. за №8755»[465]. Главный его довод состоял в том, что в учебном заведении предполагалось соединить гимназию и лицей, в высших классах совместить три разные цели: подготовить воспитанников для гражданской службы в сопредельных провинциях с Азией, для торговли с Востоком и на духовную службу.

Кроме этого были озвучены также и другие причины, а именно: 1) нельзя без вреда для обучения семилетний гимназический курс ограничить пятилетним; 2) в соответствии с №150 Устава «поступающие в первый класс должны уметь читать и писать по-русски или по-армянски и знать первые правила арифметики»; 3) возраст при поступлении в лицей необходимо определить соответственно к классам, в которые они поступали, а именно в 1 и 2 классы от 10 до 13 лет, в 3 и 4 – от 13 до 15 лет; 4) из числа предметов могут быть исключены химия и естественная история, так как они не преподаются в гимназиях и физика, от изучения которой по положению от 2 января 1836 г. освобождены воспитанники Первой Казанской гимназии, изучающие восточные языки; 5) изучение слишком большого количества языков может нанести вред образовательному процессу; 6) изучение римского права необходимо только при изучении русских законов; 7) в гимназических классах Лазаревского лицея предполагалось преподавать предметы гимназии, а в лицейских – высшие, читаемые в университетах;

---

[464] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института... С. 51.

[465] Кананов Г.И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 160–161.

8) профессорам и преподавателям Московского университета, преподававшим в Лазаревском лицее, предполагалось производить не прибавочное содержание, а особые оклады, независимо от содержания по ведомству Министерства Народного просвещения.

Министерство Просвещения посчитало, что это позволит воспитанникам Института перейти из гимназических классов прямо в Университет и после 4-летнего обучения получить чин 10 класса. Также, по предложению Министерства Просвещения, для стимулирования изучения восточной словесности, окончившим Институт и изучившим сверх общего весь курс восточных языков, предоставлялись чины не 14, а 12 класса, как и студентам Ришельевского Лицея[466].

Кавказский Комитет, изучив все рекомендации, предложил доработать проекты Устава и Штата Лазаревского института и представить их на рассмотрение императора. Таким образом, 29 апреля 1848 г. подготовленный проект императором Николаем I был одобрен, а 10 мая того же года подписан, а также издан указ Правительствующему Сенату о преобразовании Лазаревского института[467].

Итак, анализ показал, что данный период деятельности образовательного учреждения в первую очередь связан с преобразованием Армянского московского училища в Лазаревский институт восточных языков, при непосредственном содействии друга семьи Лазаревых М.М. Сперанского. В институте уже наравне с армянским и русским языками преподавались и европейские (латинский, французский, немецкий), а также добавленные новые восточные языки (арабский, турецкий). Важно отметить, что особенностью учебного заведения являлось преподавание предметов (за исключением отдельных дисциплин) на русском языке.

---

[466] Ришельевский Лицей – учебное заведение, образованное в Одессе в 1817 г. указом императора Александра I по инициативе губернатора Новороссии А.Э. де Ришелье. В 1865 г. преобразован в Новороссийский Императорский университет.

[467] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 53.

К этому хронологическому периоду также относится открытие духовного отделения для детей из армянского духовенства, которые могли получать одновременно и светское образование, и теологическую подготовку. Подготовка воспитанников для армянского духовенства имело место быть и ранее, однако только в этот период приобрела юридический статус. Это, в свою очередь, демонстрирует формирование многопрофильного образования в Лазаревском институте.

2.3 Преобразования Лазаревского института восточных языков в середине XIX – начале XX вв.

С середины XIX в. в России с развитием капиталистических отношений и в связи с нехваткой высококвалифицированных специалистов в различных сферах деятельности отмечалась тенденция к увеличению высших образовательных учреждений. Существующие к тому моменту в стране шесть университетов, стали крупными учебными и научными центрами. Одним из специальных высших учебных заведений, выпускники которого обладали правом поступления в университет, являлся Лазаревский институт восточных языков, а деятельность его основателей была оценена «отличным монаршим благоволением» и получением ордена св. Анны I-й степени[468].

10 мая 1848 г. император Николай I утвердил и подписал Указ Правительствующему Сенату и Устав Лазаревского Института восточных языков[469], I Параграф которого гласил: «Находящийся в Москве Институт восточных языков получает преобразование… и именуется: Лазаревским Институтом восточных языков»[470] и предназначен для изучения восточных языков и литературы Востока. А с целью подготовки воспитанников к

[468] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 54.
[469] Там же. С. 53.
[470] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 263. Л. 6–6об.

поступлению в Университеты или на государственную службу, необходимо преподавание гимназических предметов.

В параграфе 5 Устава были определены порядок управления учебным заведением, права и преимущества, правила приема воспитанников, а также устройство хозяйственной и административной части. Попечитель избирался из семьи Лазаревых, что было утверждено еще 29 марта и 26 апреля 1838 г. и правилами от 31 января 1841 г.[471] Главный начальник Лазаревского института назначался императором, а уже с его согласия - директор, который приравнивался к ректорам Университетов и подчинялся попечителю. Управление составляли попечитель, директор, инспектор, совет и правление.

К этому моменту должность главного начальника уже занимал граф Алексей Федорович Орлов, попечителями были Иван Иоакимович и Христофор Иоакимович Лазаревы, директором – Семен Ильич Зеленой, а должность инспектора занимал Алексей Зиновьевич Зиновьев, который являлся также и помощником директора, отвечал за управление учебным заведением и следил за поведением воспитанников.

21 декабря 1849 г. были внесены дополнения в Устав от 1848 г., касающиеся, в частности, штата института, состоящего уже из 39 человек. Примечательно, что штат института с указанием чинов, должностей, разрядов и жалованья был представлен в одном документе на русском и армянском языках (см. приложение № 5). Это еще раз подтверждал статус Лазаревского института восточных языков как русско-армянского образовательного учреждения.

При поступлении в институт воспитанники, с целью определения уровня знаний, подвергались предварительным испытаниям. Поступающие в первый или низший класс должны были уметь читать и писать по-русски или по-армянски. По усмотрению совета для воспитанников азиатского происхождения допускались некоторые облегчения.

---

[471] ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1841. Т.16. №14235. С. 316.

Прием производился два раза в год: в январе и июле и, соответственно, 1 января и 1 июля вносилась плата за обучение. Она формировалась из следующих источников финансирования: государственной казны, фонда семьи Лазаревых, столичных армянских церквей, благотворительных фондов, родителей воспитанников.

20 мая 1848 г. в Лазаревском институте восточных языков прошел торжественный акт, посвящённый принятию Устава и приобретению новых прав и преимуществ. И.И. Лазарев направил председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву письмо, в котором выразил признательность «за высокое покровительство, оказанное сему рассаднику наук, … за содействие в нравственном его возрождении – установить тесное духовное и политическое соединение обитателей Кавказа с прочими странами России»[472].

А в Ново-Нахичеванское и Бессарабское армяно-григорианское духовное правление Совет Лазаревского института направил 10 экземпляров печатных речей, произнесенных «на этом торжестве 20 мая, для сообщения известия почтенным особам нашей нации об этом радостном событии»[473].

4 октября 1848 г. последовал ответ от князя Чернышева: «Наблюдая за ходом образования в Лазаревском Институте восточных языков, я убедился, что это заведение…соответствует видам Правительства…и вполне достиг своей цели: распространить практическое знание Восточных языков в России не только между Армянами, …но даже между теми русскими, кто пожелает посвятить себя для занятий торговыми делами на Востоке»[474].

О значимости учебного заведения говорит и тот факт, что 23 апреля 1849 г. в целях ознакомления с деятельностью Лазаревского института его посетил великий русский писатель Н.В. Гоголь. При этом событии

[472] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 166.
[473] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 98. Л. 40.
[474] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 167.

присутствовали попечитель И.И. Лазарев и советники правления Н.О. Эмин и А.М. Епулов[475].

С принятием нового Устава перед институтом ставились новые цели и задачи, для выполнения которых у учебного заведения существовал необходимый ресурс. По рекомендации Министерства народного просвещения в Устав были введены изменения.

Так к уже имеющимся предметам добавились восточные языки (турецкий, арабский, грузинский и татарский), чистописание, рисование и черчение. Воспитанникам, готовящимся к принятию духовного звания, преподавались русский, армянский и еще один восточный язык, один из европейских языков (чаще это был французский), математика, физика, география и история, а также Закон Божий по армяно-григорианскому вероисповеданию. Все воспитанники, кроме духовных, изучали три восточных языка. Программа также предусматривала обязательное изучение местных языков, в частности, армянам преподавался армянский, татарам – татарский, грузинам – грузинский язык[476]. В Институте, вместо 4-летнего и последующего за ним 5-летнего курса обучения был утвержден 6-летний гимназический, а для воспитанников, изучающих восточные языки - специальный двухлетний курс. Им преподавали уже шесть профессоров восточных языков.

Желающие заниматься не только восточными языками, но и другими науками, готовились к поступлению в Московский университет. Воспитанникам, обучающимся для работы в сфере торговли, читались дополнительные курсы бухгалтерии, науки о торговле, товароведении. Выпускники этих курсов пользовались по окончании теми же правами, какие предоставлялись воспитанникам, обучающимся в высшем коммерческом Пансионе в Санкт-Петербурге. Например, те воспитанники, которые «по рождению своему не принадлежат к потомственному гражданству,

[475] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 98. Л. 68.
[476] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 263. Л. 8.

удостоверяются Правительствующим Сенатом звания личного почетного гражданина»[477].

Как уже отмечалось ранее, основатели учреждения, признавая необходимость изменений в уставе от 1848 г., внесли поправки. Так, из сделанных 21 декабря 1849 г. дополнений, следовало, что помощник попечителя избирался также из семьи Лазаревых, а все воспитанники, кроме духовных, обязаны были обучаться по собственному выбору одному из восточных языков, вместо ранее обязательных трех. Кавказским воспитанникам, также, как и армянам, грузинам и татарам, предоставлялась возможность изучения родного языка[478].

Для достижения лучших результатов библиотека института постоянно пополнялась учебной литературой. Так в фондах ЦГАМ хранится рапорт, представленный в правление Лазаревского института восточных языков о закупке книг для воспитанников. В данном списке значились 11 книг по арабской грамматике, 6 книг по грузинской грамматике, 2 экземпляра стихотворений В.А. Жуковского, 3 французские хрестоматии, 30 книг по персидской хрестоматии, 2 книги по истории России и географии и 90 экземпляров армянской хрестоматии[479]. Такое большое количество именно армянской учебной литературы объясняется, прежде всего, профильной направленностью учебного заведения.

Воспитанников, окончивших гимназический курс и не пожелавших продолжить обучение в высших или специальных классах, но отличившихся в период обучения, по решению совета института при выпуске награждали похвальными листами, золотыми или серебряными медалями. В 1851 г. был произведен первый выпуск воспитанников с «полными правами, присвоенными заведению»[480].

---

[477] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 52.
[478] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 263. Л. 14.
[479] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 98. Л. 20.
[480] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 66.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, 17 февраля 1851 г. высочайшим указом императора Николая I в институте открыли подготовительное отделение «для приготовления детей, не имеющих надлежащих сведений для поступления в Лазаревский институт восточных языков»[481]. Согласно проекту постановления, учреждаемое при Лазаревском институте восточных языков подготовительное отделение, содержалось на пожертвования Х.И. Лазарева в память об умершем 26 ноября 1850 г. семилетнем сыне Иване и было рассчитано на четырнадцать мест для сирот-армян не моложе восьми лет. Срок обучения определялся уровнем подготовки учеников и варьировался от одного до двух лет[482].

Как отмечал А.З. Зиновьев в «Историческом очерке Лазаревского института восточных языков», к этому периоду в учебном заведении насчитывалось 107 воспитанников. Контингент учащихся состоял из 45 пансионеров, 3 полупансионеров, 7 государственных, 9 приходящих, а также 30 лазаревских, 10 духовных, 2 касперовских и одного айрапетовского воспитанника[483].

В письме министру народного просвещения С.С. Уварову от 4 февраля 1849 г. № 562, дирекция Лазаревского института сообщала о публикации в одном из номеров газеты Московские ведомости статьи о приеме в институт своекоштных, т.е. обучающихся за свой счет[484].

За каждого пансионера, как содержащегося за счет государственной казны и пожертвований столичных армянских церквей, так и за счет родителей, вносилась плата 300 рублей серебром в год, а за полупансионера – 160 рублей серебром.

Пансионерами, находящимися на полном обеспечении института, могли быть выходцы из бедных слоев населения, неспособных самим

---

[481] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 67.
[482] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815-1890 гг. … С. 170.
[483] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института. … С. 55.
[484] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 98. Л. 8.

оплатить обучение. Их количество было закреплено в параграфе 55 Устава и распределялось следующим образом: четверо воспитывались за счет государственного казначейства и относились к пансионерам его императорского величества, 14 воспитанников были из кавказских и закавказских уроженцев и готовились для службы на Кавказе и Закавказье.

Как и во многих других образовательных учреждениях страны, в Институте восточных языков существовал свой фонд стипендий, учрежденный и материально поддерживаемый из разных источников. Они подразделялись на стипендии, учрежденные представителями семьи Лазаревых, организованные членами армянской диаспоры Москвы и Петербурга, предоставляемые лицами армянского происхождения и жителями других районов страны, учрежденные представителями российского дворянства (см. приложение № 7).

В фонд института дополнительно поступали средства от московских и петербургских армянских религиозных учреждений и отдельных благотворителей, содержащих воспитанников на свои собственные средства. Так, в 1848 г. купец 3-й гильдии И.М. Касперов в письме к министру финансов графу Е.Ф. Канкрину предложил внести в Московский опекунский совет 50 000 рублей для содержания на проценты от этой суммы двух бедных мальчиков-сирот из армянской купеческой семьи. Воспитанники должны были постоянно учиться в Лазаревском институте восточных языков, а затем обучаться бухгалтерии и «коммерческим наукам» в Московском коммерческом училище. Единственным условием благотворителя являлось то, чтобы «воспитанники сие, пока в заведениях сих будут находиться, именовались»[485] «касперовскими воспитанниками».

24 декабря 1848 г. военный министр генерал-адъютант А.И. Чернышев доложил о том, что Тифлисский гражданин Иван Мнацаканов пожертвовал 15 000 рублей в Московский опекунский совет для содержания в Московском

[485] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815 – 1890 гг. … С. 184.

Лазаревском институте восточных языков «двух мальчиков из бедных армян Закавказского края»[486].

14 июня 1848 г. в Совет Лазаревского института обратился гражданин П.В. Сариев с просьбой принять его сына на бесплатное обучение в институт. Но, так как в данный момент не было вакансий для бесплатных светских воспитанников, в просьбе ему было отказано. Принять на бесплатное обучение институт мог только десять детей церковнослужителей, «если они желают по окончании курса посвятить себя непременно в духовное звание»[487].

С этой целью Совет Лазаревского института также обратился к армянским священнослужителям, «что если у них есть сыновья способные, здоровые, засвидетельствованные в благонравии, согласные посвятить себя церковному служению»[488], то родители могут направить их для обучения в институт. Кроме пакета документов, необходимого для поступления в институт, к кандидатам предъявлялись дополнительные требования, а именно, они должны были уметь читать и писать на армянском и русском языках и знали первые четыре действия арифметики. Устанавливался и возрастной ценз: воспитанники должны были быть не младше десяти и не старше тринадцати лет.

В 1856 г. была учреждена еще одна стипендия имени князя К.Д. Аргутинского-Долгорукого, который направил в Государственный Коммерческий банк 13 000 рублей с просьбой выслать хранящийся капитал в Московский опекунский совет для «одного мальчика из бедных Армянских князей и дворян Закавказского края»[489].

Значительную роль в жизни института играла московская армянская община. Одним из направлений сотрудничества с ней стало учреждение новых стипендий для обучающихся лиц армянского происхождения. Так, в

---

[486] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815 –1890 гг.… С. 186.
[487] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 98. Л. 40.
[488] Там же. Л.39.
[489] Кананов Г.И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 196.

июне 1866 г. представители армянского общества Москвы направили попечителю института Х.И. Лазареву прошение об учреждении Московским армянским обществом «Александровской» стипендии, в связи со спасением жизни императора Александра II от покушения 4 апреля того же года.[490] Стипендия предназначалась для определенного количества юношей армянского происхождения. В связи с данным обращением армян Москвы, Управление Московского генерал-губернатора 6 октября 1866 г. направило в адрес Христофора Иоакимовича сообщение о благодарности императора Александра II в отношении решения московского Армянского общества учредить «Александровскую» стипендию в размере 6000 рублей серебром[491]. В итоге, 13 декабря 1866 г. в рапорте директора института к попечителю была утверждена вышеназванная стипендия.

Тот факт, что первые стипендии были учреждены членами семьи Лазаревых, носил закономерный характер. Во-первых, их авторитет и репутация в России были безукоризненными. Во-вторых, крупные пожертвования в пользу института были сделаны представителями семьи Лазаревых еще до учреждения учебного заведения и производились на всем протяжении его деятельности.

Так, например, из дела «О пожертвовании Христофором Иоакимовичем Лазаревым денежных сумм Лазаревскому институту» следует, что в апреле 1865 г. в докладе императору Александру II, Х.И. Лазарев сообщил о своем пожертвовании «200 тысяч рублей выкупными свидетельствами»[492] в честь пятидесятилетнего юбилея учебного заведения. Эта сумма, по мнению, М.Н. Каткова, позволит институту «преобразоваться по-европейски»[493]. Годом ранее, в августе 1864 г., Христофор Иоакимович с супругой Екатериной Мануйловной, пожертвовали 10 тысяч рублей серебром для учреждения при Лазаревском институте двух

[490] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 272. Л. 1–2об.
[491] Там же. Л. 12–12об.
[492] РГИА Ф. 880. Оп. 5. Д. 271. Лл. 3–3об; Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1865. № 34.
[493] Катков М.Н. История Лазаревского института восточных языков [Электр. ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_istoriya_lazarevskogo.html (дата обращения: 12.09.2017).

стипендий в память о покойном внуке Христофоре Делянове[494], о чем свидетельствует уведомительное письмо самого попечителя института. Позже сведения о стипендии были опубликованы в статье 483 Собрания узаконений и распоряжений правительства за 1864 г.[495]

А 24 марта 1882 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» был опубликован приказ об учреждении стипендии им. Екатерины Эммануиловны Лазаревой, пожертвовавшей 40.000 рублей. На проценты от данной суммы пятерым воспитанникам из бедных армянских семей назначалась стипендия в размере 400 рублей в год.[496]Таким образом, следует, что наравне с попечителями Лазаревского института восточных языков, финансовую поддержку воспитанникам института армянского происхождения путем учреждения различных стипендий, на протяжении длительного периода, оказывали и представители армянских общин Российской империи.

Согласно положению правительства от 1838 г. воспитанники, пребывавшие на иждивении основателей института семьи Лазаревых, по окончании срока обучения должны были проработать не менее шести лет в армянских учебных заведениях Российской империи или в самом Лазаревском институте. Как было зафиксировано в уставе института, - «Лазаревские стипендиаты по окончании курса в специальных классах с отличием, по предоставлению совета и утверждению попечителя, оставляются при Институте для занятия разных должностей и обязаны прослужить при оном не менее шести лет. Кавказские же стипендиаты вступают в ведение кавказского начальства»[497].

Следует оговорить, что к тому времени подобные требования в образовательном процессе не являлись нововведением. Это правило было

---

[494] РГИА Ф. 880. Оп. 5. Д. 270. Л. 1–2об.
[495] Собрание узаконений и распоряжений правительства. Ст. 483. № 75. 1864.
[496] Положение о пяти стипендиях при Лазаревском институте восточных языков имени вдовы действительного тайного советника Екатерины Эммануиловны Лазаревой // Журнал Министерства народного просвещения. 1882, Ч.CCXXI. С. 14.
[497] Устав специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1872. С. 6–7.

повторением пункта из университетского устава, по которому студенты после окончания университета должны были в течение шести лет служить в системе просвещения, главным образом учителями. Сам факт заимствования подобной системы нашел отражение и в труде историка А.П. Базиянца «Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения»[498].

И.И. Лазарев в своем письме от 24 декабря 1853 г. № 528 в адрес директора Лазаревского института С.И. Зеленого описывал особенности обучения восточным языкам в институте. Акцентируя свое внимание на рапорте от 29 ноября 1853 г. № 714 и, ссылаясь на слова коллежского советника Г. Ковалевского об отмене преподавания арабского языка у кавказских воспитанников, попечитель института отмечал: «… мнение свое Г. Ковалевский основывает на том, что этот язык не нужен для ученого изучения татарского языка… Совет же отвергая такое мнение Г. Ковалевского приводя, что к позднейшему постановлению (31 декабря 1849 г.) все вообще воспитанники Лазаревского института, кроме духовных обязаны обучаться одному из восточных языков по собственному выбору»[499]. В виду этого Иван Лазарев просил Совет института вновь рассмотреть этот вопрос и в «…последующем донести … для дальнейших распоряжений»[500].

Вскоре, в конце 1853 г., по распоряжению директора, правление Лазаревского института собрало всех преподавателей восточных языков на экстренное совещание для внесения разъяснений по вопросу обучения воспитанников восточным языкам. На совещании присутствовали Н.О. Эмин, М. Мсерянц, С.И. Назарьянц, и представители семьи Лазаревых[501].

Члены правления, заслушав разные мнения по решению данного вопроса, пришли к заключению, что всем воспитанникам, уроженцам Кавказского и Закавказского регионов необходимо изучение азербайджанского (также именуемого татарского) языка. Однако сразу же

[498] Базиянц А.П., Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 42.
[499] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 164. Лл. 5–5об.
[500] Там же.
[501] Там же. Л.15.

возникла проблема, связанная с отсутствием учебников, что и было зафиксировано в протоколе заседания: «Обучение затруднено в настоящее время как по неимению руководств для обучения, так и отсутствие напечатанных литературных на нем языков». В связи со сложившейся ситуацией предусматривался переход от теоретического изучения языка к практическому.

Поэтому был поднят вопрос об изучении арабского языка и освобождения именно кавказских воспитанников от данного предмета. Рекомендовалось освободившееся их время занять переводом книг, писем и другой литературы с азербайджанского на другие языки, тем самым пополняя фонд библиотеки института литературой на азербайджанском языке. Преподавание языка было поручено преподавателям Давришеву и Шахумову[502].

Понимая масштабность, поставленных перед институтом задач, в 1853 г. Лазаревы, с целью увеличения доходов учебного заведения, завещали институту свой дом в Москве с прилегающими к нему землями[503]. Также в целях экономии осуществлялась продажа лишних экземпляров, выпускаемой в институтской типографии, литературы. По распоряжению попечителя учебного заведения И.И. Лазарева, институт вместо покупки подарков для воспитанников – армян, осуществлял перевод лишних экземпляров книг в разные учебные заведения России, Грузии и Армении.

Данный шаг следует рассматривать и как стремление Лазаревых к повышению уровня грамотности в армянских учебных заведениях страны, так как в них наблюдалась нехватка учебных пособий и другой литературы на русском и армянском языках. С этой целью законоучителем Лазаревского института М. Мсерянцем был составлен список книг, предназначенных для отправки в разные учебные заведения Кавказского и Закавказского регионов. В список вошли 20 экземпляров «Армянской грамматики» Г. Эмина, 10

[502] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 164. Л. 19–20об.
[503] Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института… С. 68.

экземпляров «Риторики» М. Салатьяна, 5 экземпляров «Армяно-русского словаря» А.М. Худобашева, 10 экземпляров «Собраний высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых института восточных языков» 1839 г., 3 экземпляра «Высочайших указов и актов, относящиеся до церквей Армяно-григорианского исповедания и до особого Духовного отделения при Лазаревском институте», 10 экземпляров «Обозрения истории армянского народа» С. Глинки, 20 экземпляров «Переселения армян из Персии в Россию» на армянском языке и некоторые другие[504].

Свидетельством оценки данного шага следует считать благодарственные письма за пожертвованные книги, поступившие в адрес правления Лазаревского института восточных языков от Астраханской армянской епархиальной консистории (письмо от 21 января 1853 г. №38), от Нахичеванского армянского духовного правления (от 16 января 1853 г. №36), от Таганрогской дирекции училищ Нахичеванского (ныне г. Ростов-на-Дону) уездного училища (от 30 января 1853 г. №6), от Эриванского уездного училища (от 24 января 1953 г. №24), от Александропольского уездного училища (от 24 января 1953 г. №8), от Елизаветопольского уездного училища (от 5 января 1853 г. № 11), от Горисского уездного училища (от 12 февраля 1853 г. №22)[505].

В то же время необходимо отметить, что книги поступили также и в адрес Ставропольской губернской гимназии, о чем 27 июня 1853 г. директор гимназии Я.М. Неверов в благодарственном письме сообщил о получении от помощника попечителя Лазаревского института, пожертвованных в пользу гимназии книг[506] (см. приложение 8).

Таким образом, институт преследовал двойную выгоду, которая заключалась, в сокращении расходов на покупку подарков. Ценность подарочных книг заключалась еще и в том, что их высокая цена делала книги

[504] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 145. Л. 47.
[505] Там же. Л. 5,7,9,10,11,15,18,19.
[506] Там же. Л. 61.

недоступными для многих бедных армянских воспитанников. А выручка от продажи книг предназначалась для содержания воспитанников института.[507]

Годом ранее, 29 мая 1852 г.[508], попечителем Лазаревского института И.И. Лазаревым были пожертвованы в Академию наук книги на русском и армянском языках, изданные в типографии института. 12 декабря 1852 г.[509] данные издания поступили и в Московский университет.

1 декабря 1854 г. попечитель института И.И. Лазарев направил директору института С.И. Зеленому письмо за № 499, в котором он сообщил о получении от него рапорта от 27 ноября № 807, с предоставленным отчетом о затратах на издание книги с биографией основателей Лазаревского института восточных языков. Подготовкой текста книги на армянском языке, «на 25 листах, в количестве 1000 экземпляров и стоившей 4 рубля, занимался законоучитель и магистр Лазаревского института М. Мсерянц»[510].

24 июля 1856 г. от попечителя института И.И. Лазарева на имя исполняющего обязанности директора Н.Д. Делянова было направлено письмо за № 303, в котором сообщалось, что в типографии института напечатано восемьсот экземпляров книги (из них триста на «лучшей» бумаге и пятьсот на обыкновенной) с биографией основателей Лазаревского института восточных языков. Помимо биографического материала книга содержала также следующие иллюстрации: «Институт восточных языков», «Московская Армяно-григорианская церковь», «Санкт-Петербургская Армяно-григорианская церковь», «Переселение армян в Россию» и портреты представителей семьи Лазаревых[511].

Ранее, в диссертационном исследовании, уже отмечалась значительная роль ААЦ, как связующего звена в жизни армянского населения в условиях отсутствия государственности. Осознавая историческую необходимость дальнейшего сближения русского и армянского народов, Лазаревы

[507] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 145. Л.17об.
[508] Там же. Л. 70.
[509] Там же. Л. 69.
[510] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 175. Лл. 5-6.
[511] Там же. Л. 32.

стремились доказать общность православия с армянской церковью. С этой целью Лазаревским институтом восточных языков известному арменоведу, литератору, члену Лазаревского института и других ученых обществ, профессору Дюлерье и ректору парижского лицея, армяно-католическому архимандриту Гавриилу Айвазовскому были предоставлены материалы для издания книг «дабы отличить (армяно-восточную церковь) от Западно-Армянской католической церкви»[512]. 27 декабря 1855 г. за № 661 в адрес правления Лазаревского института поступило письмо от попечителя института И.И. Лазарева, в котором сообщалось о доставке книг, изданных в Париже на средства института. Среди них значилась книга «История, догматы, предания и литургия Армянской Восточной церкви», написанная профессором Дюлерье и архимандритом Гавриилом Айвазовским. Права на издание и перевод книги на разные языки передавались в полную собственность Лазаревского института. И.И. Лазарев обратил внимание правления института на исключительную значимость книги «ибо перевод догматической книги столь необходим для доказательства православия Апостольской древней армянской церкви»[513]. Позже, в 1858 г., вернувшись в Россию, архимандрит Гавриил Айвазовский вместе с братом, известным художником – маринистом Иваном Айвазовским, посетил Лазаревский институт восточных языков с целью ознакомления с деятельностью учебного заведения.

Основанная на документальных фактах, книга «История, догматы, предания и литургия Армянской Восточной церкви» была переведена на русский и армянский языки статским советником А.М. Худобашевым. Однако, авторы обратились к законоучителю и магистру Лазаревского института М. Мсерянцу, издавшему ранее книгу на армянском языке о жизни и деятельности И.И. Лазарева, произвести корректировку армянского перевода, которая и была им осуществлена. А.М. Худобашев обратился в

[512] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
[513] Там же. Л. 9об.

правление института с просьбой напечатать оба перевода книги в типографии Лазаревского института[514].

9 января 1856 г. И.И. Лазарев в письме к правлению института поручил рассмотреть вопрос о публикации, переведенной А.М. Худобашевым с французского на русский язык книги о таинствах церкви армянского исповедания[515], и сорок один экземпляр разослать в подарок по составленному им списку. Армянам, желающим приобрести книгу, рекомендовано было продавать ее по цене 3 руб. серебром с передачей вырученной суммы в фонд института[516].

В Лазаревском институте были зафиксированы случаи, свидетельствующие о том, что среди воспитанников наблюдались акты протеста, связанные с учебным процессом. К примеру, воспитанник Бек Хубов был недоволен решением директора об исключении его из института в связи с несдачей переэкзаменовки. На данный инцидент отреагировал попечитель института Х.И. Лазарев, выразив свое недовольство в письме в адрес Правления института от 26 августа 1867 г. №109, где указал, что произошедшее стало возможным из-за «слабого наблюдения, от излишних снисхождений»[517], а беспорядков среди воспитанников можно было избежать, если бы «больше было соразмеренных правосудных, деятельных взысканий». И связано это было, по мнению попечителя института, с несоблюдением устава, указов, правил руководством учебного заведения. А чтобы предотвратить возможные инциденты в дальнейшем, он посоветовал исключать «зловредных воспитанников» из института.

В связи с этим 27 августа 1867 г. состоялось экстренное заседание правления института под председательством директора И.К. Бабста, на которое были вызваны воспитанники Афанасьев, Аветов, Серебряков,

[514] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об-3.
[515] Там же. Л.8.
[516] Там же. Л.15об.
[517] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 365. Л. 19.

Акопов и другие для выяснения причин данного инцидента. В результате было решено «принять к сведению и занести о сем в журнал»[518].

С целью пресечения в дальнейшем подобных инцидентов, попечитель учебного заведения Х.И. Лазарев направил педагогическому совету и правлению института письмо от 5 сентября 1967 г. № 469[519] с распоряжениями и немедленным их исполнением, а также потребовал предоставить ему следующие документы: сведения о расходах учреждения; список и реестр всех воспитанников с подробной характеристикой на каждого из них (возраст, место рождения, происхождение, год поступления, класс, поведение). Х.И. Лазарев рекомендовал разъяснить армянским воспитанникам, содержащимся за счет благотворительного фонда основателей института, что они должны ценить и «быть признательны за оказываемое добро и благотворение»[520] и доказывать это примерным поведением и прилежным обучением. А, невыполняющих данные требования, – немедленно исключать.

Изучив предоставленные ему документы, он обнаружил, что в списках «бесплатных армян»[521] значатся воспитанники, достигшие возраста 15 – 18 лет, что было недопустимо и, соответственно, подлежащие немедленному исключению из института.

На основании предписаний и правил, утвержденных ранее начальником Лазаревского института восточных языков графом А.Ф. Орловым, согласно §§ 9 – 10, исключать из учебного заведения «безнравственных, порочных, зловредных питомцев»[522], с целью предотвращения подобных действий среди других воспитанников. А также армянским воспитанникам запрещалось общаться или иметь тайные связи с неблагонадежными слоями общества, в связи с чем они не имели права

[518] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 365. Л.13.
[519] Там же. Л.28
[520] Там же. Л.20об.
[521] Бесплатные армяне – воспитанники из бедных армянских семей обучающиеся и проживающие за счет благотворительного фонда семьи Лазаревых.
[522] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 365. Л. 28об.

покидать стены учебного заведения в течение двух лет с момента поступления в институт. Это распоряжение распространялось и на армян духовного отделения. В случае его нарушения они подлежали немедленному исключению без возможного повторного поступления в Лазаревский институт.

Рекомендовалось в течение трех лет с момента поступления «бесплатных Армян-воспитанников ничем не награждать: ни медалями, ни книгами, ни похвальными листами»[523], так как считалось, что за данный период они не могли достигнуть необходимых для этого результатов.

Следующим шагом для достижения поставленной цели стало увеличение времени для дополнительных занятий за счет ограничения развлекательных и увеселительных мероприятий (балы, театры, игры, прогулки и др.). В большей степени это касалось армянских воспитанников, что лишний раз подтверждало непредвзятое отношение Лазаревых к воспитанникам другим национальностей. Если армянские «бесплатные воспитанники» высказывали свое недовольство по поводу проживания или пропитания, то их следовало исключить, так как они были приняты в институт лишь в связи с бедственным положением их родителей[524].

Итак, из приведенных фактов следует, что руководством института предпринимались строгие меры по предотвращению возникновения волнений среди воспитанников в отношении условий и процесса обучения и усиления дисциплины.

Изменения коснулись и процесса обучения. Так, для воспитанников отменялась переэкзаменовка любых дисциплин, так как Х.И. Лазарев считал, что «переэкзаменовки рождают и явно причиняют коренные пагубные злоупотребления»[525]. Поэтому не сдавшие экзамен, оставлялись на второй год в том же классе, а «бесплатные армяне», не сдавшие экзамен два года подряд, подлежали исключению из института. Достигнуть этих целей, по

[523] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 365. Л. 29.
[524] Там же. Л. 30.
[525] Там же. Л.30 об.

мнению Х.И. Лазарева, возможно было только неукоснительным выполнением всех его предписаний.

В 60-е гг. XIX в. в России стоял вопрос реорганизации системы образования, ставший «необходимым звеном в цепи реформ, которые были призваны коренным образом преобразовать страну»[526]. В принятом в 1864 г. «Положении о начальных училищах» устанавливалось общедоступное и внесословное образование. Образовательная реформа Александра II предусматривала увеличение числа начальных учебных заведений, подразделявшихся на земские и церковные школы и народные училища Министерства народного просвещения. Большое внимание слало уделяться роли общества в системе российского образования.

В числе других образовательных учреждений реформа Александра II затронула и Лазаревский институт. 1868-й г. стал сложным в истории Лазаревского института, т.к. с целью сохранения института в системе учебных заведений страны, возникла необходимость реформ, для проведения которых нужна была поддержка сильного покровителя. Им стал министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. С его назначением начались преобразования, связанные с сохранением института как востоковедного центра, в связи с чем, было рекомендовано усиление преподавания в специальных классах восточных языков. С другой стороны, он поддержал сохранение в гимназических классах «обучения армянских детей их природному языку», что соответствовало специфике учебного заведения[527].

В представлении об устройстве специальных классов от 8 мая 1871 г. Д.А. Толстой высказал мнение о неправильной постановке в институте по уставу 1848 г. преподавания восточных языков. Связанно это было с тем, что в Институте одновременно существовало два уровня обучения: гимназическое и специальное, продолжающее гимназическое обучение.

---

[526] Кузнецова Э.Е. Особенности проведения университетской реформы 1863 года // Проблемы модернизации российского государства и Великие реформы Александра II: современный взгляд. 2015. № 2. С. 279.

[527] Торкунов А.В., Алаев Л.Б. Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения… С. 126.

В ходе обсуждения со специалистами, Д.А. Толстой пришел к заключению о необходимости внесения в устав изменений. В частности, он предлагал увеличение срока изучения восточных языков до трех лет, уравнение прав воспитанников специальных классов с правами студентов университетов и определение перечня изучаемых предметов[528]. На основании данных предложений был составлен доклад, одобренный императором Александром II. Комиссия, состоящая из профессоров института, разработала проект преобразования специальных классов и вынесла его на рассмотрение в Кавказский комитет. За исключением некоторых поправок, проект в целом был одобрен комитетом и утвержден императором Александром II.

Таким образом, 1 сентября 1871 г. в Лазаревском институте восточных языков были открыты специальные классы[529], а 16 декабря 1872 г., Александр II утвердил, представленный Кавказским комитетом, новый Устав Лазаревского института восточных языков, согласно которому учреждение переходило в ведение Министерства народного просвещения.

Принятие нового Устава ознаменовало начало четвертого периода в истории учебного заведения. Попечителем был назначен князь Семен Давыдович Абамелек (1815 – 1888), а после его смерти должность, согласно новому Уставу, передавалась по наследству, но исключительно по мужской линии и «лицам Армяно-Григорианского исповедования»[530].

Проект Устава Лазаревского института и Устава специальных классов был разработан под руководством Н.Д. Делянова, который с 1869 по 1881 гг. занимал должность директора института. По мнению Г.И. Кананова, за время руководства Н.Д. Деляновым учебным заведением, «были положены начала того развития, которое продолжается и в настоящее время»[531]. По новому Уставу одним приготовительным, семью гимназическими и тремя

---

[528] Торкунов А.В., Алаев Л.Б. Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения… С. 127.

[529] Кананов Г.И. Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 84.

[530] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1875. Т.47. Ч.2. № 51655. С. 1145.

[531] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 20.

специальными классами руководила одна общая администрация, но для учебного процесса существовали разные администрации.

Так, целью гимназических классов являлась подготовка к поступлению в университет или в высшие специальные училища. А специальные классы по новому Уставу уже считались высшим учебным заведением и занимались изучением восточных языков. У них был свой Совет, состоящий из директора и инспектора. Почетными членами избирались «Верховный Патриарх – Католикос Армянского народа» и лица, оказавшие услугу или «сделавшие значительные пожертвования институту»[532]. Преподаватели гимназических классов избирались директором института и представлялись на утверждение попечителю учебного округа.

Учебный курс гимназических классов был закреплен в параграфе 59 Устава и не претерпел изменений по сравнению с предыдущим. Студентам, окончившим университетский курс, разрешалось преподавать немецкий и французский языки, а преподавателями армянского языка определялись «лица, кончившие с успехом полный курс гимназических и специальных классов Лазаревского института», или полного курса в Санкт-Петербургском университете факультета восточных языков[533].

В память о первом учредителе института Иване Лазаревиче Лазареве, каждый год, 24 декабря, по окончании учебного процесса происходили публичные акты, на которых слушались отчеты о работе гимназических и специальных классов, объявлялись имена студентов, переводившихся в высшие классы, награждались лучшие воспитанники, а окончившим курс вручались аттестаты.

Учащиеся в гимназических классах подразделялись на пансионеров, полупансионеров и приходящих, независимо от состояния, звания и вероисповедания, что было закреплено в параграфе 73 Устава. Пансионерами его императорского величества были кавказские воспитанники и дети бедных

[532] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // ПСЗ РИ. Собрание 2. СПб., 1875. Т.47. Ч. 2. №51655. С. 1145.
[533] Там же. С. 1148.

заслуженных чиновников, представленных через министра народного просвещения и, так называемые, «лазаревские воспитанники», содержащиеся за счет сумм, пожертвованных учредителями института.

Перечень документов для поступления в институт также не претерпел изменений по сравнению с Уставом 1848 г. Прежними остались и условия оплаты обучения воспитанников. Окончившие с успехом полный гимназический курс в Лазаревском институте, получали аттестаты, а не выдержавшие испытаний – свидетельство.

Институту предоставлялось право иметь собственную типографию. Учреждение также освобождалось от земельного налога в пользу государства, а служащие гимназических классов пользовались преимуществами, «означенными в Своде Законов», изданном в 1857 г.[534] Воспитанники, закончившие полный гимназический курс, могли по желанию перевестись в специальные классы института или поступить в университеты, а награжденные золотой или серебряной медалями определялись на гражданскую службу «без различия состояния»[535], с чином 14 класса.

Специальные классы классифицировались как высшее учебное заведение и основной упор уже делался на изучении восточных языков. На заседаниях совета специальных классов распределялись предметы и порядок их преподавания на трех курсах обучения, обсуждались вопросы присуждения медалей и назначения стипендий, выдача аттестатов, отправка заграницу лучших выпускников специальных классов, а также правила приема в специальные классы. Решения принимались большинством, а при равенстве голосов, решающим считалось мнение директора. В конце года совет составлял отчет, который предоставлялся министру народного просвещения[536].

---

[534] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // ПСЗ РИ. Собрание 2. Т.47. Ч. 2. СПб., 1875. №51655. С. 1155.
[535] Там же. С. 1157.
[536] Там же. С. 1158.

На кафедрах армянской, арабской, персидской и русской словесности, турецко-татарского, грузинского языков преподавали профессора и доценты, а изучаемый курс не уступал восточному факультету Санкт-Петербургского университета. Арабскому, персидскому и турецкому языкам уделялось особое внимание, также обязательным являлось изучение истории Востока. С целью улучшения учебного процесса, в учебный план вносились необходимые коррективы. Одним из нововведений стало изучение по просьбе студентов французского языка (однако, он не являлся обязательным предметом), так как это являлось необходимым условием для поступления в учебные заведения при департаменте Министерства иностранных дел.

Специальные классы наравне с институтом имели свою собственную печать с изображением государственного герба и надписью: «Специальные классы при Лазаревском институте восточных языков»[537], что зафиксировано в параграфе 172 Устава.

По отношению к именным стипендиатам специальных классов в новом Уставе никаких изменений не произошло. Также, как и ранее, Лазаревские, Императорские и Кавказские стипендиаты, которым материально обеспечивалось обучение в институте, обязаны были по окончании полного курса обучения прослужить в институте на разных должностях, в частности старшими и младшими учителями, «не менее шести лет. Кавказские же стипендиаты вступают в ведение кавказского начальства»[538]. Если возникала необходимость, то они направлялись для работы в армянские школы на территории Российской империи[539].

Кроме данных стипендий имелись и специальные, учрежденные частными лицами, в том числе, стипендия имени императора Александра II Московской армянской общины, одна стипендия калужского дворянства

[537] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // ПСЗ РИ. Собрание 2. Т.47. Ч. 2. СПб., 1875. №51655. С. 1159.
[538] Там же. С. 1152.
[539] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения… С. 74.

им. генерала М.Д. Скобелева[540]. 25 апреля 1873 г. статский советник Иван Григорьевич Амиров сделал пожертвование в размере 15 000 рублей. На проценты от данной суммы планировалось содержать двух студентов из бедных армянских семей[541].

В 1895 г. были учреждены на проценты от суммы в 20.000 рублей три стипендии им. Степана и Ивана Ананновых и Агафона Акимова[542]. Данной стипендией могли воспользоваться воспитанники подготовительного или гимназического класса, только армяно-григорианского вероисповедания. В случае продолжения данными стипендиатами обучения в специальных классах Лазаревского института или при поступлении в другие университеты, их финансирование сохранялось. Однако, известны случаи отступления от правил распределения именных стипендий и выделения их лицам, не принадлежащим ААЦ. Связано это было с многочисленными обращениями к попечителю института граждан, желающих дать своим детям образование, но ограниченных в средствах. Так, из личного дела воспитанника Владимира Мелик-Гусейнова[543] мы узнаем, что он православного вероисповедания (так как его мать была православной) и не мог рассчитывать на именную стипендию семьи Лазаревых. Но его отец, князь Николай Мелик-Гусейнов, обратился к почетному попечителю Лазаревского института князю С.С. Абамелек-Лазареву с просьбой учесть бедственное положение семьи и предоставить его сыну возможность обучаться в институте. А в виду того, что он являлся потомственным дворянином армяно-григорианского исповедания, С.С. Абамелек-Лазарев лично обратился в письме от 28 апреля 1890 г. к директору института Г.И. Кананову с просьбой предоставить, в виде исключения, одну из

[540] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения… С. 144.
[541] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 205.
[542] Положение о стипендиях действительного статского советника Ананова имени сыновей его Степана и Ивана Ананновых и друга его Агафона Давыдовича Акимова при Лазаревском институте восточных языков // Журнал Министерства народного просвещения. 1895., Ч.CCXCVIII. С. 79-80.
[543] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 2425. Лл. 42об - 43.

именных стипендий, Александровскую или имени Христофора Ивановича Делянова[544]. Просьба была удовлетворена.

Придавая большое значение качеству обучения воспитанников, руководство института в дополнение к учебникам выписывало также армянские журналы из других городов России. Так, в протоколе заседания правления института от 15 января 1875 г. имеются сведения о выделении законоучителю протоирею А.В. Кокчеянцу 4 руб. 6 коп. и 6 руб. Л.З. Мсерянцу, уплаченных ими за выписку в 1874 г. для воспитанников Лазаревского института армянских журналов «Арарат» и «Араратская Заря»[545].

Деятельность Лазаревского института в целом положительно была оценена и в Министерстве народного просвещения. В частности, в отчетном докладе министра народного просвещения Д.А. Толстого по высшим учебным заведениям за 1877 г. была отмечена правильная организация гимназических классов учебного заведения, увеличение окладов преподавателей, а также одобрены меры, принимаемые руководством учреждения с целью обеспечения порядка среди пансионеров. Из отчета следовало, что на момент к 1-му января 1878 г. в специальных классах института находилось «7 студентов и 50 вольных слушателей, в гимназических классах 248»[546].

В 1881 г. пост директора занял Георгий Ильич Кананов, сыгравший исключительную роль в судьбе института. Он пересмотрел программу преподавания восточных языков и, благодаря его усилиям, Лазаревский институт сохранился в качестве востоковедческого учебного заведения. Так, преподавателям предоставлялось право самим разрабатывать программы практических занятий. Новшеством являлся кроме устного также письменный экзамен по трем основным восточным предметам (персидскому,

---

[544] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 2425. Л. 43об.
[545] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 486. Л. 5об.
[546] Извлечение из всеподданнейшего отчета господина министра народного просвещения за 1877 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч.CCV. С. 16.

турецкому, арабскому), что значительно повышало качество знаний студентов.

С 1882 г. было решено для студентов, желающих избрать карьеру чиновника, дополнительно преподавать юриспруденцию. Однако, институт не обладал необходимыми средствами, поэтому решено было ходатайствовать перед попечителем Московского учебного округа о разрешении студентам специальных классов Лазаревского института лекции по юридическим дисциплинам слушать в Московском университете. И, как отмечал Базиянц А.П.[547], в 1892 г. такая возможность была предоставлена. А студентам, не окончившим курс в Лазаревском институте, но пожелавшим слушать лекции в Московском университете, было выделено 5 вакансий[548].

Следует отметить, что практиковались связи Московского университета с Лазаревским институтом. Так, например, с появлением возможности сторонним слушателям посещать, организованные в институте специальные курсы, этим правом, как отмечалось в газете «Московский университет», воспользовались, в том числе, и многие студенты Московского университета[549]. Среди окончивших оба учебных заведения, были будущие известные востоковеды, академики А.Е. Крымский и В.А. Гордлевский.

После смерти почетного попечителя в 1888 г., должность перешла к его сыну князю Семену Семеновичу Абамелек-Лазареву, который был действительным членом Русского археологического общества. Заслугой С.С. Абамелек-Лазарева явилась постройка новых зданий института, а именно, библиотеки и больницы, помощь профессорам и преподавателям института в издании научных работ, частные пожертвования. Так, в документах архивного фонда Абамелек-Лазаревых хранится письмо, датированное 8 марта 1899 г., от директора института В.Ф. Миллера, в котором он от Совета специальных классов Лазаревского института

---

[547] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 156.
[548] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 263. Л. 27.
[549] Ремарчук В. Востоковедное образование в контексте университетских юбилеев // Московский университет. 2006. № 12 (4161). С. 5.

восточных языков благодарил С.С. Абамелек-Лазарева за присланные им 2000 рублей, «для уплаты за издание рукописи Армянского Евангелия VIII в. фототипическим способом»[550]. В знак признательности Ф.В. Миллер распорядился отправить попечителю института десять экземпляров Евангелия. Один из своих домов С.С. Абамелек-Лазарев завещал Лазаревскому институту, а сдавая внаем квартиры, доход перечислял на оплату содержания армянских воспитанников.

В 1893 г. преподаватель армянской словесности высших лицейских классов профессор Н.О. Эмин завещал институту капитал. Согласно завещанию комиссией Лазаревского института восточных языков 11 апреля 1893 г. был рассмотрен вопрос по созданию «фонда Н. Эмина». В состав комиссии вошли директор института Г.И. Кананов, профессора О.Е. Корш и Г.А. Халатьянц. Оставленный Н.О. Эмином институту капитал, должен был сохраняться неприкосновенным. На проценты же от капитала планировалось издание сборников по армянской этнографии, посвященных его памяти. Было принято решение начать серию этнографических публикаций с нового перевода «Истории Армении» Моисея Хоренского в количестве 1000 экземпляров, а контроль за ходом работ возлагался на члена комиссии Г.А. Халатьянца[551].

Принятое советом специальных классов института решение по проекту положения «фонда Н.О. Эмина», было зафиксировано в протоколе заседания от 27 февраля 1893 г. и донесено до сведения комиссии. Члены комиссии, согласно §§4 и 5 положения, приступили к выполнению «возложенной завещателем на Лазаревский институт задачи»[552].

26 мая 1893 г. книга «История Армении» М. Хоренского была отпечатана в институтской типографии, о чем 17 января 1894 г. было проинформировано на заседании комиссии института. Профессор Г.А. Халатьянц представил подробный отчет о средствах, затраченных на

[550] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1.Д. 307. Л. 12.
[551] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 856. Л. 20об.
[552] Там же. Л. 20.

издание книги. Из отчета следовало, что выход книги обошелся в 847 руб. 15 коп. 570 рублей этой суммы составляли проценты фонда Н. Эмина, полученные из Московской конторы государственного банка, а оставшиеся 277 руб. 15 коп. состояли из дохода от продажи предоставленных в собственность института печатных сочинений Н. Эмина[553].

В дальнейшем профессором Г.А. Халатьянцем был отредактирован III Выпуск этнографического фонда Н.О. Эмина, в который вошли переводы и статьи Н.О. Эмина по духовной армянской литературе за 1860-1882гг. В количестве 650 экземпляров был издан сборник исследований и статей Н.О. Эмина по армянской археологии, истории и истории литературы за 1858 – 1884 гг. В свет вышел также IV Выпуск этнографического фонда Н.О. Эмина, состоящий из исследований автора по армянскому языку, литературе и истории на армянском языке за 1840-1855 гг., в том числе и материалы к его биографии. Отчет Г.А. Халатьянца об опубликованных трудах, был представлен и зафиксирован в протоколах заседаний Совета профессоров специальных классов Лазаревского института от 28 апреля 1896 г., 24 мая 1897 г. и 11 мая 1898 г.[554]

В 1897 г. с приходом в Лазаревский института восточных языков нового директора Всеволода Федоровича Миллера (1848 – 1913), совершенствовался сам уровень преподавания, который стал носить научный характер и, по его мнению, должен был способствовать повышению качества знаний студентов. Так, вводились новые дисциплины (этнография, мусульманское право, история ислама, узбекский язык), а уровень знаний студентов Лазаревского института был признан одним из лучших не только в России, но и за рубежом.

В.Ф. Миллер с симпатией относился к кавказским уроженцам, обучавшимся в институте, оказывая им всяческое содействие. Он поддерживал студентов в их исследованиях и оказывал им помощь в начале

[553] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 856. Л. 21.
[554] Там же. Л. 24–25об.

научного пути. А для их поощрения в параграфе 166 Устава Совет специальных классов предлагал ежегодно «темы на соискание золотой и серебряной медали»[555], возродив традицию назначать студентам научные темы, прекращенную практиковаться в институте с 1880 г. В 90-х гг. XIX в. здесь были учреждены премии по арменистике, которые активизировали научную деятельность учебного заведения.

Вместе с тем, отдавая предпочтение специальным классам, Миллер – ученый не уделял должного внимания гимназическим классам, что резко снизило качество обучения в них. Такая политика директора вызывала нарекания в его адрес со стороны преподавательского состава учебного заведения. Об этом шла речь на заседании комиссии по рассмотрению программы преподавания армянского языка в младших классах Лазаревского института 24 марта 1898 г.[556] В заседании комиссии принимали участие директор института В.Ф. Миллер, профессор специальных классов и армянской словесности Г.А. Халатьянц, преподаватели гимназических классов законоучитель А.Я. Попов и учителя армянского языка Х.И. Иоаннесов и К.Г. Кусиков.

Открывший заседание Г.А. Халатьянц, выступил с критикой в адрес директора института В.Ф. Миллера, который, по его мнению, тормозил обучение армянского языка в младших классах, что было связанно с трудностями изучения древнеармянского языка в этих классах.

В ходе обсуждения было принято решение вести преподавание новоармянского языка не только в подготовительных, но и в 1 и 2 классах, а изучение древнеармянского языка осуществлять лишь с 3 и до 8 класса, не сокращая часов изучения других дисциплин. А для облегчения обучения, комиссия решила ввести в программу 2 класса повторение грамматики 1 класса[557].

---

[555] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // ПСЗ РИ. СПб., 1875. Т.47. Ч.2. №51655. С. 1159.
[556] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1002. Л. 5.
[557] Там же. Л. 5об.

Однако, выполнение данного решения осложнялось отсутствием необходимого количества учебного материала и хрестоматий. Поэтому, в мае 1898 г., Г.А. Халатьянц обратился к директору Лазаревского института В.Ф. Миллеру с просьбой о выписке из Тифлиса различных учебников по новоармянскому языку, на которых ведется обучение в закавказских школах. В перечень вошли руководства Агоянца, Багатряна, Наразянца и Тер-Геворкяна.[558] Так, например, учебник армянского языка Тер-Геворкяна «Родное слово» предполагалось ввести для обучения в старших отделениях подготовительных классов.

После заключения определенных договоренностей, в адрес Лазаревского института из Тифлиса была выслана вся необходимая литература. Об этом свидетельствует и обращение попечителя Кавказского округа к директору института восточных языков от 29 мая 1898 г. № 6642[559], в котором сообщалось об отправке из Тифлиса учебников не только по армянскому, но и по русскому языку. Из сложившейся ситуации следует, что несмотря на то, что Лазаревский институт восточных языков в конце XIX в. находился в ведении Министерства народного просвещения, действуя в условиях «русификации», он продолжал оставаться одним из крупных центров русско-армянского взаимодействия.

Сложившаяся ситуация не могла остаться без внимания Министерства просвещения, которое, в частности, вменяло В.Ф. Миллеру неспособность налаживания строгой дисциплины в гимназических классах, что стало причиной участия многих воспитанников в революционных событиях 1905 – 1907 гг. Стало очевидным, что как директор он не справлялся со своими обязанностями и приглашение В.Ф. Миллеру в 1911 г. от Петербургской Академии наук было сразу им принято.

В связи с его уходом из Лазаревского института, возник вопрос о новом директоре. Министерство народного просвещения предлагало на эту

[558] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1002. Л. 7–7об.
[559] Там же. Л. 40.

должность профессора Московского университета, доктора церковного права Павла Васильевича Гидулянова (1874 – 1937), чья кандидатура 15 июля 1911 г. и была утверждена.

В этот период, с целью введения в учебный процесс политической экономии и некоторых правоведческих дисциплин, вновь встал вопрос о пересмотре Устава специальных классов 1872 г. Связано это было с тем, что принятое ранее решение о посещении студентами специальных классов данных лекций в Московском университете не оправдало себя. Для разработки нового Устава обратились к преподавателям Московского университета[560].

В разработанном и принятом в 1912 г. учебном плане, произошёл ряд изменений. Так, конкретно определялись цели специальных классов, которые по инициативе П.В. Гидулянова преобразовывались в два отделения, а именно, дипломатическое и административное, выбор которого определялся самими студентами. Дипломатическое отделение готовило чиновников для Министерства иностранных дел, а административное – сотрудников судебной и административной службы на Кавказе и в Средней Азии.

Кроме обязательных дисциплин, которые должны были изучать все без исключения, в каждом отделении уже с первого курса преподавались и специальные. Так, для достижения лучших результатов возникла необходимость введения новых предметов: гражданского права, международного, торгового, уголовного права, государственного права, политической экономии и истории «восточного вопроса». Кроме этого, студентам дипломатического отделения преподавался еще и французский язык, а на административном отделении обязательно изучали армянский, грузинский и сартский языки[561].

---

[560] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения… С. 144.

[561] Гордлевский В.А. Памяти В.Ф. Минорского. Избранные сочинения. Т.IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968. С. 332.

Также увеличивался срок обучения от трех до четырех лет, и расширялось число абитуриентов. По новому уставу в специальные классы принимались лица, независимо от их сословия, вероисповедания и подданства. Условием для поступления являлось лишь наличие аттестата средних учебных заведений Российской империи, свидетельства, полученного в гимназиях, но с обязательным поручительством. Также поступить в специальные классы могли студенты университетов и других высших учебных заведений с предоставлением характеристики о поведении от руководства учебного заведения[562]. Несмотря на трудности, связанные, в частности, с отсутствием учебников по персидской и арабской словесности, лучшие представители московской школы востоковедения С.И. Назарянц, Л.Э. Лазарев, Н.О. Эмин, И.Н. Холмогоров смогли организовать в институте после реорганизации специальных классов в 1872 г. учебный процесс. А 9 ноября 1910г. Совет специальных классов принял решение о соискании золотой медали и назначил тему «Восток в произведениях Л.Н. Толстого», с оглашением результатов 7 ноября 1912 г., в годовщину кончины Л.Н. Толстого[563]. В 1911 г. руководством учебного заведения была предпринята попытка возобновить обязательные полугодовые испытания по языкам, отмененные в свое время В.Ф. Миллером. Однако, это вызвало протесты среди студентов, многие из которых отказались подчиняться, и подали директору института П.В. Гидулянову заявление об отмене данного решения[564].

Таким образом, с учреждением в Лазаревском институте восточных языков специальных классов и вводом в образовательный процесс дополнительных дисциплин, профильность образовательного учреждения расширилась.

---

[562] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения… С. 149

[563] Гордлевский В.А. Памяти В.Ф. Минорского... С. 331.

[564] Там же.

Лазаревский институт имел богатую библиотеку, часть которой в настоящее время находится в МГИМО. Она состояла из методических пособий для преподавателей и книг, «предназначенных для употребления учащимися»[565]. Библиотека содержала большое количество литературы на русском, армянском, турецком, персидском, французском и немецком языках. Попечители института скупали книги для библиотеки в европейских городах: Вене, Париже, Венеции и др. Свою литературу отправляли в институт ученые Московского и Петербургского университетов. В 1872 г. в институте была создана отдельная библиотека, предназначавшаяся для специальных классов. В ее состав вошел большой фонд необходимой литературы. В коллекции из 150 армянских рукописей Лазаревского института хранился уникальный манускрипт конца IX в., получивший в стенах института название «Лазаревское евангелие». К 1903 г. фонд библиотеки специальных классов насчитывал более 13,5 тысяч томов[566].

В то же время ощущалась нехватка учебного материала по персидской и арабской словесности, что заставило руководство учебного заведения искать пути выхода из создавшегося положения. Так, в целях стимулирования преподавательского состава к составлению учебных пособий, Совет специальных классов принял решение о компенсации всех затрат по их изданию за счет института и с последующим выкупом учебников[567].

Автор диссертационного исследования в документах архивного фонда Абамелек-Лазаревых Российского государственного архива древних актов обратил внимание на письмо, датированное 1914 г., на основании которого был сделан вывод, что и в годы Первой мировой войны руководство Лазаревского института восточных языков продолжало политику приобщения русского читателя к истории армянского народа. Обнаруженный

---

[565] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // ПСЗ РИ. СПб., 1875. Т.47. Ч.2. №51655. С. 1151.
[566] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 59.
[567] Там же. С. 18.

документ состоял из обрывистого текста с отсутствием отдельных слов, однако, из сохранившейся части текста можно было понять, что Совет специальных классов Лазаревского института «дал благоприятный отзыв о представлении в русском переводе сочинения армянского историка XVII в. Аракела Тавризского»[568], на издание которого институтом выделялось 1200 руб.

Вместе с тем, с началом Первой мировой войны сократилось финансирование института, что привело к уменьшению числа студентов, а после революционных событий 1917 г. наблюдалось и серьезное размежевание по политическому принципу. Просуществовавший более ста лет, институт после Октябрьской революции 1917 г. был реорганизован.

Одной из основных причин реорганизации института, которая прошла в несколько этапов, следует считать отсутствие преподавания в учебном заведении языков Юго-Восточной и Передней Азии, изучение которых диктовалось реалиями исторического времени. В качестве еще одной из причин следует рассматривать смерть в 1916 г. последнего представителя по мужской линии, попечителя института С.С. Абамелек-Лазарева и отсутствие достойных продолжателей дела рода Лазаревых.

Одним из первых в историографии проблему реорганизации Лазаревского института в конце второго десятилетия XX в. затронул историк-востоковед А.П. Базиянц. Он полагал, что вопрос этот носил политический характер и был связан с преобразованием всей системы народного просвещения страны, являвшейся частью национальной политики России[569].

В 1918 г. Лазаревский институт восточных языков был переименован в Лазаревский Переднеазиатский институт, что явилось первым шагом в реорганизации учебного заведения. Академик Н.Я. Марр, которому была поручена разработка проекта нового института, считал необходимым

[568] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 970. Л. 1.
[569] Базиянц А.П., Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 191.

сохранение старой системы Лазаревского института, но с большим акцентом на изучение языков Передней Азии. Свои предложения он изложил в следующих документах: «К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков»[570] и «Записка о преобразовании Специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института»[571].

По новому уставу специальные классы Лазаревского института преобразовывались в Этнологическо-историко-филологический факультет, состоящий из двух отделений: научно-теоретического и научно-практического. Разработанный новый учебный план, предполагал изучение мертвых языков и средневековой литературы, что шло в разрез со сложившимся в течение столетия научным направлением Лазаревского института восточных языков.

Однако, этот план не мог быть реализован, в виду своей неактуальности в реалиях того исторического периода. К тому же, программа была рассчитана на тех, кто уже получил образование в гимназии, т.е. фактически институту придавался узкий профиль. Но академик Н.Я. Марр, был убежден в необходимости начала подготовки востоковедов еще в среднем учебном заведении, как это было принято в Лазаревском институте[572].

Вторая причина реорганизации института связана с национальной политикой советского правительства. Так как Лазаревский институт восточных языков на протяжении всей своей деятельности являлся центром образования армянского населения в России и развития русско-армянских культурных связей, то закрытие образовательного учреждения могло привести к негативной реакции армянского населения. В виду этого и с

[570] См. Марр Н.Я. К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков. Петроград, 1918.
[571] Марр Н.Я. Записки о преобразовании Специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института, Петроград, 1918.
[572] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 194.

учетом национальной политики страны по отношению к малым народам, председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И. Ленин 4 марта 1919 г. подписал декрет о преобразовании Лазаревского Переднеазиатского института в Армянский институт.

На основании декрета было разработано «Положение» об Армянском институте в Москве, по которому учебное заведение находилось в ведении Комиссариата по делам армян. Институт состоял из Единой Трудовой школы первой и второй ступени и историко-филологического и социально-экономического факультетов. Преподавание в школе велось на армянском языке, тогда как на факультетах – на армянском и русском языках. Имущество и капитал бывшего Лазаревского института оставались в Армянском институте. Капитал предназначался для содержания и пополнения библиотеки и музея при институте и издания материалов по истории Армении. «Положение» также было подписано В.И. Лениным.

Одним из требований молодого советского правительства в области народного образования являлось развитие востоковедения. Однако, созданный Армянский институт, не способен был решить проблему подготовки востоковедов. В связи с этим Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) поручил академикам С.Ф. Ольденбургу, В.В. Бартольду и Н.Я. Марру разработать структуру и программу будущего института, в котором предусматривалось бы изучение языков Дальнего Востока и Индии. Данные языки никогда не преподавались в Лазаревском институте. На основании постановления СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г., параллельно с Армянским институтом был учрежден Центральный институт живых восточных языков, в котором предполагалось изучение афганского, индийского, тибетского, монгольского, японского и китайского языков. Первым директором нового учебного заведения стал профессор бывшего Лазаревского института Михаил Осипович Аттая.

Связующим звеном между всеми институтами являлась уникальная библиотека Лазаревского института, которая передавалась по наследству

последующим институтам. В условиях политического, экономического и социального кризиса в стране в годы Гражданской войны обучение в Армянском институте практически не проводилось, а с установлением 29 ноября 1920 г. советской власти в Армении полностью прекратилось.

В итоге, 1 октября 1921 г. председатель ВЦИКа М.И. Калинин подписал декрет «О переименовании Высшего Лазаревского Института в «Дом Культуры Советской Армении»[573]. На основании декрета институт передавался «со всеми материальными и культурными ценностями в распоряжение Рабоче-Крестьянского Правительства Армении»[574]. Ответственность за ценность и сохранность «Дома Культуры» возлагалась на полномочного представителя Социалистической Советской Республики Армении в Москве. В здании теперь уже «Дома Культуры» почти тридцать лет работала студия Армянского драматического театра, руководителем которого являлся выпускник Лазаревского института Рубен Симонов, а лекции читали К. Станиславский, Е. Вахтангов, директор Эрмитажа И. Орбели, поэт В. Брюсов[575]. Одновременно с этим было принято постановление об объединении Центрального института живых восточных языков с восточным факультетом Московского университета и образованием Института востоковедения[576].

Таким образом, Лазаревский институт восточных языков, отметивший свой вековой юбилей и, сыгравший столь значительную роль в истории армянского народа, в развитии и укреплении экономических, культурных, научных русско-армянских связей, прекратил свое существование. Однако, традиции, заложенные учебным заведением, были продолжены преемником института – Московским государственным институтом международных отношений (МГИМО).

---

[573] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1921, 1 октября. № 68. ст. 541.
[574] Там же.
[575] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики // Вестник Российской академии наук. 2001. Т.71. №12. С. 1103.
[576] Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г. М., 1921. С. 19.

Подводя итог деятельности института в данный период времени, можно отметить ряд преобразований, а именно, утверждение шестилетнего гимназического курса и специального двухлетнего – для изучающих восточные языки. Кавказским воспитанникам предоставлялась возможность изучения родного языка. Для сирот-армян открылось подготовительное отделение. Были предприняты меры с целью сохранения института как востоковедного центра. В этот период значительно возрасла роль подготовки юношества для армянского духовенства и приобщения ААЦ к участию в управлении Лазаревским институтом.

С принятием нового Устава 1872 г. учебное заведение перешло в ведение Министерства просвещения. Открылись специальные классы, которые по своей программе и организации учебного процесса соответствовали высшему учебному заведению. Институт переориентировался на более глубокое изучение арабского, персидского и турецкого языков, т.е. так называемых языков ближневосточной тройки.

С установлением советской власти Лазаревский институт восточных языков претерпел ряд преобразований, что было продиктовано историческими реалиями того времени, а именно, стремлением молодого советского государства привести науку в соответствие с историческим моментом.

***

Институт восточных языков (Лазаревский институт) на протяжении периода с 1815 по 1921 гг. прошел ряд преобразований, начав свою деятельность с частного училища, и, достигнув статуса государственного высшего учебного заведения.

В Лазаревском институте восточных языков на протяжении всего его существования наблюдалась система преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин с учетом национального образования. Одним из способов достижения данной цели являлась печать и покупка художественной и научной литературы на армянском языке.

Учебное заведение являлось также центром подготовки юношей для службы в армянском духовенстве. А ААЦ стала непосредственным участником образовательного процесса в институте.

С целью поддержки воспитанников армянского происхождения, попечителями института, другими представителями армянских общин и частными лицами был учрежден ряд стипендий. А также осуществлялось полное обеспечение студентов из несостоятельных армянских семей.

Лазаревский институт восточных языков даже после реорганизации и последующего прекращения своей деятельности в связи с переименованием его в «Дом культуры Советской Армении», продолжал оставаться центром русско-армянских культурных связей.

ГЛАВА III. ВКЛАД ПЕДАГОГОВ И ВЫПУСКНИКОВ ЛАЗАРЕВСКОГО ИНСТИТУТА В РАЗВИТИЕ РУССКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

3.1 Участие профессорско-преподавательского состава и учащихся Лазаревского института в общественно-политической жизни России

В введении диссертационного исследования отмечены два уровня методологического исследования проблемы: макроисторические и микроисторические подходы. В предыдущих главах в основе своей лежал макроисторический подход исследования, обусловленный необходимостью рассмотрения изменения деятельности Лазаревского института восточных языков в контексте общероссийского образования XIX – начала XX вв. В данной главе использован микроуровень исследования, предполагающий анализ деятельности отдельных личностей.

Для детального изучения роли профессорско-преподавательского состава Лазаревского института восточных языков, как в эволюции образовательного процесса, так и в укреплении русско-армянских культурных связей и доминирующей роли России в них, целесообразно рассмотреть вклад ученых и преподавателей образовательного учреждения в культурную, педагогическую и научную жизнь российского общества.

Анализ показывает, что помимо образовательной деятельности, в учреждении развивались научные исследования. Филологическая традиция в рамках академической школы арменоведения в России сложилась в 50-е гг. XIX в. и связана с именами видных ученых-филологов Н.О. Эмина и К.П. Патканова[577]. Профессор Лазаревского института восточных языков Никита Осипович (Мкртич Ованесович) Эмин (1815 – 1890) родился в Персии в г. Новая Джульфа. Получив начальное образование у местного приходского священника, он продолжил учебу в Калькутте в «Армянской человеколюбивой школе», где в совершенстве освоил несколько

[577] Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Восточная литература, 2008. С. 378.

иностранных языков. С целью изучения русского языка и усовершенствования своего образования, Н.О. Эмин в 1829 г. отправился в Москву и поступил в Лазаревский институт восточных языков. Здесь он продолжил занятия наукой, а свободное время уделял литературе и переводам. В 1834 г., после окончания курса обучения в Лазаревском институте, Никита Осипович поступил в Московский университет на философский факультет.

27 января 1837 г., согласно формулярному списку от 1848 г., титулярный советник Мкртич Ованесович Эмин принял присягу на подданство России[578]. В 1838 г. он вернулся в Лазаревский институт уже преподавателем армянского языка и литературы.

По распоряжению попечителя и директора института И.И. Лазарева, 6 мая 1844 г. Н.О. Эмин был назначен помощником инспектора с присвоением ему звания члена совета института восточных языков, а 24 июня 1845 г. за отличную службу ему был присвоен чин титулярного советника[579]. По предложению попечителя института, он, 3 декабря 1848 г. был избран советником правления и членом совета. 18 декабря 1848 г. Н.О. Эмин был награжден орденом Св. Анны III степени[580].

В 1846 г. в Москве была издана на армянском языке «Грамматика армянского языка для учеников Лазаревского института восточных языков» Н.О. Эмина, а в 1849 г. вышла в свет его хрестоматия по литературе. Ценность представлял собой словарь-приложение к хрестоматии, так как с его помощью русские могли изучать армянский язык, а армяне – русский[581]. С 1850 до 1882 гг. Н.О. Эмин – профессор армянской словесности в высших лицейских классах. За выдающиеся заслуги 11 мая 1854 г. он был награжден орденом Св. Анны II степени, а 12 августа того же года произведен в

[578] ЦГАМ. Ф .213. Оп. 1. Д. 99. Л. 9об.
[579] Там же. Л. 10об.
[580] Там же. Л. 11об.
[581] Долуханян А. Лазаревский институт восточных языков и Никита Эмин // Литературная Армения. 2015. №4. С. 75.

надворные советники[582]. Он стоял выше всяких предрассудков и, проявляя во всем беспристрастное суждение, следовал принципу: «Платон мне друг, но истина дороже»[583].

Н.О. Эмину принадлежит заслуга в постановке научного изучения древнеармянской литературы, в оценке и издании целого ряда древних и средневековых памятников письменности на русском и армянском языках. Как считал ученик и преемник Н.О. Эмина по кафедре армянской словесности в Лазаревском институте профессор Г. Халатьянц, на его научную деятельность повлияли лекции по истории русской литературы, истории и «древностям славянским, греческим и римским»[584]. Первый же перевод на русский язык «Истории литературы средних веков» Вильмена, изданный в 1836 г., показал по выражению профессора Московского университета Николая Ивановича Надеждина (1804-1856), что он стал «русским писателем и ученым»[585]. А за переведенную на русский язык с подробными комментариями и, изданную в 1858 г. «Историю Армении» Моисея Хоренского, преподнесенную в дар Александру II, Н.О. Эмин был награжден ценным бриллиантовым перстнем[586].

Симптоматическим явлением для России первой половины XIX в. следует считать появление возможностей для изучения малоисследованной литературы, истории и языка армян, что было отмечено министром народного образования С. Уваровым в «Проекте Азиатской академии»[587]. В это же время в России предпринимались попытки ознакомления с историей, литературой и культурой Армении. А переводы Н.О. Эмина были тем ценны, что впервые были переведены на европейские языки и стали доступнее для изучения. Немаловажными считаются также переводы армянских историков,

[582] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 202. Л. 27об. 28.
[583] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 181.
[584] Там же. С. 182.
[585] Журнал Телескоп. М., 1836. №14. С. 48–50.
[586] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 183
[587] Вестник Европы. СПб., 1811. Ч.55.

так как впервые были освещены малоизвестные страницы истории других народов Передней Азии.

Н.О. Эмина можно считать первооткрывателем армянского эпоса для российского читателя, а значит, исследователем художественного миропонимания армянского народа и условий его исторической жизни. Краеугольным камнем стали его переводы на французский и русский языки, а также, изданные сначала на древнеармянском, а в 1881 г. переработанные на русском, древнеармянские песни и эпос. Впервые был издан на русском языке перевод «Шаракана»[588], который явился венцом работы Н.О. Эмина в области армянской духовной литературы. Здесь он осветил целый ряд вопросов в области религии, культуры, эпоса армянского народа и стал «главой новой школы русских арменистов, положив основание арменологии в России»[589].

Лазаревскому институту Н.О. Эмин оставил капитал в размере 10 000 рублей для организации фонда своего имени. Проценты от данной суммы предназначались для издания научных трудов по истории, археологии и литературе Армении на армянском и русском языках.

О заслугах Н.О. Эмина свидетельствует тот факт, что российское правительство в 1886 г., по предложению Лазаревского института восточных языков, в честь 70-летия со дня рождения и 50-летия его ученой и педагогической деятельности, организовало юбилейное мероприятие. На именинника «обрушился настоящий поток приветствий из разных стран мира, от зарубежных арменоведческих центров»[590]. Московский университет и общество любителей естествознания избрали в почетные члены Никиту Осиповича Эмина, вся жизнь которого снискала уважение, как среди армян, так и среди русских[591]. А профессор М.В. Никольский отметил: «Ваши,

[588] Шаракана – богослужебные каноны и песни армянской восточной церкви.
[589] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 184.
[590] Долуханян А. Лазаревский институт восточных языков и Никита Эмин // Литературная Армения. 2015. №4. С. 73.
[591] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 186.

доставившие всемирную известность ученые труды, навсегда останутся драгоценным вкладом в русскую науку»[592].

Многие научные идеи, высказанные Н.О. Эмином в середине XIX в., были учтены или развиты его учениками и последователями, они нашли отражение и в современных исследованиях. Все это говорит о том, что многогранное научное наследие Н.О. Эмина не потеряло актуального значения и по сей день. У сотрудников Лазаревского института восточных языков вызвал сожаление тот факт, что Н.О. Эмин не был назначен на должность директора, так как пользовался несомненным авторитетом педагога и ученого и хорошо знал жизнь и потребности учебного заведения, благодаря многолетней работе и опыту.

В 1861 г. директором Лазаревского института восточных языков стал Январий Михайлович Неверов (1810 – 1893). Я.М. Неверов прибыл из Ставрополя, куда он в декабре 1850 г. был назначен директором Ставропольской губернской гимназии[593]. Поддерживая курс правительства на русификацию Кавказа и его интеграцию в состав Российской империи, Январий Михайлович выступал за распространение русского языка, русской грамотности на Кавказе, что совпадало с позицией наместника на Кавказе князя М.С. Воронцова, который был уверен, что «с помощью русского языка и культуры кавказские народы могли прийти к пониманию русской и мировой цивилизации, увидеть свое место в мировом историческом процессе»[594].

Заслуга Я.М. Неверова состояла в том, что он ввел обучение на русском языке и в отличие от малограмотных учителей, преподававших в ставропольских учебных заведениях до этого, пригласил на работу русских преподавателей с университетским образованием. Для достижения поставленной цели, им были организованы в Ставропольской гимназии

---

[592] Празднование пятидесятилетнего юбилея учебно-педагогической деятельности Н.О. Эмина. М., [б.д.] С. 15.
[593] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 496. Л. 80об.
[594] Лазарян, С.С. Имперская образовательная система на Кавказе в 40-50-е годы XIX века. Задачи и пути развития // Диалог со временем. 2014. №48. С. 184.

конкурсы сочинений на лучшее знание русского языка. Сочинения на конкурс отбирались педагогическим советом. Из представленных 17 октября 1852 г. девяти сочинений (среди них было и сочинение ученика 8 класса Георгия Кананова, будущего директора Лазаревского института восточных языков), выбрали три. Сочинение Г. Кананова заинтересовало комиссию тем, что он высказал «взгляды не вычетанные… и ему вполне принадлежащие»[595].

Заслугой Я.М. Неверова, как директора Ставропольской губернской гимназии, несомненно, считается то, что он «привел гимназию к наивысшему уровню развития, которого после его отставки она более не достигла»[596]. В апреле 1861 г. он получил назначение на должность инспектора казённых училищ Московского учебного округа и покинул г. Ставрополь. Я.М. Неверов создал «Нравственный кодекс», который был основан на гуманности, уважении к личности. Кодекс состоял из инструкций, освещающих все стороны деятельности образовательного учреждения, и учитывал, как национальный, так и сословный состав воспитанников. В «Нравственном кодексе» были прописаны положения для преподавательского состава по отношению к вверенным им воспитанникам, и Я.М. Неверов призывал «направлять их к доброму, уяснять их понятия, поощрять их к труду, внушать любовь ко всему благому и прекрасному»[597]. В дальнейшем он активно использовал их, будучи директором Лазаревского института.

Новый директор, Я.М. Неверов, несомненно, обладал отличными профессиональными и личными качествами, но совершенно не был знаком с учебным заведением, не знал его истории, условий существования и сложившихся традиций. Ко всему прочему в это время также был назначен новый инспектор, а попечитель Христофор Иоакимович Лазарев находился в этот период на лечении за границей. И Я.М. Неверов должен был лишь

[595] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 621. Л. 11.
[596] Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе / под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, В.П. Ходус. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С. 181.
[597] Краснов М.В. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913. С. 75.

«ограничиться поддержанием существующего учебного строя и организации»[598].

Как педагог творческого характера, он качественно улучшил и совершенствовал организацию педагогического процесса и учебно-воспитательную систему вверенного ему заведения. Считая, что русское общество необходимо знакомить с таким учреждением, как Лазаревский институт, Я.М. Неверов каждый год отчитывался о деятельности учебного заведения. В своем отчете о деятельности института Януарий Михайлович писал: «…принадлежа России (институт), он вместе с тем принадлежит и всей Армянской нации, рассеянной по всем частям света и имеющей в нем главную надежду своего умственного и нравственного возрождения»[599].

Нововведением стало изменение преподавания на подготовительном отделении, а именно, внедрение прогрессивных и передовых методов известных отечественных и зарубежных педагогов, в частности, немецких, что и привело к значительному улучшению качества обучения. С этой целью, как пишет автор диссертационного исследования И.Е. Хатаев, он выписывал различные периодические издания из Берлина[600]. Я.М. Неверов решил расширить курс русской литературы, европейских литератур и предложил профессору Н.С. Тихонравову, преподававшему в институте русскую литературу, составить Программу, что было выполнено и утверждено Советом института[601].

Как творческий педагог, Неверов категорически был против полицейского надзора и, отвергая прежнюю систему воспитания, основанную на строгой дисциплине, выступал за гуманные, нравственные и снисходительные методы воспитания, которые были разработаны и применены им еще в Ставропольской губернской гимназии. Он был убежден, что так можно достигнуть лучших результатов. Доказательством служили

---

[598] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 25.
[599] Краткий отчет состояния Лазаревского института в 1861/62 академическом году. М., 1862. С. 39.
[600] Хатаев И.Е. Научно-проветительская и педагогическая деятельность Я.М. Неверова (1810–1893): дис… канд. пед. наук. Владикавказ, 2002. С. 111.
[601] Краткий отчет состояния Лазаревского института в 1861/62 академическом году… С. 68.

результаты успеваемости учащихся, которые оказались выше, чем в предшествующем году. Однако идеи гуманизма оценивались не всеми и противники этой теории критиковали новое направление «совершенно противоположное духу прежнего управления» и, таким образом, управление Я.М. Неверовым Лазаревским институтом стало по утверждению Г.И. Кананова, как бы «переходною эпохою от одного пятидесятилетия к другому»[602].

Нововведением стало и зачитывание на педагогических советах лучшими учениками сочинений на русском и армянском языках. Януарий Михайлович был уверен, что обмен мнениями, который проводился после выступлений, положительно воздействует на воспитанников. К заслугам Я.М. Неверова также относится организация занятий репетиторов русского языка, что было актуально, так как многие поступающие в институт не владели в должной степени русским языком.

Особое внимание Я.М. Неверов уделял подготовительному классу. Так, решением Совета от 5 сентября 1861 г. отменялось изучение французского языка в подготовительных классах. Было предложено сосредоточиться на изучении русского и армянского языков, так как многие малолетние армянские ученики плохо владели даже своим родным литературным языком[603]. Он отдавал предпочтение методу наглядного обучения и для преподавателей младших классов приобретал лучшие наглядные пособия русских и армянских изданий, способствующие более качественному образованию. Я.М. Неверов рекомендовал учителям часто проводить беседы, организовывать учебный процесс таким образом, чтобы это не являлось для воспитанников какой-то повинностью.

Однако усилия Я.М. Неверова были тщетны, так как чувствовался пробел общего гимназического образования, а это вызывало необходимость реформ учебного плана, проведение которых пока не представлялось

[602] Кананов Г.И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг… С. 25.
[603] Краткий отчет состояния Лазаревского института в 1861/1862 академическом году… С. 18.

возможным. В этот период институт посетил известный русский ориенталист Ханыков, который отметил, что в гимназическом курсе много времени уделено восточным языкам, а это не приносит результатов. Также, по его мнению, было неверным изучение одного восточного языка по выбору учащегося, так как успешным считалось изучение всех языков мусульманского Востока[604].

Однако, к тому моменту, когда рекомендации Ханыкова дошли до института, Я.М. Неверов уже был освобожден от должности директора и назначен в 1864г. главным инспектором Кавказских учебных заведений, что было воспринято как удовлетворительное разрешение многих проблем. Его переезд совпал с периодом либеральных реформ императора Александра II, связанных с преобразованиями во всех сферах общества, а Я.М. Неверов был «одним из тех профессионалов, способных и готовых провести их в жизнь»[605].

Я.М. Неверов организовал в Тифлисе первый учительский институт на Кавказе и назначил его директором преподавателя математики Ставропольской гимназии Н.П. Захарова. На должность заведующего канцелярией он пригласил из Лазаревского института своего бывшего сослуживца Шевардова. Даже после возвращения из Москвы, Я.М. Неверов проявлял деятельное участие в жизни кавказских воспитанников, добиваясь увеличения стипендиального фонда для обучения их в Московском университете, Лазаревском институте и других вузах страны. А в Москве Я.М. Неверов оказывал преуспевающим в науках кавказским студентам всяческую поддержку, как материальную, так и моральную, так как понимал, что кавказская молодежь, оказавшись в незнакомой обстановке, испытывает определенные трудности. Многим было знакомо радушие, с которым он

[604] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг… С. 29.
[605] Хатаев И.Е. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Я.М. Неверова (1810-1893): дис. канд. пед. наук. Владикавказ, 2002. С. 115.

«встречал своих питомцев…в качестве директора Лазаревского института»[606].

Истинный патриот и великий педагог Я.М. Неверов завещал учебному фонду Ставропольской гимназии 3000 рублей[607], о чем 8 октября 1893 г. попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский сообщил директору Ставропольской гимназии. А созданный им «Нравственный кодекс», доказывает, что его идеи актуальны и сегодня.

Лазаревский институт восточных языков после Я.М. Неверова перешел к его ученику, профессору Московского университета Ивану Кондратьевичу Бабсту, а Георгий Ильич Кананов и Павел Васильевич Гидулянов, впоследствии занимавшие посты директора, обучались в Ставропольской губернской гимназии, где директором на тот период являлся Я.М. Неверов[608].

Должность директора Лазаревского института И.К. Бабст (1824 – 1881) занимал с 1864 по 1868 гг. Несомненной заслугой экономиста Бабста состояла в том, что в своих трудах он указывал на причины, мешающие экономическому росту России, и выступал за гласность и широкое обсуждение обществом принимаемых правительством экономических решений. Выступал Иван Кондратьевич в своих статьях за свободный труд, что было важно в условиях русской действительности второй половины XIX в. Как историк, профессор И.К. Бабст представлял новое веяние в исторической науке, а именно германскую школу, однако, уделял должное внимание и российской истории, ее прошлому и настоящему.

И.К. Бабст осознавал педагогические достоинства господствующей в Европе системы общего образования»[609], поэтому сразу же после вступления в должность особое внимание уделил преподаванию латинского языка, лично помогая воспитанникам.

---

[606] ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 908. Л. 110–111.
[607] Там же. Л. 21–22.
[608] Краснов М.В. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913. С. 70.
[609] Катков М.Н. История Лазаревского института восточных языков // Московские ведомости. М. 1865. 14 сентября. № 200.

Начало деятельности И.К. Бабста в Лазаревском институте, по мнению Г.И. Кананова, «свидетельствует о значительном его усердии к отправлению возложенных на него обязанностей»[610]. С помощью своего помощника он сразу же установил твердый порядок и строгий контроль в управлении, сделал важный шаг в обсуждении назревшего вопроса учебной реформы и определил основные принципы преобразований в институте.

Еще работая на кафедре Московского университета, И.К. Бабст подготовил многих известных учеников. Один из них – А.И. Чупров – стал его заместителем. Профессор А.И. Чупров был одним из организаторов газеты «Русские ведомости», на страницах которой он опубликовал некролог, посвященный своему учителю Ивану Кондратьевичу Бабсту[611].

Бесспорно, что в сохранении Лазаревского института, как востоковедного центра Москвы, велика была роль Георгия Ильича Кананова (1834 – 1897). В формулярном списке Кизлярского окружного предводителя штабс-капитана Кананова Ильи Акимовича за 1840 г. имеется запись: «Кизлярский окружный предводитель 46 лет, вероисповедания православного… имеет сына Егора, имеющего отроду 6 лет»[612].

Ученик Т.Н. Грановского (1813-1855) Г.И. Кананов – «гуманный педагог, связавший свое имя со знаменитым учреждением славного рода Лазаревых, где все говорит на каждом шагу о любви к ближнему, о призрении сирот-единоверцев»[613]. Просвещенный историк, он хорошо знал историю вековых связей России с армянами Ирана и Турции и работал в институте, который возник благодаря «стремлениям служить благородной мысли России на Востоке» и по девизу Лазаревых «стремился отчизне той и сей долг свой заплатить»[614].

---

[610] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 30.
[611] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО… С. 105.
[612] ГАСК Ф. 79. Оп. 2. Д. 394. Л. 419–421.
[613] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 546.
[614] Там же.

Г.И. Кананов среднее образование получил в Ставропольской гимназии. В документах фонда Ставропольской губернской гимназии государственного архива Ставропольского края сохранился аттестат об окончании гимназического курса, выданный Георгию Ильичу Кананову. Этот документ свидетельствует, что Георгий Кананов «вероисповедования армяно-григорианского, поступил в гимназию в марте 1845 и находился в оной по 30 декабря 1852 г.»[615]. Интерес представляет и тот факт, что в перечне изучаемых дисциплин значился и армянский язык.

Как отмечалось ранее, 18 октября 1852 г. в Ставропольской гимназии проводился конкурс на лучшее знание русского языка, где сочинение Г. Кананова «О русской народной поэзии», за которое он получил приз – полное собрание сочинений В.А. Жуковского, было признано лучшим. При этом комиссию поразило, что Георгий Кананов выражал свои собственные взгляды на прочитанное[616]. Губернатор, присутствовавший на конкурсе, выразил полное удовлетворение и заявил, что сочинение Кананова будет напечатано в «Ставропольских губернских ведомостях»[617], а несколько экземпляров передадут его родственникам, что и было 7 ноября 1852 г. отмечено в обращении к попечителю Кавказского учебного округа А.П. Николаи[618]. Гимназию Г.И. Кананов окончил с отличием, что отражено в его аттестационном листе, выданном попечителем Кавказского учебного округа 30 января 1853 г.[619]

После окончания гимназии Г.И. Кананов поступил в специальный класс Лазаревского института, что давало ему право продолжения учебы в Московском университете. В 1854 г. он по совету Я.М. Неверова, поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где слушал лекции профессора Т. Н. Грановского[620]. В 1858 г. Г.И. Кананов

---

[615] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 980. Л. 6–6об.
[616] Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе / под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, В.П. Ходус. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С. 50.
[617] О русской народной поэзии // Ставропольские губернские ведомости. 4 ноября 1852. №44.
[618] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 634. Л. 12.
[619] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 980. Л. 6–6об.
[620] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 547.

окончил курс кандидатом и был оставлен при Московском университете на кафедре всеобщей истории.

Когда известный ученый – арменовед Н.О. Эмин ушел в 1861 г. с должности инспектора Лазаревского института, на вакантное место была предложена кандидатура Георгия Ильича и, знавший его еще по Ставропольской гимназии директор института Я.М. Неверов, утвердил кандидатуру своего бывшего ученика без каких-либо обсуждений. Двадцатипятилетний педагог 8 марта 1861 г. поступил в качестве инспектора в Лазаревский институт, стены которого больше не покидал. В институте Г.И. Кананов вместе со своим университетским товарищем В. И. Герье читал в специальных классах курс истории Востока[621].

Три года Г.И. Кананов работал под руководством Я.М. Неверова, а в 1881 г. был назначен директором Лазаревского института восточных языков и оставался им вплоть до самой своей кончины в 1897 г.[622] За все шестнадцатилетнее руководство этим учреждением Г.И. Кананов, наряду с педагогической деятельностью развивал и хозяйственную, ради чего ему пришлось отказаться от ученой карьеры. При его деятельном участии в институте произошли реформы, благодаря которым Лазаревский институт стал «рассадником просвещения для армянского юношества и школы восточного языковедения»[623]. Именно бескорыстная любовь к институту была характерной чертой директора и создавала авторитет среди учащихся, сослуживцев и подчиненных. На каждом заседании педагогического совета Г.И. Кананов напоминал об исключительной роли института в жизни воспитанников, так как ученики были оторваны от родных мест и учебное заведение должно было заменить им семью. А родители, присылая своих детей на учебу с твердой верой в институт, надеялись, что они выйдут оттуда воспитанными и образованными людьми.

---

[621] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 98.
[622] Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе… С. 225.
[623] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 547.

Точное определение всей деятельности Г.И. Кананова дал на его похоронах в своей траурной речи учитель русской словесности Лазаревского института Н.И. Виноградов: «...его поразила... мысль, легшая в основу института... пожертвование... с тем, чтобы в самом сердце России основать источник просвещения, где бы воспитывались его далекие соплеменники, и откуда бы выходили подготовленные деятели для дальних окраин нашего общего отечества»[624]. А профессор Московского университета и Лазаревского института В.И. Герье простился со своим однокурсником и другом Г. Кананновым и отметил, что именно он уловил опасность, которая грозила институту «утратить свой первоначальный характер и сойти на степень простого учебного заведения»[625]. Он приложил все свои силы, чтобы предотвратить эту опасность и, главным образом, ему обязан институт, что сохранил свое первоначальное назначение, а именно являлся залогом «духовной жизни и культурного развития той народности, которой он принадлежал по происхождению»[626]. Заслуги Г.И. Кананова оценили многие московские газеты, посвятив ему некрологи.

Младшим учителем армянского языка в гимназических классах Лазаревского института с 1853 г. работал Микаэл Лазаревич Налбандян (1829–1866). Решающую роль в его мировоззрении играла передовая русская культура и ее представители А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, чьи стихи он переводил на армянский язык, а своей первоочередной исторической задачей считал просвещение армянского народа. Будучи убежденным, что в армянской школе необходимо преподавание армянского разговорного языка, М.Л. Налбандян, вместе с тем, являлся сторонником изучения русского и других языков. Однако, как отмечал доктор философских наук, профессор А.Б. Хачатурян: «Налбандян ошибочно полагал, что для освобождения народа достаточно его просвещения»[627].

---

[624] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С.548.
[625] Там же.
[626] Там же. С.549.
[627] Хачатурян А.Б. М.Л. Налбандян. М.: Мысль, 1983. 144 с.

К началу 50-х гг. XIX в. мировоззрение М.Л. Налбандяна под влиянием деятельности А.И. Герцена приобрело все более радикальный характер. Он стал одним из сторонников борьбы с крепостнической системой в России.

В период работы в Лазаревском институте М.Л. Налбандян начал активно выступать против реакционных взглядов учителей богословия, чем вызвал недовольство руководства института. Опасаясь влияния прогрессивных взглядов М.Л. Налбандяна на преподавателей и учащихся, директор института С.И. Зеленой добился лишения его должности и увольнения из учебного заведения.

В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский сыграли решающую роль в мировоззрении М.Л. Налбандяна, что и определило его дальнейшую идейно-политическую деятельность. Он был уверен, что «национально-освободительное движение армянского народа должно развиваться в единстве с русским демократическим движением» и, по мнению профессора А.Б. Хачатуряна, М.Л Налбандян стал «одним из первых армянских мыслителей, осознавших единство интересов армянского и русского народов»[628].

М.Л. Налбандян после своего ухода из Лазаревского института продолжал поддерживать связь с профессором Степаном Исаевичем Назарьянцем, чьи взгляды он разделял. Автор многочисленных научных трудов по воспитанию и методике обучения, армянский просветитель С.И. Назарьянц (1812 – 1879), закончил Дерптский университет. Когда в 1839 г. в Казанском университете открылась первая в России кафедра армянского языка и литературы, ее «возглавил известный ученый – просветитель С.И. Назарьянц»[629]. В 1849 г. он получил степень доктора армяно-персидско-турецкой словесности и обратился в Лазаревский институт с просьбой занять место на вновь созданной там кафедре персидско-арабского языка. Просьба была удовлетворена и с 1849 г.

[628] Хачатурян А.Б. М.Л. Налбандян… С. 10.
[629] Чолахян В.А. Исторические судьбы армян в Поволжье // Наука и общество. 2016. №1(24). С. 11.

«профессор персидской и армянской словесности и старший учитель латинского языка Степан Исаевич Назарьянц, армяно-григорианского вероисповедания, с жалованьем 1360 руб. в год»[630] преподавал в институте турецкий, латинский и армянский, а также – татарский и армянский языки в других учебных заведениях Москвы.

В Лазаревском институте восточных языков С.И. Назарьянц составлял учебные планы, Программы и пособия по восточной литературе. Он считал просвещение единственной формой борьбы с несправедливостью и пытался преобразовать систему народного образования. С.И. Назарьянц разработал «специальную концепцию образования и просвещения российских армян… предлагал создать в России всеобщую общественную организацию, призванную… основать армянские издательства и реализовать другие просветительские замыслы»[631]. Степан Исаевич призывал к обучению детей на армянском языке и выступал за замену древнеармянского (сложного для усвоения) языка новым литературным[632].

С.И. Назарьянц провел большую работу с целью привлечения в Лазаревский институт молодых и грамотных востоковедов из Казани и Санкт-Петербурга. Так, в 1850 г. по его приглашению был принят на должность старшего преподавателя турецкого и татарского языков Лазарь Эммануилович Лазарев.

10 августа 1852 г. С.И. Назарьянц был произведен в статские советники, а 13 декабря 1854 г. награжден за отличную службу орденом Св. Анны II степени[633].

С.И. Назарьянц связывал надежды армянского народа с Россией и считал необходимым создание армянского журнала. После нескольких неудачных попыток, он обратился к попечителю Лазаревского института

---

[630] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 202. Л. 18.
[631] Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга… С. 167.
[632] Мариносян Т.Э. Русская демократическая мысль второй половины XIX – начало XX в. как фактор формирования философии, образования в Армении // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. №1. С. 217.
[633] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 202. Л. 18об.

Ивану Иоакимовичу Лазареву с просьбой о помощи, мотивируя «глубоким чувством любви и признательности к русской стране» и с целью введения армян «в круг русского просвещения»[634]. Достигнуть этой цели, по глубокому убеждению С.И. Назарьянца, сможет армянское печатное издание, к тому же не имеющееся на тот период в России. Однако, Иван Иоакимович Лазарев также вынужден был отказаться от данного предложения в связи со сложностью с цензурой.

И только в 1858 г. удалось осуществиться его мечте. Микаэлу Налбандяну, с которым С.И. Назарьянц продолжал поддерживать связь даже после его ухода из института, он предложил принять участие в создании журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»). Лучшие ученые, писатели и поэты сплотились вокруг журнала, для пропаганды которого даже некоторые московские газеты («Молва», «Журнал народного просвещения») напечатали статьи. В поддержку выступил также журнал «Современник», который после выхода первого номера «Юсисапайла» в 1858 г. опубликовал статью «Армянская журналистика в России». Важным этапом в развитии русско-армянских педагогических связей явился тот факт, что создатели «Юсисапайла» систематически печатали на армянском языке исследования передовых русских педагогов[635].

Несмотря на то, что профессор Московского университета Павел Яковлевич Петров (1814 – 1875) не являлся преподавателем Лазаревского института восточных языков, его педагогическая деятельность, можно сказать, была связана с данным учебным заведением. Так как, по мнению А.П. Базиянца, лучшие ученики-востоковеды профессора преподавали в Лазаревском институте[636].

Выпускник Лазаревского института восточных языков Григорий Абрамович Халатьянц (1858 – 1912) поступил в 1877 г. в Московский

---

[634] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 61.
[635] Мариносян Т.Э. Русская демократическая мысль второй половины XIX – начало XX в. как фактор формирования философии, образования в Армении… С. 218.
[636] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 78.

университет на медицинский факультет. Однако, проучившись два года, он по совету Н.О. Эмина перевелся на историко-филологический факультет. В 1883 г. Г.А. Халатьянц был приглашен на кафедру армянской словесности в Лазаревский институт. Он был известен как исследователь древне-армянской литературы, многие труды которого были переведены на немецкий и армянский языки[637]. В 1902 г. он был принят в академию мхитаристов[638] в Венеции в знак признания его заслуг в области арменоведения.

Священник, ученый и писатель Мсер Григорьевич Мсерянц родился в 1808 г. в городе Смирна. Был учителем армянского языка, истории, географии и Закона Божьего в Тифлисском городском училище. По решению Патриарха – Католикоса Всех Армян Ованеса VIII в 1835 г. он был причислен к белому духовенству и назначен дьяконом в ААЦ Св. Богородицы. 12 июня 1845 г. получил разрешение преподавать Закон Божий армяно-григорианского вероисповедания и армянского языка, а с 1 июля 1848 г. М. Мсерянц был назначен законоучителем армяно-григорианского вероисповедания на кафедру восточных языков в Лазаревский институт восточных языков и занимал эту должность в течение 25 лет[639]. Французские и английские ориенталисты заинтересовались его руководством по Закону Божьему[640]. Скончался Мсер Григорьевич Мсерянц в 1873 г.

Выпускником Лазаревского института был, и внук М.Г. Мсерянца – Левон Зармайрович Мсерянц (1867 – 1933) – армянский филолог, профессор Московского и Варшавского университетов. После начала Первой мировой войны в 1914 г. Л.З. Мсерянц, преподававший на тот момент в Варшавском университете, вернулся в Лазаревский институт, где преподавал

---

[637] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО… С. 162.
[638] Мхитаристы – армянский католический монашеский орден, основанный в 1712 г. в Венеции богословом Мхитаром Севастийским.
[639] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 99. Л. 25об.
[640] Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т.XX. С. 100-101.

сравнительное языкознание славянских и других родственных языков в специальных классах Лазаревского института восточных языков.

Алексей Николаевич Веселовский (1838 – 1906) окончил словесный факультет Московского университета. После окончания учебы он совершенствовал свои знания в Испании, Германии, Чехии и Италии. Алексей Николаевич отличался огромной эрудицией, которая не была присуща ни филологам, ни этнографам, ни историкам литературы – его современникам. Свои знания он применил в Лазаревском институте восточных языков, где с 1881 г. вел русскую словесность. В своих лекциях А.Н. Веселовский уделял много внимания восточной поэзии, Кавказу в русской литературе, развитию ориентализма в России[641]. Выражая свою признательность, студенты специальных классов в 1914 г. отметили семидесятилетие профессора А.Н. Веселовского изданием «Восточного сборника», с переводами текстов с различных восточных языков. Не являясь ориенталистом, Алексей Николаевич Веселовский, тем не менее, по мнению А.В. Гордлевского, «раскрывал красоты восточной поэзии, внушал интерес к востоковедению»[642].

А когда в 1918 г. специальные классы закрылись, 35-летняя работа «почетного члена Лазаревского института восточных языков» А.Н. Веселовского на пользу русского востоковедения оказалась не востребованной[643].

На рубеже XIX – XX вв. важную роль в Лазаревском институте сыграли представители московской школы востоковедения Ф.Е. Корш, В.А. Гордлевский, В.Ф. Миллер, А.Е. Крымский. Федор Евгеньевич Корш (1843 – 1915) окончил Московский университет, где заинтересовался культурой и историей Востока. Он владел огромным количеством языков: арабским, турецким, персидским, черкесским, кумыкским, а также

[641] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 22.
[642] Гордлевский А.В. Избранные сочинения. М., 1968. Т. IV. С. 444.
[643] Там же.

санскритом. По словам В.А. Гордлевского, Ф.Е. Корш вознес «языковедение в Московском университете на недосягаемую высоту»[644].

Тяготение к восточным языкам, заложенное еще на университетской скамье, сыграло решающую роль в переходе Ф.Е. Корша в Лазаревский институт, где он с 1892 г. преподавал в специальных классах персидскую словесность[645]. Именно здесь его научные исследования получили новый толчок, особенно в области иранистики. Об иранской поэзии X-XV вв. многие узнали, в частности, благодаря переводам Ф.Е. Корша, которые востоковеды-переводчики считали своей настольной книгой.

Считая, что кумыкский язык сочетает в себе тюркские и кавказские языки, Федор Евгеньевич ездил на Северный Кавказ для его изучения. Работая в Лазаревском институте, Ф.Е. Корш помогал молодым ученым-востоковедам. Как отметил его ученик, профессор А.Е. Крымский, он «явился официальным главой и патриархом московского востоковедения»[646].

Статский советник Алексей Зиновьев был инспектором Лазаревского института с жалованием в 1100 руб. в год. После окончания Московского университета он 30 апреля 1821 г. поступил на службу в Московскую шестигласную (городскую) Думу. После увольнения из Думы А.З. Зиновьев работал в Университетском благородном пансионе учителем российской словесности и латинского языка, преподавал историю и географию в Московском воспитательном доме и был хранителем пансионской библиотеки[647]. За 20-тилетнюю педагогическую деятельность в 1847 г. А.З. Зиновьеву была назначена пенсия в 2/3 его годового оклада в размере 571 руб. 84 коп. 27 января 1848 г. он был назначен в Лазаревский институт помощником инспектора и преподавателя русской словесности, а с 1 июня

[644] Гордлевский А.В. Ф.Е. Корш и востоковедение. Петроград, 1917. С. 1–2.
[645] Гордлевский А.В. Избранные сочинения. М., 1968. Т. IV. С. 379.
[646] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО… С.171.
[647] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 99. Л. 3об.

1848 г. занял должность инспектора института. 23 июля 1849 г. А. Зиновьев стал профессором русской словесности[648].

С 1 августа 1843 г. коллежский советник Арсений Иванович Менщиков был назначен в Лазаревский институт преподавателем латинского языка с годовым жалованием в 560 руб.[649]

Выходец из купцов, армяно-григорианского вероисповедания, Степан Богданович Хуланджаев, приказом от 8 февраля 1849 г. № 27 был назначен младшим учителем латинского, русского и армянского языков, комнатным надзирателем и библиотекарем в Лазаревском институте с жалованием в 522 руб.[650]

Закончив Лазаревский институт восточных языков, Рафаил Мартынович Кистов, армяно-григорианского вероисповедания, был оставлен при институте с 1 мая 1828 г. помощником учителя рисования и учителем чистописания с годовым жалованием в 180 руб. Уволившись 1 октября 1829 г. он поступил в Московский университет на отделение словесных наук. Вернувшись 1 ноября 1835 г. в Лазаревский институт он занял должность старшего учителя армянского языка. В связи с вновь утвержденной канцелярией губернатора штатной единицей чиновника для письма, он, 1 января 1838 г. был переведен учителем каллиграфии[651].

В преподавательский состав Лазаревского института входили также лица, не имеющие чинов. В списке от 24 июня 1849 г. № 260 значатся[652]: 1) Гудендорф Георг Карлович, лютеранского вероисповедания, с 6 ноября 1835 г. был назначен младшим учителем немецкого языка и комнатным надзирателем с жалованьем 375 руб. 2) Тафишев Николай Иванович, армяно-григорианского вероисповедания, с апреля 1844 г. работал старшим учителем татарского и персидского языков с годовым жалованьем 428 руб. в год[653]

[648] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 99. Л. 6об.
[649] Там же. Л. 27об.
[650] Там же. Л. 61об.
[651] Там же. Л. 80об.
[652] Там же. Л. 92об.
[653] Там же. Л. 94об.

3) Яннау Рейнгольд Иоанович, лютеранского вероисповедания, с 5 августа 1844 г. – младший учитель немецкого языка и комнатный надзиратель с жалованьем 375 руб. в год[654] 4) Шахумов Аракел Филиппович, армяно-григорианского вероисповедания, 25 июля 1845 г. был назначен старшим учителем турецкого и арабского языков с годовым жалованьем в 560 руб.[655] 5) Вернер Адольф Фридрихович, лютеранского вероисповедания, с 1 октября 1848 г. являлся младшим учителем немецкого языка, с годовым жалованьем в 200 руб. 6) Попов Николай Михайлович, православный, сын священника, с 25 сентября 1848 г. был младшим учителем русской словесности и латинского языка с годовым жалованьем 350 руб.[656]

Губернский секретарь Яков Иванович Гузулов, дворянин армяно-григорианского вероисповедания, исполнявший с 25 декабря 1854 г. должность надзирателя с годовым жалованьем 250 руб., окончил курсы Лазаревского института восточных языков с присвоением ему чина 12 класса, о чем свидетельствует запись в его формулярном списке[657].

Воскан Егорович Иоаннесянц, выходец из семьи священнослужителя, армяно-григорианского вероисповедания, окончив курсы в Лазаревском институте, поступил в Санкт-Петербургский университет на восточный факультет, по окончании которого получил специальность учителя персидского и азербайджанского языков. Приказом от 7 сентября 1848 г. он был определен учителем вышеназванных языков в Лазаревский институт. Для практического освоения языков В.Е. Иоаннесянц был командирован попечителем института 21 мая 1851 г. в Иран. По возвращении в Москву, согласно приказу от 20 апреля 1855 г., в дополнение к занимаемой должности учителя был назначен также надзирателем в Лазаревском институте с общим годовым жалованьем 650 руб.[658]

---

[654] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 99. Л. 95об.
[655] Там же. Л. 94об.
[656] Там же. Л. 93об.
[657] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 202. Л. 5об.
[658] Там же. Л. 9об.

В конце XIX в. профессора Лазаревского института восточных языков совместно с коллегами из Московского университета создали общество востоковедов «Московская восточная комиссия». Целью общества, согласно уставу, являлось изучение историко – культурных традиций народов Кавказа и Средней Азии, обсуждение наиболее актуальных проблем науки, выпуск совместных трудов. Так, член комиссии, профессор Лазаревского института Л.З. Мсерянц издал труд «Из истории ориенталистики в России»[659]. А, организованные обществом археологические экспедиции Х.И. Кучук-Иоаннесова, исследовавшего армянские надписи, помогли уточнить время и пути переселения армян в Россию.

Как уже было замечено, ААЦ принимала деятельное участие в учебном процессе института. Об этом может свидетельствовать тот факт, что 6 апреля 1911 г. архиепископом Нерсесом было подано прошение на имя руководства учебного заведения о назначении преподавателя I Тифлисской мужской гимназии С. Тер-Аветисяна на должность инспектора. В нем отмечалось, что С. Тер-Аветисян «имеет религиозное нравственное влияние на учеников…о чем может свидетельствовать Кавказский Учебный округ»[660].

Как уже отмечалось в предыдущей главе, с началом Первой мировой войны положение в Лазаревском институте восточных языков ухудшилось и еще более усугубилось после Октябрьской революции 1917 г., т.к. среди профессорско-преподавательского состава произошел раскол по политическому принципу. Одни поддержали новую власть и сотрудничали с ней, другие – отказались признавать ее, что привело к их вынужденной эмиграции. Как отмечал профессор В.А. Гордлевский, «…часть интеллигенции пошла навстречу новой власти, часть ее саботировала, а часть выжидала»[661]. Среди сторонников советской власти оказались профессора А.Е. Крымский, В.А. Гордлевский, М.О. Аттая, С.Г. Дзерунян и др.

---

[659] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики // Вестник Российской академии наук. 2001. Т.71. №12. С. 1104.

[660] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 300. Л. 9об.

[661] Гордлевский В.А. Памяти В.Ф. Минорского // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т.IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968. С. 470.

Проведя анализ деятельности профессорско-преподавательского состава Лазаревского института восточных языков, необходимо отметить, что их основной контингент, также, как и учредители института, видели одной из целей своей деятельности образование армянской молодежи и приобщение ее к русской культуре. Таким образом, объединяющим фактором основной части профессорско-преподавательского состава института являлась пропаганда укрепления и развития русско-армянских социокультурных связей. Достижение этой цели они видели в создании армянской периодической печати, преподавании русского языка в армянских школах, в поиске общности русской и армянской нации в ее культурных и религиозных началах.

3.2 Вклад выпускников Лазаревского института в развитие русско-армянских отношений

В XIX и в начале XX вв. в России сложились две востоковедные школы: петербургская и московская, которые, дополняя друг друга, обеспечили России мировое признание в ориенталистике. Наряду с этими двумя центрами созданию московской школы ориенталистики способствовал и Лазаревский институт восточных языков, создавший целую школу отечественного востоковедения.

Выпускники Лазаревского института получили признание в разных сферах деятельности российского общества. Из стен учебного заведения вышла плеяда общественных деятелей, военачальников, государственных служащих, востоковедов, арменоведов, ученых, деятелей культуры, художников, писателей и журналистов.

Многие выпускники с успехом трудились в области организации школьного дела. Так, Лазаревский институт направлял бывших своих воспитанников в качестве преподавателей в различные школы Российской империи. Они работали в армянских школах Астрахани, Тифлиса, Кизляра и

многих других городов. К руководству института просьбы прислать учителей поступали даже из Ирана и Египта. Лазаревский институт, оказывая помощь этим учебным заведениям, отправлял им книги по истории культуры Армении, армянские учебники и другие издания института[662]. Учебники, как уже отмечалось в предыдущих главах, получили и в Ставропольской губернской гимназии.

Бывшие воспитанники Лазаревского института, окончившие курс и удостоенные степени кандидатов Московского университета, стали первыми преподавателями в армянских Нахичеванских (ныне – Ростов-на-Дону) училищах[663]. Выпускники института преподавали также в Григориопольском училище, которое было создано и содержалось за счет процентов от пожертвованного Иваном Лазаревичем Лазаревым капитала в 13 000 руб[664]. Важным являлся тот факт, что училище состояло из армянского и русского отделений.

Лазаревский институт восточных языков окончили такие видные военные и государственные деятели, как министр внутренних дел Российской империи М.Т. Лорис-Меликов и министр народного просвещения И.Д. Делянов, консул Российской империи в Болгарии, а затем посол России в Бразилии А.С. Ионин, посол России в Османской империи И.А. Зиновьев, член Государственной Думы II, III и IV созывов М.В. Челноков, армянские общественные деятели В. Терян и М. Налбандян.

Выпускниками института были ученые Н.И. Ашмарин, В.А. Гордлевский, Б.М. Гранде, Н.К. Дмитриев, Б.В. Миллер, М.С. Михайлов, А.А. Семенов. В учебных заведениях Москвы, Закавказья и Средней Азии они работали над проблемами востоковедения, культуры, языка, литературы и истории народов Востока. Членами-корреспондентами АН СССР являлись языковед Р.И. Аванесов и литературовед Д.Д. Благой.

---

[662] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 42.
[663] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 15.
[664] Там же. С. 16.

Первым историком института стал его выпускник А.З. Зиновьев, издавший впервые «Исторический очерк истории Лазаревского института», в котором он знакомил русского читателя с деятельностью учебного заведения и вкладом рода Лазаревых в общественную, политическую, экономическую жизнь российского общества.

В 1915 г. Лазаревский институт восточных языков окончил ученый-арабист мирового имени Харлампий Карпович Баранов. Создав московскую школу арабистики, он готовил специалистов арабской филологии. Всю свою жизнь он посвятил преподавательской работе – вначале в реорганизованном Институте востоковедения, а с 1954 по 1975 гг. работал в МГИМО.

Арабско-русский словарь, над которым ученый работал с 1940 по 1946 гг. явился единственным и универсальным, которым пользуются и студенты, и научные работники, и переводчики. Заслуженной оценкой деятельности Х.К. Баранова явилась учрежденная в 1992 г. Ученым Советом МГИМО премия им. Х.К. Баранова за вклад в филологическую науку[665].

Выпускником учебного заведения был и сын известного арменоведа, профессора Лазаревского института восточных языков И.К. Кусикьян. Окончив с золотой медалью в 1909 г. гимназические классы института, он поступил в Московский университет. После завершения учебы И.К. Кусикьян вернулся в Лазаревский институт уже преподавателем русского и армянского языков, а с 1920 г. он в Центральном институте живых восточных языков заведовал кафедрой армянского языка. Являясь с 1924 г. редактором издания «Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР», И.К. Кусикьян занимался переводами на армянский язык и редактированием собраний законов СССР[666].

В диссертационном исследовании важно определить и вклад выпускника Специальных классов Лазаревского института

[665] Усманов Н.К. Патриарх российской арабистики // Вестник МГИМО-Университет. М.: МГИМО, 2012. №3(24). С. 244–245.
[666] Кусикьян И.К. // Византийский временник. 1967. №27. С. 363–364.

В.А. Гордлевского, который продолжил учебу на историко-филологическом факультете Московского университета. С 1907 г. он уже преподаватель, а с 1916 г. – экстраординарный профессор Лазаревского института восточных языков. Выдающийся востоковед-тюрколог В.А. Гордлевский внес большой вклад в развитие русско-турецких литературных связей, «в изучение истории, этнографии и фольклора Османской империи в средневековье и новое время»[667]. Наряду с этим в своих трудах он исследовал жизнь армянского населения Западной Армении.

Посетив в 1917 г. Османскую империю, он опубликовал статьи «Там, где в старину жили армяне», «Армяне и война»[668]. В статье «Армяне и война» В.А. Гордлевский возлагал вину за геноцид армянского населения не только на турецкое, но и на германское правительство. Однако, осуждая действия младотурков, он в то же время отмечал, что «не может быть, чтобы весь турецкий народ питал неугасимую злобу к армянам…»[669].

В 1918 г. В.А. Гордлевский продолжил работу уже в реорганизованном Лазаревском институте, а с 1940 г. стал заведующим кафедрой турецкого языка Московского института востоковедения. 30 ноября 1946 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР[670].

Известными деятелями в области культуры и религии стали советский историк балета Ю.А. Бахрушин, основатель Московского художественного театра К.С. Станиславский, русский драматург и переводчик Ф.А. Корш, русский и советский писатель В.Г. Лидин, один из первых популяризаторов армянской литературы в России Ю.А. Веселовский, армянский поэт и публицист С. Шахазиз, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий I.

Важную роль в укреплении русско-армянских культурных связей сыграли выпускники Лазаревского института братья Яков и Давид Арзановы.

---

[667] Аветисян В.Р. Институт восточных языков (Лазаревский институт) в трудах советского историка и востоковеда А.П. Базиянца // Самарский научный вестник. 2017. Т.6, №2. С. 183.
[668] Гордлевский В.А. Избранные сочинения. История и культура. М., 1962. Т.III. 608 с.
[669] Там же. С. 129.
[670] Базиянц А.П. В.А. Гордлевский. М., 1979. С. 51.

В 1827 г. они опубликовали в Москве свой труд «Опыт начертания Истории Армянского государства»[671]. По мнению Э.С. Саядова[672], именно работы братьев Арзановых, а также публициста и писателя С.Н. Глинки, принимавшего участие в работе над изданием «Собрания актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа», стали первыми русскоязычными публикациями исторических документов об истории армянского народа в рамках исторической науки того времени. А в 1832 г. также воспитанник института Иосиф Орбели издал в Москве словарь для объяснения древних слов, который в дальнейшем использовался в армянских училищах[673].

Выпускником Лазаревского института являлся и бывший ученик Ставропольской губернской гимназии Керопэ Петрович Патканов. Известно, что его отец Петр Серафимович Патканов (Тер-Петрос Патканьян) преподавал в Агабабовском городском училище в Астрахани армянскую словесность, риторику и логику. В 1834 г. он вместе с семьей переехал в многонациональный Ставрополь, где уже с начала XIX в. существовала Армянская улица, на которой проживало около 50 армянских семей.

П.С. Патканов, являясь настоятелем Ставропольской приходской церкви, одновременно преподавал Закон Божий и армянский язык в Кавказской областной гимназии, которая в дальнейшем была переименована в Ставропольскую губернскую гимназию. Многие ученики гимназии продолжили учебу в Лазаревском институте восточных языков. Так, в списке учеников 4 класса за 1848 г. значился Херумов из г. Ставрополя[674]. Воспитанником Лазаревского института был и младший брат К.П. Патканова – Михаил, автор многих литературных трудов, печатавшихся в местных изданиях. Инициатор открытия училища для армянских детей, в котором предметы преподавались как на русском, так и на армянском

---

[671] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 218.
[672] Саядов С.М. У истоков русского арменоведения: историографический обзор… С. 54.
[673] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. Ч. III. С. 219.
[674] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 98. Л. 45об.

языках[675], П.С. Патканов, характеризовался армянской прессой пятидесятых годов как «неутомимый труженик в области армяно-русской дружбы»[676].

К.П. Патканов родился в 1833 г., что засвидетельствовано в формулярном списке его отца[677]. В 1842 г. П.С. Патканов определил сына в Ставропольскую губернскую гимназию, но на следующий год перевел в Московский Лазаревский институт восточных языков. Его фамилия также значится в списке учеников 5 класса за 1848 г.[678]. К.П. Патканову была назначена стипендия, учрежденная Санкт-Петербургской армянской церковью для детей бедных священнослужителей, каковым и являлся его отец[679]. Об этом также имеется запись в его формулярном списке: «…сын Керопэ 12 лет, обучается в Лазаревском институте восточных языков за счет казны»[680].

В институте он все свободное время уделял чтению русских книг, а затем самостоятельно изучил французский, немецкий, древнеармянский языки, латынь, греческий и частично персидский. Высоко оценивая деятельность института, К. Патканов, писал: «Трудно переоценить значение института в деле сближения армянской и русской культур»[681].

В январе 1851 г. К.П. Патканов, окончивший в институте курс под руководством Н.О. Эмина, и, сдав экзамены по математике, истории, географии, русского, латинского и немецкого языков, в числе первых учеников поступил вместе с несколькими молодыми армянами в Дерптский университет для изучения богословия на «казенном содержании»[682]. Здесь он также получал именную стипендию, а именно стипендию, учрежденную петербургским армянским купцом А.Д. Акимовым. За время учебы в Дерптском университете К.П. Патканов перевел на армянский язык Беранже,

---

[675] Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе / под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, В.П. Ходус. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2013. С. 320.
[676] Акопян Э.А. Керопэ Патканов (жизнь и творчество). АН Арм. ССР. Ереван, 1975. С. 8.
[677] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 468. Л. 70.
[678] ЦГАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 98. Л. 45.
[679] Веселовский Н. Керопэ Петрович Патканов. Библиографический очерк. Типография императорской академии наук. СПб, 1890. С. 7.
[680] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 2033. Л. 27–29.
[681] Акопян Э.А. Керопэ Патканов (жизнь и творчество). АН Арм. ССР. Ереван, 1975. С. 10.
[682] ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 468. Л. 73.

Шиллера, Гете и, проучившись полтора года, в виду отсутствия призвания и финансовой несостоятельности (прослышав про «вольное» поведение Патканова, спонсор отказал ему в стипендии), вернулся в Петербург. Оставшись без средств существования, в 1852 г. Керопэ Петрович переехал в Ставрополь и поступил в специальный класс гимназии для подготовки к поступлению в университет. Во время учебы его работа «О сатире вообще и сатирах Кантемира» в конкурсе на лучшее сочинение на русском языке получила всеобщее одобрение.

По свидетельству ставропольского историка М. Коршунова, отец К.П. Патканова в 1854 г. ходатайствовал об определении сына на учебу в «Главный педагогический институт… в Санкт-Петербурге …за казенный счет в числе кавказских воспитанников»[683]. Поступив на историко-филологический факультет, он посещал параллельно лекции на восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Там К.П. Патканов основательно изучил русскую, французскую и немецкую научную литературу.

В 1857 г., окончив курс исторических наук и, получив высшее звание старшего учителя, он как кавказский стипендиат, который поступал в ведение Кавказского начальства, в 1859 г. вернулся на Кавказ и преподавал русскую словесность в Закавказском девичьем институте в Тифлисе. Однако, на следующий год, он в связи с семейными обстоятельствами получил освобождение от службы на Кавказе и уехал в Санкт-Петербург, где продолжил изучение всеобщей истории и лингвистики. В 1861 г. вышел в отставку профессор армянского языка Н.Л. Бероев и освободилась кафедра армянского языка при восточном факультете Санкт-Петербургского университета, которую на правах адъюнкта занял К.П. Патканов.

В 60-е гг. он поддерживал тесную связь с армянскими деятелями культуры и литературы Санкт-Петербурга, много печатался в русской и

[683] Коршунов М. Выдающийся востоковед Керопэ Петрович Патканов // Ставропольский хронограф. – Ставрополь, 1999. С. 89.

армянской прессе, а по поручению Академии Наук выполнил несколько переводов армянских исторических сочинений, которые были напечатаны впервые.

В 1863г. Керопэ Петрович защитил докторскую диссертацию «Опыт истории династии Сасанидов по сведениям армянских источников». По этому поводу летописец Санкт-Петербургского университета В. Григорьев выразил мнение, что эта работа «явилась заслугой Патканяна перед русской наукой»[684]. А исследование Патканова «О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России», свидетельствующее о заботе русской науки и русского просвещения, доказывала, что «желание принести пользу русскому обществу стояло у него всегда на первом плане»[685]. Благодаря К.П. Патканову и Н.О. Эмину, «арменоведение выходило из национальных рамок и становилось неотъемлемой частью русского востоковедения»[686].

Научные труды, издание произведений армянских писателей, их русские переводы по истории, литературе и географии Армении принесли известность К.П. Патканову в научных кругах России и за рубежом[687]. Специалисты, учитывая в его трудах некоторые неточности и даже ошибки, тем не менее, констатировали тот факт, что в свое время, явившись важным этапом в изучении истории Армении, ее языка и литературы, они дали возможность русскому читателю ближе познакомиться с армянской культурой. К.П. Патканову, по утверждению М. Нейман, принадлежит «честь возбуждения впервые среди русских армян – по крайней мере, на русском языке – философских вопросов по истории своего народа»[688].

12 мая 1869 г. в знак заслуг перед Отечеством последовало повеление, согласно которому «Государь Император… соизволил пожаловать… статским советником доценту Патканову и профессору Лазаревского

---

[684] Акопян Э.А. Керопэ Патканов (жизнь и творчество) … С. 125.
[685] Веселовский Н. Керопэ Петрович Патканов. Библиографический очерк. Типография императорской академии наук. СПб., 1890. С. 14.
[686] Акопян Э.А. Керопэ Патканов (жизнь и творчество) … С. 126.
[687] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 185.
[688] Нейман М. Армяне. Сборник научных трудов… С. 130.

института восточных языков Назарьянцу за полезные труды… в вечное и потомственное владение участка земли… из свободных казенных земель Ставропольской губернии»[689].

В 1873 г., на первом международном съезде ориенталистов в Париже, К.П. Патканов выступил с докладом об изучении армянского языка во Франции и Германии, а в 1882 г. был избран одним из редакторов выходившего в Бельгии в г. Лувен литературно-критического журнала «Музеон». Высоко оценив научные труды К.П. Патканова в области восточной филологии, Академия Наук в числе одного из немногих представителей малых народов избрала его в 1885 г. членом-корреспондентом[690]. По мнению Н. Веселовского, К.П. Патканов «занял место в ряду первейших арменистов Европы»[691].

Человек демократических взглядов, Керопэ Петрович, размышляя о национальной гордости, называл ее в своей статье «Несколько слов об издании газеты» большим и святым чувством. «Однако, – писал К.П. Патканов, – надо отличать истинную гордость, достойную гордость от чванливости и пустого бахвальства»[692].

К.П. Патканов скончался 2 апреля 1889 г.[693] после тяжелой болезни на сорок пятом году жизни. Заслугой его можно считать то, что он «наметил основные линии русского арменоведения, … определив пути его развития»[694]. Наука в лице К.П. Патканова потеряла «не только ученого, занимавшего почетное место среди арменистов, но и весьма даровитого ориенталиста»[695].

С Лазаревским институтом восточных языков связаны имена известных деятелей русской культуры – отца и сына Веселовских. Филолог, исследователь литературы, академик Алексей Николаевич

[689] ГАСК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2об, 80.
[690] Веселовский Н. Керопэ Петрович Патканов. Библиографический очерк. Типография императорской академии наук. СПб., 1890. С. 15.
[691] Там же. С. 16.
[692] Патканов К.П. Несколько слов об издании газеты // Юсиз. 1863. №1. С. 4.
[693] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 187.
[694] Акопян Э.А. Керопэ Патканов (жизнь и творчество) … С. 134.
[695] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 269.

Веселовский (1843 – 1918) с 1881 г. на протяжении 35 лет, вплоть до реорганизации учебного заведения, преподавал в специальных классах института курс русской словесности.

Сын его, Юрий Веселовский, учился в Лазаревском институте, что, несомненно, отразилось на формировании научных взглядов будущего арменоведа, который, заинтересовавшись древней культурой, историческим прошлым и литературой армян, довольно быстро научился свободно читать и писать по-армянски. Этот проснувшийся интерес к армянам предопределил, по словам советской армянской исследовательницы Аллы Давтян, «будущую деятельность его как талантливого исследователя и популяризатора духовных сокровищ армянского народа»[696]. Закончив с медалью гимназию при Лазаревском институте, Юрий поступил в Московский университет на историко-филологический факультет.

В изданном в 1911 г. «Словаре общества любителей российской словесности при Московском университете», Ю.А. Веселовский в своей автобиографии, по словам вышеупомянутой А. Давтян, сам отмечал, что он «едва ли не первый стал в 1891 г. популяризировать в России эту (армянскую) литературу»[697]. В 1893 г. он вместе с другим «лазаревцем», ставшим впоследствии видным армянским общественным деятелем и публицистом Минасом Берберяном, издал первый выпуск сборника «Армянские беллетристы». В сборник вошли произведения армянских писателей, переведенных на русский язык. Благодаря этому сборнику, читатель смог познакомиться с произведениями писателей Армении XIX в. – Х. Абовяна, Раффи, П. Прошяна, А. Акопяна[698]. Второй выпуск царская цензура не пропустила, усмотрев в нем крамолу.

Именно этот год можно считать одним из знаменательных в истории русско-армянских литературных связей. К такому мнению пришла А. Давтян, приведя в доказательство строки из сохранившегося письма

---

[696] Давтян А. Юрий Веселовский и армянская литература. Ереван: Изд-во Айастан, 1970. С. 17.
[697] Там же. С. 18.
[698] Нейман М. Армяне. Сборник научных трудов… С. 39.

Ю. Веселовского М. Берберяну, с которым он поддерживал тесную связь. В нем он рассуждал о цели создания сборника «Армянские беллетристы», а именно, стремление «познакомить русскую и европейскую публику с произведениями новой армянской литературы»[699]. Начатое дело известный русский ориенталист Ю.А. Веселовский продолжал на страницах «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, где периодически появлялись его статьи по армянской литературе[700].

Начиная с 1891 г., Ю. А. Веселовский изучал армянский театр, особенно древний его период. Сам он еще студентом Лазаревского института посещал театральные представления вместе со своим другом М. Берберяном. Ему он посвятил и, вызвавший большой резонанс в печати, свой труд «Из истории армянской сцены». В одном из номеров газеты «Мшак» появились такие комментарии: «Автор… дал русской общественности верную и обобщающую картину армянской сценической литературы…Мысли русского автора о той или иной армянской пьесе созвучны с нашими мыслями»[701]. Положительно отозвался о статье армянский писатель и драматург Габриэл Сундукян, чьим мнением Ю.А. Веселовский очень дорожил.

Можно считать, что новый армянский театр, у истоков которого стояли студенты Московского университета и Лазаревского института восточных языков, возрождался под влиянием русского театра. Так, в поставленном ими в 1858 г. в Москве первом армянском спектакле, явно прослеживалось влияние московского Малого театра, и «прежде всего – игры великого Щепкина»[702]. Тот факт, что в постановке армянского спектакля принимали участие русские, армяне, грузины подчеркивал специфический характер учебного заведения. Студенты, среди которых был, и будущий выдающийся деятель русского театра К.А. Станиславский (сценический псевдоним

[699] Давтян А. Юрий Веселовский и армянская литература… С. 37.
[700] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики // Вестник Российской академии наук. 2001. Т.71. №12. С. 1105.
[701] Мшак (Труженник). 1892. №16.
[702] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 69.

воспитанника института К.А. Алексеева), ставили пьесы, как известных авторов, так и собственного сочинения.

Ю.А. Веселовского крайне интересовала проблема влияния русской литературы на армянскую, а итогом его исследований по этому вопросу явилась брошюра «Русское влияние в современной армянской литературе»[703]. Находясь в переписке с известным армянским историком и публицистом Лео (А.Г. Бабаханян), он приводил аналогии русской литературы с армянской. А в ответе на письмо Ю.А. Веселовского, Лео утверждал, что связь армянской и русской литератур можно заметить, рассматривая развитие литератур российских армян. «Литература такого маленького народа … приобщенного к европейской культуре, – писал Лео, – не могла развиться без великих образцов. Этими образцами служили … русские писатели»[704]. Так, поэзия Р. Патканяна находилась под влиянием А.Н. Некрасова, в творчестве С.С. Шахазиза прослеживался Добролюбов и тот же Некрасов. Даже в произведениях Раффи, плохо знавшего русский язык, сразу же чувствовался И.С. Тургенев.

Сам Лео признавался Ю.А. Веселовскому, что «русская литература была и есть единственным источником моего самообразования … и, если я выработал себе известное миросозерцание …, то в этом я очень многим обязан русским писателям»[705]. Большинство выдающихся произведений в русской литературе были переведены на армянский язык. Так, во многом благодаря армянскому поэту С.С. Шахазизу, также выпускнику Лазаревского института, армянский народ познакомился с творчеством А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. А многие произведения С.С. Шахазиза переведены на русский язык. Можно сказать, что как мастер формы он не имел соперников среди русско-армянских поэтов.

Перу Ю.А. Веселовского принадлежит ряд великолепных переводов

---

[703] Веселовский Ю.А. Русское влияние в современной армянской литературе. М., 1909. 48 с.
[704] Чинарьян И. М. Письмо Лео Ю.А. Веселовскому о русском влиянии в армянской литературе // Историко-филологический журнал. 1985. №2. С. 235.
[705] Там же. С. 236.

произведений армянских писателей и поэтов на русский язык. Переводами армянской литературы занималась и его жена, известная переводчица Мария Веселовская, хотя она и занималась в основном переводами с фламандского языка.

Ю.А. Веселовский в 1898 г. был избран кандидатом правления Общества бывших воспитанников Лазаревского института. Продолжая дело основателей института Лазаревых, он участвовал в редактировании устава Общества, основной целью которого являлась благотворительность. Члены Общества поддерживали поступивших в университет нуждающихся воспитанников, брали на себя плату за их обучение, учреждали для одаренных юношей стипендии, выделяли средства на медицинское обслуживание воспитанников. Ю.А. Веселовский организовал бесплатную раздачу книг, одежды, подыскивал нуждающимся студентам частные уроки. Можно утверждать, что благотворительность, начатая Лазаревыми, нашла достойных продолжателей в лице их питомцев разных выпусков[706].

В 1899 г. Ю.А. Веселовский стал членом Союза русских писателей и Общества любителей российской словесности, где он активно популяризировал произведения армянских писателей. Особенной чертой Ю.А. Веселовского являлось то, что он умел использовать любую возможность «для пропаганды арменофильства». Так, воспользовавшись правом члена Пушкинской комиссии, которая подводила итоги изучения А.С. Пушкина, Юрий Алексеевич на одном из заседаний сделал доклад «Армянские отголоски поэзии Пушкина»[707].

В 1900 г. армянский поэт и переводчик А. Цатурян, с которым Веселовского связывала еще студенческая дружба, а позже и совместная работа над сборником «Армянские беллетристы», организовал празднование юбилея, посвященного 10-летию выступления Ю.А. Веселовского в печати, как пропагандиста армянской литературы в русском литературоведении. Об

---

[706] Григорян Н.А. Центр отечественной ориенталистики // Вестник Российской академии наук. 2001. Т.71. №12. С. 1105.
[707] Давтян А. Юрий Веселовский и армянская литература… С. 56.

этом мероприятии писали газеты, сообщив, что «армянская литературная общественность Москвы намерена отметить 10-летний юбилей Ю.А. Веселовского»[708]. С приветственным словом выступил бывший педагог Юрия Алексеевича по Лазаревскому институту С.С. Шахазиз, который подчеркнул, что он является «честным защитником… армянской нации»[709]. А отец юбиляра, А.Н. Веселовский, в своем выступлении заявил, что сведениями об армянах он, в основном, обязан сыну.

В 1916 г., как лучший арменовед России, Ю.А. Веселовский был приглашен для сотрудничества в издаваемый в Москве общественно-политический и литературный журнал «Армянский вестник». В нем он опубликовал работу об истории армянского театра и влиянии русской литературы на армянскую на примере А. Островского и Г. Сундукяна, пытаясь установить «общность и самобытность двух выдающихся драматургов»[710].

Страстный поборник дружбы русских и армянских народов Юрий Алексеевич Веселовский умер 11 апреля 1919 г. на сорок седьмом году жизни.

Воспитанником Лазаревского института был и государственный и военный деятель, Кавалер ордена св. Андрея Первозванного, получивший за заслуги титул графа, будущий шеф жандармов и министр внутренних дел Микаэл Тариэлович Лорис-Меликов. В институте он учился хорошо и даже готовился к поступлению в Московский университет, но «был по натуре большим шалуном»[711], что и послужило поводом для его исключения за недостойное поведение из учебного заведения. И, может быть, именно исключение имело решающее значение и определило дальнейшую судьбу М.Т. Лорис-Меликова, так как вынудило его сменить «мирную ученую

[708] Давтян А. Юрий Веселовский и армянская литература… С. 67.
[709] Там же. С. 62.
[710] Там же. С. 98.
[711] Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе… С. 145.

карьеру на военную»[712]. После исключения из Лазаревского института он переехал в Санкт-Петербург и поступил в школу гвардейских прапорщиков. Здесь М.Т. Лорис-Меликов познакомился и подружился с великим русским поэтом Н.А. Некрасовым, тогда еще начинающим литератором. Эта дружба привила ему любовь к русской литературе[713]. Прекрасно владея русским литературным языком, он часто цитировал А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и особенно любимого М.Е. Салтыкова-Щедрина.

После окончания учебы в 1847 г., в связи с обострением ситуации на юге России, он был направлен к месту службы на Кавказ. Надо сказать, что Кавказ М.Т. Лорис-Меликов всегда считал нераздельной частью России и всегда сожалел, что русское общество не делает «решительно ничего, чтобы теснее привязать эту богатую окраину к России»[714]. Во время Крымской войны он возглавил команду разведчиков, благодаря знанию нескольких иностранных языков, полученных в Лазаревском институте.

Патриот, в лучшем значении этого слова, граф М.Т. Лорис-Меликов ничем не отличался от русского образованного человека. И хотя он горячо любил «свою кавказскую родину, но любовь эта была отодвинута…в его сердце»[715] любовью к России. Подтверждением может служить и тот факт, что в 1868 г. М.Т. Лорис-Меликов открыл на свои средства во Владикавказе одно из первых ремесленных училищ с пансионом[716]. В нем предполагалось обучение элементарной грамоте детей из низшего сословия независимо от национальности и вероисповедания.

К 1880 г. М.Т. Лорис-Меликов стал одним из наиболее доверенных лиц императора Александра II и мог влиять на деятельность российского правительства. В это время им был подготовлен ряд программ, направленных на социально-политические преобразования в России. Так,

---

[712] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 276.
[713] Там же. С. 274.
[714] Там же. С. 280.
[715] Там же. С. 274.
[716] Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе… С. 147.

28 января 1881 г. М.Т. Лорис-Меликов представил императору Александру II «Всеподданнейший доклад», заключавший в себе продолжение преобразований, начатых в 1860-е гг. А именно, в первую очередь, по мнению графа, «надлежало прямо приступить к пересмотру всего земского положения, городского самоуправления и даже губернских учреждений»[717]. Доклад М.Т. Лорис-Меликова «вобрал в себя все наиболее важные конституционные проекты, предложенные либеральными кругами российского общества»[718] и, как считал автор доклада, его осуществление привело бы «к стабилизации и укреплению правительственной власти»[719].

1 марта 1881 г. император одобрил проект, разработанный М.Т. Лорис-Меликовым, и сообщил наследникам российского престола Александру и Владимиру Романовым: «Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции»[720]. Впоследствии разработанный проект стал именоваться «Конституцией» Лорис-Меликова и, хотя, по мнению В.З. Акопяна, она «была далека от настоящей конституции… осуществление проекта открыло бы путь трансформации самодержавия в конституционную монархию и правовое государство»[721].

Однако, убийство императора Александра II от рук членов террористической организации «Земля и воля» 1 марта 1881 г. и, последовавшие вскоре контрреформы Александра III, перечеркнули все надежды М.Т. Лорис-Меликова на конституцию.

В М.Т. Лорис-Меликове ценили ум, человечность, терпимость к чужому мнению и, одновременно, твердость в своих убеждениях. Так, он был уверен, что «правительству необходимо поощрять постепенное развитие

---

[717] Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. РАН институт российской истории. 2001. №5. С. 40.
[718] Акопян В.З. Неудавшееся завершение великих реформ. Конституционный проект М.Т. Лорис-Меликова // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. 2002. №1 (7). С. 81.
[719] Там же.
[720] Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности… С. 45.
[721] Акопян, В.З. Неудавшееся завершение великих реформ. Конституционный проект М.Т. Лорис-Меликова… С. 82.

общества и руководить им в этом направлении»[722], а веря в прогресс, неизменно выступал за распространение народного образования и был инициатором программы преобразования системы учебных заведений. В июле 1879 г. она была одобрена и послужила одним из источников, принятых в том же году «Правил для студентов» и университетского устава 1884 г.[723].

После смерти графа, в своих воспоминаниях о нем писатель, общественный деятель Николай Андреевич Белоголовый написал: «Россия лишилась в лице его одного из даровитейших бескорыстнейших своих сынов и можно лишь искренно и не в оскорбление живущим пожелать ей побольше таких»[724].

С 1888 по 1891 гг. в Лазаревском институте восточных языков обучался Сергей Владимирович Симанский (1877 – 1970), будущий Патриарх всея Руси Алексий I. Это было решение его отца, юриста по образованию, остановившего свой выбор на учебном заведении, которое приобрело «к середине века международную репутацию своим замечательным по серьезности преподаванием, образцовым интернатом и ценным книгохранилищем»[725]. Сергей Симанский учился с детьми многих влиятельных семей и не только армянских, но и русских, и грузинских. Система образования в Лазаревском институте способствовала росту общей культуры воспитанников, а духовно-нравственное образование было таким же основательным, как и светское.

Проучившись три года, он был переведен родителями в Императорский Лицей памяти цесаревича Николая. Они видели в нем будущего дипломата или юриста, однако, Сергей уже в то время задумывался о постриге в монашество. Этому способствовало также строгое религиозно-нравственное воспитание детей в семье Симанских. Но отец пожелал, чтобы старший сын

---

[722] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 274.
[723] Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе… С. 142.
[724] Братская помощь пострадавшим в Турции армянам… С. 276.
[725] Казек-Бек А.Л. Жизнеописание Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия I // Богословские труды. 1998. Вып. 34. С. 26.

получил юридическое образование и, поэтому Сергей Симанский поступил в 1896 г. в Московский университет на юридический факультет, который и окончил в 1899 г.[726] В 1900 г. он поступил в Московскую духовную академию, хотя и происхождение, и полученное образование позволяли ему сделать карьеру дипломата или юриста, как и предполагал его отец. Но, постригшись в монахи, будущий патриарх Алексий I определил свой жизненный путь.

В ходе своей религиозной деятельности он внес определенный вклад в развитие русско-армянских культурных взаимоотношений. Большое внимание процессу сближения Армянкой апостольской церкви и Русской православной церкви уделял и Католикос всех армян Геворг VI. Он принимал участие в совещании глав и представителей Автокефальных Православных церквей. С целью изучения православного богословия и жизни русской церкви Геворг VI командировал в Московскую духовную академию восемь архидиаконов Армянской церкви[727].

Из большой группы выпускников лицейских классов обращают на себя особое внимание имена: Сумбата Шахазиза, выдающегося армянского писателя, вся жизнь которого тесно связана с Лазаревским институтом; Левона Мсерянца, будущего крупного востоковеда, издателя журнала «Дпроц» («Школа»); Ваана Бастамяна, который, уделяя большую роль религии и церкви в деле просвещения народа, призывал вовлечь в процесс образования только образованное духовенство[728].

Бывшие воспитанники института своими делами выражали благодарность попечителям учебного заведения. Так, братья Энфианджиянц, собравшие редкую библиотеку Армянских манускриптов, посчитали своим долгом выразить признательность и в память об основателе института

---

[726] Казек-Бек А.Л. Жизнеописание Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия I // Богословские труды. 1998. Вып. 34. С. 30.

[727] См. Документы из истории Армянской церкви. 1937 – 1955 гг. Ереван, 1999. Книга VI.

[728] Мариносян Т.Э. Русская демократическая мысль второй половины XIX – начало XX вв. как фактор формирования философии, образования в Армении // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. №1. С. 219.

И.Л. Лазареве обратились к попечителю И.И. Лазареву с просьбой принять «манускрипты, не как подарок, но как изъявление благодарности и признательности всех Армян к особе Вашей»[729].

В день 75-летия Лазаревского института многие выпускники прислали свои поздравления. Они с благодарностью отзывались о своих педагогах, которые дали им серьезное образование и привили любовь к науке. Из Константинополя от бывших воспитанников Джаншиева и Максимова пришло поздравление на французском языке, в котором они с почтением отзывались об институте, давшем им образование, не уступающим европейскому. Б.Т. Ованесов в своей монографии «Роль армянского населения Российской империи в развитии Северного Кавказа» пишет о генерал-лейтенанте Тер-Асатурове, который в своем поздравлении с юбилеем с теплотой отозвался об основателях учебного заведения, благодаря которым стало возможным «воспитание и образование доблестных слуг Царю и Отечеству»[730]. Там же читаем о воспитаннике К. Кусикове из Армавира, который дал свою оценку Лазаревскому институту: «Институт живет – памятник идеи добра»[731].

Выпускники Лазаревского института по окончании учебы работали во многих дипломатических миссиях стран ближневосточного и дальневосточного направления, на Балканах, в Китае, где они успешно защищали политические и торгово-экономические интересы России в данных регионах. Так, например, П.В. Максимов, являясь консулом в Османской империи, наряду с отстаиванием интересов России, занимался еще и защитой армянского населения[732].

В 1905 г., с подъемом революционного движения в стране, активизировалось и студенчество Лазаревского института, которое было

---

[729] Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. … С. 174.
[730] Ованесов Б.Т. Роль армянского населения Российской империи в развитии Северного Кавказа. Ставрополь, 2008. С. 351.
[731] Там же. С. 350.
[732] Торкунов А.В., Алаев Л.Б., Воевода Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО… С.201.

тесно связано со студентами Московского университета. Так, А.П. Базиянц, в своей монографии, описывал участие воспитанников института в революционных событиях 1905–1907 гг. Ссылаясь на архивные документы, в частности рапорт директора института В.Ф. Миллера, автор отмечал студенческие волнения в специальных классах требующих прекращения занятий «впредь до… проведения в жизнь свободы слова, печати, совести, собраний, союзов»[733]. Одним из свидетельств участия студентов института в революционных событиях являлись и участившиеся обыски, производившиеся в учебном заведении.

Во второй половине 1905 г., в связи с активизацией революционного движения на Кавказе усилились волнения, особенно в стенах Лазаревского института, что объяснялось национальным составом воспитанников – выходцев с Кавказа. В.Ф. Миллер в январе 1906 г. получил от градоначальника города Москвы Ф.В. Дубасова распоряжение о недопущении в стенах института митингов, с условием полного закрытия учебного заведения в случае несоблюдения данного распоряжения. Однако, воспитанники совместно со студентами других высших учебных заведений Москвы продолжали участие в забастовках и выступлениях, в связи с чем занятия в институте часто и надолго приостанавливались[734]. Итогом событий 1905 – 1907 гг. стал разгром большинства студенческих организаций и усилившимся вследствие контролем над воспитанниками Лазаревского института.

Не оставались в стороне от событий, происходящих в стране выпускники Лазаревского института восточных языков и в годы Первой мировой войны. Они устраивали лазареты, ухаживали за ранеными, организовывали различные благотворительные мероприятия, а некоторые окончив обучение, поступали в военные училища[735].

---

[733] Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения… С. 150.
[734] Там же. С. 151.
[735] Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. … С. 379.

Также, как и среди профессорско-преподавательского состава Лазаревского института восточных языков, среди воспитанников после Октябрьской революции 1917 г. произошел раскол. Часть выпускников, оказавшихся к этому моменту за пределами Российской империи не рискнула вернуться на родину. Так, выпускник Лазаревского института В.Ф. Минорский находился в Иране, когда в России произошла революция, и не решился вернуться в Россию. Но, очевидно, что он не остался в стороне от событий, происходящих на Родине. Так, в посвящении одной из своих работ он написал: «Советским востоковедам в дни великих испытаний». А в присланном для Института востоковедения сборнике, В.Ф. Минорский обращался к советской молодежи и верил, что «именно ей принадлежат судьбы нового востоковедения».

Многие из тех, кто вернулся в Россию, впоследствии были репрессированы и расстреляны[736].

Таким образом, изучив деятельность выпускников Лазаревского института восточных языков, приходим к выводу, что традиции, заложенные учредителями института, нашли свое продолжение в их учениках. Они смогли продолжить дело семьи Лазаревых в их стремлении укреплять русско-армянские отношения в разных сферах деятельности, а именно в образовании, культуре, науке, религии и др.

***

Подводя итог, отметим, что в деятельности профессорско-преподавательского состава и выпускников Лазаревского института восточных языков прослеживается общая тенденция к единению армянского народа с русским в рамках этической, социокультурной, конфессиональной близости двух народов. Рассматривая Россию как единственную страну, где возможен вариант сохранения, развития армянской культуры и ее

[736] Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. … С. 202.

идентичности, преподаватели института учредили журнал, где печатали на армянском языке исследования передовых русских педагогов, переводы на армянский язык русских поэтов и писателей, что явилось важным этапом в развитии русско-армянских культурных связей.

С именем ученого, профессора Лазаревского института Н.О. Эмина связано создание школы арменоведения в России. Вслед за учредителями учебного заведения, многие представители профессорско-преподавательского состава занимались благотворительностью с целью оказания помощи в публикации научных трудов по истории, археологии Армении на армянском и русском языках.

Заслугой Лазаревского института является и деятельность выпускников, проявивших себя в разных сферах жизни российского общества, в том числе и в укреплении русско-армянских взаимоотношений. Некоторые выпускники, одним из которых являлся Ю.А. Веселовский, стали поистине популяризаторами армянской культуры в российском обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лазаревский институт восточных языков, как образовательное учреждение по подготовке востоковедных кадров и дипломатов для работы в странах Ближнего Востока, с момента своего основания и на протяжении XIX – первой четверти XX вв. также являлся и важным центром в укреплении и развитии русско-армянских взаимоотношений.

Проведенное исследование выявило широкий пласт письменных источников, позволяющих подробнее изучить поставленные диссертантом задачи. Автор подразделяет их на семь групп, которые включают в себя законодательные акты и нормативно-правовые документы, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическую печать, научные труды деятелей профессорско-преподавательского состава Лазаревского института, источники личного происхождения, историографические источники. Их комплексное исследование позволило изучить деятельность Лазаревского института восточных языков как русско-армянского центра и определить его роль в контексте изменяющейся политики Российской империи в отношении этнического образования.

Фактический материал позволил установить, что одной из главных причин открытия армянского учебного заведения представителями семьи Лазаревых стало образование и укрепление уже к середине XVIII в. армянских общин в крупных городах России (Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Нахичевани-на Дону и др.), где лидирующее положение занимали Москва и Санкт-Петербург. В этот период в основе формирования общин и создания благоприятных условий для их развития лежал процесс установления российской государственности на Кавказе и дальнейшее укрепление Российской империи в регионе. Однако исследование показало, что в условиях изменяющейся национальной политики российского государства на протяжении XIX – начала XX вв., связанной в частности с процессом «русификации», подвергались трансформации и русско-армянские

взаимоотношения, что, в свою очередь, способствовало созданию в конце XIX в. армянских националистических партий «Дашнакцутюн» и «Гнчак».

Несмотря на изменчивость национальной политики, представители армянских общин России, занятые изначально в основном экономической деятельностью, к концу XIX в. дали целую плеяду общественных деятелей в области политики (И.С. Ананов), военного дела (М.Т. Лорис-Меликов, Л.М. Серебряков), экономики (И.Ф. Шериманов), культуры (А.И. Сумбатов (Южин), А.К. Дживелегов, Х. Кучук-Иоаннесов), некоторые из которых впоследствии даже были удостоены дворянских титулов.

Как показало проведенное исследование, среди представителей армянских общин России было много сторонников сохранения национальных традиций, религии, поддержки армянского освободительного движения. В данном направлении наиболее активно проявили себя члены семейного рода Лазаревых, которые будучи меценатами и благотворителями, всячески поддерживали армянское население. Так, на их средства были открыты армянские храмы в Москве (Крестовоздвиженская церковь) и Санкт-Петербурге (церковь Святой Екатерины). Понимая решающую роль России в дальнейшей судьбе армянского населения, Лазаревы, будучи сторонниками прорусской ориентации армян, всячески способствовали укреплению русско-армянских взаимоотношений.

Одним из способов осуществления поставленной задачи, по мнению Лазаревых, должно было стать просвещение армянской молодежи и ее приобщение к русской культуре путем создания образовательного учреждения. Изучение письменных источников позволило сделать вывод, что предпосылки для учреждения Лазаревыми в 1815 г. Армянского московского училища сформировались еще во второй половине XVIII в., когда в 1785 г. Иван Лазаревич Лазарев обратился к императрице Екатерине II с ходатайством о его создании. В свою очередь это позволило диссертанту разработать авторский вариант периодизации учебного заведения.

Исследованием определено, что на учреждение и дальнейшее развитие Армянского московского училища, преобразованного впоследствии в Лазаревский институт восточных языков не могла не сказаться общая образовательная политика правительства, проводимая в отношении национальных образовательных учреждений. Либеральная политика Александра I, реформы Александра II и «контрреформы» Александра III так или иначе влияли на институт. Лазаревский институт зачастую наталкивался на противоборство со стороны Министерства народного просвещения.

Установлено, что Армянское московское училище, не являясь первым армянским образовательным учреждением в стране (к этому моменту уже существовало Агабабовское училище в Астрахани), смогло стать таковым по своей значимости, пройдя путь от частного училища до статуса высшего учебного заведения.

В училище, как в частном учебном заведении, не финансируемом государством, в отличие от государственных образовательных учреждений, находящихся под ведением правительства, контроль, благодаря большей автономии, осуществлялся только за профессиональным уровнем и благонадежностью учителей.

В диссертации определено, что в условиях противостояния Лазаревского института восточных языков с Министерством народного просвещения, а также с целью оптимизации образовательного процесса, попечители института Лазаревы, стремились привлечь к участию в жизни учебного заведения видных общественных деятелей страны (М.М. Сперанского, А.А. Аракчеева, А.Х. Бенкендорфа, А.Ф. Орлова), что в свою очередь послужило определенным щитом в защите интересов института в образовательном пространстве страны.

Исследование выявило, что Лазаревский институт восточных языков на протяжении всей своей деятельности претерпел череду кризисов, вызванных рядом причин, как внутренних, так и внешних, каждый из которых в свою очередь приводил не только к изменению и трансформации образовательного

процесса, но и смене статуса учебного заведения. Так, например, смерть первого попечителя Иоакима Лазаревича Лазарева и уход с поста главного начальника А.А. Аракчеева во второй половине 20-х гг. XIX в. привели к необходимости преобразований в учебном заведении. В результате проведенных реформ, Армянское московское училище, при содействии М.М. Сперанского, было преобразовано в Армянский Лазаревых институт восточных языков, а изменения в образовательном процессе привели к введению в обучение восточных языков. В этот период важную роль в Лазаревском институте сыграл начальник института А.Х. Бенкендорф, который будучи видным общественным деятелем Российской империи, всячески способствовал развитию учебного заведения и получению для него некоторых прав. В частности, при его содействии в институте была открыта типография, благодаря которой стало возможным самостоятельное издание научной, художественной и методической литературы на армянском и других языках. Являясь начальником института, А.Х. Бенкендорф поддерживал стремление Лазаревых в сохранении Лазаревского института как русско-армянского учебного заведения.

Исследование фактического материала показало, что в деятельности учебного заведения, начиная с середины XIX в., непосредственное участие принимала ААЦ, которая, тесно слившись с исторической судьбой народа, приобрела национальный характер. Церковь вошла в состав руководства Лазаревского института, что было юридически закреплено в Уставе 1848 г., а начавшаяся в институте теологическая подготовка воспитанников для армянского духовенства свидетельствовала, таким образом, об уникальности и многопрофильности Лазаревского института.

Знаковым событием в конце 40-х гг. XIX в. стала череда новых преобразований в Лазаревском институте, связанных с начавшимся кризисом и принятием нового Устава 1848 г., в котором были прописаны новые права и преимущества учебного заведения. В частности, в связи с давлением на институт со стороны Министерства народного просвещения, в наименовании

была убрана приставка «Армянский» и он стал именоваться «Лазаревский институт восточных языков». Также, по рекомендации Министерства, в Устав были внесены некоторые изменения, связанные с появлением в образовательном процессе новых дисциплин, а благодаря открытию гимназического курса обучения, институт параллельно приобрел еще и статус гимназии. Диссертантом в исследовании было установлено, что открывшееся подготовительное отделение, финансирование, которого Лазаревыми осуществлялось самостоятельно, способствовало получению образования детям из бедных армянских семей.

Как установлено проведенным исследованием, очередной кризис и новые преобразования в Лазаревском институте восточных языков в начале 70-х гг. XIX в. были связаны с переходом учебного заведения в ведение Министерства народного просвещения, так как в связи со смертью последнего представителя семьи Лазаревых по мужской линии и упразднением должности начальника института согласно «Высочайшему повелению об устройстве Лазаревского института» от 14 апреля 1868 г. логическим исходом событий следует считать переход института в общую систему учебных заведений Министерства народного просвещения. Однако, против данного «повеления», отменяющего изучение восточных и закавказских языков, выступили прогрессивная общественность Москвы, представители армянской общины, средства массовой информации и профессура Лазаревского института, в результате чего удалось добиться сохранения одного из лучших востоковедных центров страны, но под ведением Министерства народного просвещения.

Как доказано в диссертационном исследовании, руководством Лазаревского института поддерживалась связь не только с ведущими учебными заведениями страны, такими как Московский университет, но и с региональными, в частности со Ставропольской губернской гимназией, директор и некоторые выпускники которого в разное время занимали должность директора Лазаревского института. Одним из способов

взаимодействия со Ставропольской гимназией стала передача руководству гимназии научной, учебной и художественной литературы на русском и армянском языках в целях поддержки изучения армянского языка.

Конец XIX в., связанный с политикой «русификации» национальных школ и проведением «контрреформ» Александра III в системе образования, не повлек существенных изменений в институте, что, по мнению диссертанта, связано с близостью семьи Лазаревых к придворным кругам, их политическим весом в обществе, а также родственными отношениями с министром народного просвещения И.Д. Деляновым, одним из проводников политики «контрреформ» в системе образования.

Исходя из проведенного исследования, следует вывод, что несмотря на все преобразования и противостояние с Министерством народного просвещения, одно из главных назначений института, а именно центра русско-армянских взаимоотношений, оставалось неизменным.

В диссертации определена роль руководства и профессорско-преподавательского состава Лазаревского института восточных языков, в частности, Н.О. Эмина, Г.И. Кананова, С.И. Назарьянца, Г. Халатяна, Я.М. Неверова в деле укрепления русско-армянских взаимоотношений в стенах учебного заведения. Для осуществления данной цели ими были использованы разные методы, заключающиеся в издании армянской периодической печати в России, особом подходе к учебному процессу, например, преподаванию русского языка среди армян в контексте поиска общности между двумя народами. Некоторые преподаватели понимая, в то же время, исключительную роль России в жизни армянского населения, видели необходимым в сохранении армянской идентичности, традиций, языка среди молодежи, что, по их мнению, возможно было осуществить путем публикации литературы на армянском языке, обучения армянских детей на их родном языке. Сторонниками данного направления были Г.А. Халатянц и С.И. Назарьянц.

Исследованием установлено, что концепция русско-армянского взаимоотношения, заложенная еще в Лазаревском институте восточных языков, прослеживается и в деятельности выпускников института. Анализ источников позволил определить, что выпускники проявили себя в разных направлениях государственной и общественной жизни страны. Так, в военной и государственной деятельности министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова прослеживалась тенденция в поддержке армянского населения страны. У поэта и переводчика Ю.А. Веселовского, одного из первых арменоведов, не имеющего армянское происхождение, целый ряд работ был посвящен изучению армянской культуры, в которых он давал свою оценку культурному наследию армянского народа. Некоторые выпускники посвятили себя научной и преподавательской деятельности в армянских учебных заведениях страны. Выпускник Лазаревского института, будущий патриарх Московский и Всея Руси Алексий I, впоследствии, совместно с католикосом ААЦ, являлся сторонником сближения двух церквей.

В диссертации доказано, что Лазаревский институт восточных языков на протяжении всего своего существования являлся не только одним из крупных востоковедных центров страны, готовящих дипломатов для работы в ближневосточном регионе, но и центром приобщения армянской молодежи к передовой русской и европейской культурам. В то же время, знакомя русское общество с армянской культурой, институт способствовал интеграции армян в российское общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные документы

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
   Ф.1252 «Абамелек-Лазаревы»
   Оп.1. ДД. 8, 17, 19, 121, 185, 214, 262, 263, 265, 274, 307, 331, 390, 425, 4169.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА).
   Ф. 880 «Лазаревы и Абамелек-Лазаревы»
   Оп.1. ДД. 1, 152, 168, 270, 272, 529, 532.
3. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ).
   Ф.213 «Лазаревский институт восточных языков»
   Оп.1. ДД. 7, 42, 98, 99, 145, 164, 175, 202, 219, 365, 486, 856.
   Оп.2. Д. 2425.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).
   Ф. 15 «Дирекция народных училищ Ставропольской губернии»
   Оп.2. ДД. 296, 468, 621, 634, 980.
   Ф.73 «Ставропольская 1-я мужская гимназия»
   Оп.1. Д.908.
   Ф. 79 «Общее управление Кавказской области»
   Оп.2. Д.394.
   Ф.146 «Управление земледелия и государственных имуществ Ставропольской губернии»
   Оп.1. Д.26.
5. Институт древних рукописей Матенадаран имени св. Месропа Маштоца (Матенадаран).
   № 5954.

Опубликованные документы

Законодательные акты и нормативно-правовые документы

6. Высочайше утвержденное положение о воспитании кавказских и закавказский уроженцев за счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи // Полное собрание законов Российской империи. Т.XXIV: 1849. – СПб., 1850. – №23307.
7. Высочайше утвержденные правила об учреждении при Московском Лазаревых института восточных языков особого отделения для воспитания армянского юношества из духовного звания // Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI: 1841. – СПб., 1842. – №14235.

8. Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // Полное собрание законов Российской империи. Т.XLVII: 1872. Ч.2. – СПб., 1875. – №51655.
9. Императорская жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу армянам Астраханских, Кизлярских и Моздокских // Полное собрание законов Российской империи. Т.XXV: 1798-1799. – СПб., 1830. – №19169.
10. О дозволении действительного статского советника Лазарева привести в исполнение статьи постановления об управлении Армянских церквей и их собственности… // Полное Собрание законов Российской империи. Т.XVIII: 1804-1805. – СПб., 1830. – №21406.
11. Об отводе места на Васильевском острове при кладбище для погребения армян // Полное собрание законов Российской империи. Т.XXIII: 1789-1796. – СПб., 1830. №16945.
12. Об уничтожении привилегий, данных Армянской компании, с предоставлением Армянам производства торговли на одинаковых правах с прочими иноземцами // Полное собрание законов Российской империи. Т.V: 1713–1719. – СПб., 1830. – №3385.
13. Об устройстве училищ // Полное собрание законов Российской империи. Т.XVII: 1802-1803. – СПб., 1830. – №20.– 597 с..
14. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.X: Царствование Императора Александра III. 1885–1888 годы. – СПб., 1894. – 130 стб.
15. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения. Т.XI. Ч.2. – СПб., 1893.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства. – СПб. 1864. – Ст. 483. – № 75.
17. Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). – 1921. – 1 октября. – № 68. – ст. 541.
18. Устав учебных заведений, подведомых университетам // Полное собрание законов Российской империи. Т.XVIII: 1804–1805. – СПб., 1830. – №21.501.

Делопроизводственные документы

19. Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института восточных языков в Москве и правила оного высочайше утвержденные. – М.: Иждивением г. попечителя Лазаревского института, 1852. – 109 с.
20. Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г. – М., 1921. – 50 с.

21. Правила для студентов специальных классов Лазаревского института восточных языков. – М. 1904. – 20 с.

Электронные ресурсы

22. Выступление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на III Международном форуме выпускников МГИМО от 15 октября 2015 г. [Электр. ресурс]. – URL: http://alumniforum.mgimo.ru/ (дата обращения: 7.03.2017).
23. Выступление президента республики Армения С.А. Саргсяна на III Международном форуме выпускников МГИМО [Электр. ресурс]. – URL: http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2015/10/23/ President-Serzh-Sargsyan-speech-at-Moscow- Internation-Relations-Institute-Forum/ (дата обращения: 05.03.2017).
24. Деляновы. История Русских родов [Электр. ресурс]. – URL: http://www.russianfamily.ru/d/delanov.html (дата обращения: 04.03.2017).
25. Катков М.Н. История Лазаревского института восточных языков [Электр. ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_istoriya_ lazarevskogo.html (дата обращения: 12.09.2017).
26. Корнилов А.А. Решение армянских меликов о политической ориентации на Россию и его последствия [Электр. ресурс]. – URL: http://russia-armenia.info/node/4863 (дата обращения: 19.10.2017).
27. Открытие в Ереване Академии ОДКБ и ЕАЭС [Электр. ресурс]. – URL: http://eurasia.expert/v-erevane-otkrylas-akademiya-odkb-i-eaes/ (дата обращения: 11.12.2017).
28. Послание президента РФ В.В. Путина участникам III Международного форума выпускников МГИМО от 15 октября 2015 г. [Электр. ресурс]. – URL:http://alumni.mgimo.ru/page/adaptive/id39900/blog/3244502/?ssoRedirect=true (дата обращения: 07.03.2017).
29. Программа развития СКФУ на 2012–2021 годы [Электр. ресурс]. – URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/izm_progr_razvit_skfu_18.07.2015.pdf (дата обращения: 12.04.2017).
30. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об условиях учреждения и деятельности в городе Ереване Российско-Армянского университета. [Электр. ресурс]. – URL: http://www.rau.am/uploads/blocks/0/6/650 /files/650_1_soglashenie_old.pdf (дата обращения: 05.03.2017).
31. Университетский устав 26 июля 1835 г. / Летопись Московского университета [Электр. ресурс]. – URL: http://letopis.msu.ru/documents/ 2123 (дата обращения: 07.06.2016).

32. Университетский устав 5 ноября 1804 г. / Летопись Московского университета [Электр. ресурс]. – URL: http://letopis.msu.ru/documents/327 (дата обращения: 05.06.2016).

Диссертационные исследования

33. Ванян, Л.В. Исторический опыт российско-армянского культурного взаимодействия в XVIII – XIX вв.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02 / Ванян Лилит Вячеславовна. – Ставрополь, 2012. – 229 с.
34. Дубровская, Т.А. Формирование и развитие системы профессионального образования в России (XIX – начало XX века): дис… д-ра ист. наук: 07.00.02 / Дубровская Татьяна Александровна. – М., 2004. – 529 с.
35. Игнатян, А.А. История Московского Лазаревского института восточных языков (арм.): дис… канд. пед. наук: 13.00.01 / Игнатян Артавазд Амбарцумович. – Ереван, 1969. – 186 с.
36. Маргарян, Г.К. Роль Х.Е. Лазарева в истории русско-армянских отношений: дис… канд. ист. наук: 07.00.15 / Маргарян Геворг Камоевич. – М., 2006. – 195 с.
37. Минасян, А.А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии: дис… канд. ист. наук: 24.00.01 / Минасян Арсен Аркадьевич. – Тольятти, 2016. – 234 с.
38. Саядов, С.М. Русско-армянские культурные связи в истории России первой трети XIX в.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02 / Саядов Сергей Михайлович. – Москва, 2008. – 183 с.
39. Ткаченко, Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона): дис… д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ткаченко Дмитрий Сергеевич. – Ставрополь, 2006. – 597 с.
40. Хатаев, И.Е. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Я.М. Неверова (1810–1893): дис… канд. пед. наук: 13.00.01 / Хатаев Игорь Еристауевич. – Владикавказ, 2002. – 183 с.
41. Шилина, Е.В. Развитие образования в России в XIX веке: автореферат дис… канд. ист. наук: 07.00.02 / Шилина Елена Вячеславовна. – М., 2008. – 193 с.

Периодическая печать

42. Веруем: Газета армянской церковной общины Санкт-Петербурга. – СПб., 1993. – №1–2.
43. Веруем: Газета армянской церковной общины Санкт-Петербурга. – СПб., 2000. – №86.

44. Вестник Европы. – СПб, 1811. Ч.55.
45. Вестник МГИМО – Университет. – М.: МГИМО, 2012. – №3(24).
46. Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. – 2014. – №1(56).
47. Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1879. Ч.CCV.
48. Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1882. Ч.CCXXI.
49. Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1895. Ч.CCXCVIII.
50. Журнал Телескоп. – М., 1836. – №14.
51. Исторический вестник. – СПб., 1893. Т.52. – №5.
52. Кавказский вестник. – Тифлис, 1905. – № 2.
53. Московские ведомости. – М., 1789. – №59.
54. Московские ведомости. – М., 1817. – №17.
55. Московские ведомости. – М., 1865. – № 200.
56. Московские ведомости. – М., 19 марта, 1830. – №23.
57. Московские ведомости. – М., 31 октября, 1829.
58. Московский университет. – М., 2006. – № 12 (4161).
59. Мшак (Труженник). – Тифлис, 1892. – №16.
60. Пермские губернские ведомости. – Пермь, 1883. – №73.
61. Русские Ведомости. – М., 4 августа 1915.
62. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. – СПб., 1865. – № 34.
63. Северная Пчела. – СПб., 1834, 31 декабря. – №297.
64. Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь, 1852. – №44.
65. Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь. 1856. – №44.
66. Старина и новизна. – Петроград, 1915. – №19.
67. Юсиз, 1863. – №1.

Сборники документов

68. Армяно-русские отношения в XVIII в. Сборник документов. – Ереван, 1967. – Т.2. Ч.2 – 420 с.
69. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сборник документов.– Ереван, 1964. – Т.2. Ч.1. – 380 с.
70. Документы из истории Армянской церкви. 1937 – 1955 гг. – Ереван, 1999. – Книга VI. – 312 с.
71. Дружба. Сборник документов. – Ереван, 1960. – 125 с.

Литература

72. Абовян, Х. Полное собрание сочинений / Х. Абовян. – Ереван, 1968. – Т.VII. – 430 с.
73. Абовян, Х. Раны Армении / Х. Абовян. – Ереван, 1977. – 337 с.
74. Аветисян, В.Р. Институт восточных языков (Лазаревский институт) в трудах советского историка и востоковеда А.П. Базиянца / В.Р. Аветисян // Самарский научный вестник. – 2017. – Т.6. – №2. – С. 182–185.
75. Аветисян, В.Р. К вопросу периодизации истории Лазаревского института восточных языков / В.Р. Аветисян // Самарский научный вестник. – 2016. – № 2 (15). – С. 96–100.
76. Акопян, Э.А. Керопэ Патканов (жизнь и творчество) / Э.А. Акопян. – Ереван: АН Армянской ССР, 1975. – 221 с.
77. Акопян, В.З. Неудавшееся завершение великих реформ. Конституционный проект М.Т. Лорис-Меликова / В.З. Акопян // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2002. №1 (7). – С. 78–83.
78. Акопян, В.З. Этапы развития деятельности епархии Армянской Апостольской церкви на Северном Кавказе / В.З. Акопян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 1. – С. 223–229.
79. Альманах современных русских государственных деятелей. – СПб.: Типография Исидора Гольберга, 1897. – 1250 с.
80. Амирханян, А.Т. Армянский переулок, 2 / А.Т. Амирханян. – М., 1989. – 62 с.
81. Ананян, Ж.А. Лазаревский институт восточных языков в первой половине XIX в. / Ж.А. Ананян // Историко-филологический журнал. – 1998. – № 1–2 (63). – С. 63–74.
82. Ананян, Ж.А. Лазаревский институт восточных языков в контексте русского Просвещения / Ж.А. Ананян // Человек эпохи Просвещения. – 1999. – №4. – С. 202–218.
83. Арешян, С.Г. Армянская печать и царская цензура / С.Г. Арешян. – Ереван, 1957. – 515 с.
84. Арзуманян, А. Армения–Россия / А. Арзуманян. – Ереван: Изд-во Айастан, 1966. – 148 с.
85. Архимандрит Августин. Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга / Архимандрит Августин. – СПб.: Изд-во Центрполиграф, 2015. – 512 с.
86. Атаджанян, И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII в. / И.А. Атаджанян. – Ереван: Изд-во Лингва, 2006. – 153 с.

87. Базиянц, А.П. Владимир Александрович Гордлевский / А.П. Базиянц. – М., 1979. – 80 с.
88. Базиянц, А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения / А.П. Базиянц. – М.: Изд-во Наука, 1973. – 224 с.
89. Базиянц, А.П. Над архивом Лазаревых / А.П. Базиянц. – М.: Изд-во Наука, 1982. – 160 с.
90. Базиянц, А.П., Мартиросян, Р. Обелиск / А.П. Базиянц, Р. Мартиросян. – Ереван, 1993 – 114 с.
91. Бархударян, В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века) / В.Б. Бархударян. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2015 – 428 с.
92. Библиотека для чтения. – М.: 1834. Т. VII. – №11–12. – 272 с.
93. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. – М., 1898. – 940 с.
94. Брюсов, В.Я. Полное собрание стихотворений / В.Я. Брюсов. – М., 1972. – 170 с.
95. Вартанян, В.Г. Армяно-Григорианская Церковь в политике Николая I / В.Г. Вартанян. – Ростов-на-Дону, 1999. – 74 с.
96. Васев, С. О чем молчит гудок Чермоза / С. Васев // Уральский следопыт. – 1998. – №10–12. – С.10–15.
97. Василенко, В.В. Роль Института Восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений / В.В. Василенко, Л.В. Ванян // Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: материалы круглого стола / ответ. ред. Василенко В.В. – Ставрополь, 2011. – С. 11–17.
98. Веселовский, Ю.А. Русское влияние в современной армянской литературе. – М., 1909. – 48 с.
99. Веселовский, Н.И. Керопэ Петрович Патканов. Библиографический очерк / Н. Веселовский. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1890. – 60 с.
100. Веселовский, Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков / Н.И. Веселовский. – СПб., 1879. – 162 с.
101. Восканян, Н. Подвиг во имя искусства / Н. Восканян. – Ереван, 1963. – 182 с.
102. Гельбик, Г. Русские избранники / Г. Гельбик. – М.: Военная книга, 1999. – 309 с.
103. Георги, И.Г. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного / И.Г. Георги.– СПб., 1794. Т.2. – 757 с.

104. Глагол будущего: Сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX в. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 376 с.
105. Глинка, С.Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении / С.Н. Глинка. – М., 1831. – 142 с.
106. Головцова, О.А. Повседневная жизнь рабочих Фряновской шелкопрядильной мануфактуры в XVIII – первой четверти XIX в. / О.А. Головцова // Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. – 2014. – №1 (56). – С. 50–72.
107. Гордлевский, А.В. Избранные сочинения. Этнография, история востоковедения, рецензии / А.В. Гордлевский. – Т.IV. – М., 1968. – 608 с.
108. Гордлевский, А.В. Ф.Е. Корш и востоковедение / А.В. Гордлевский. – Петроград, 1917. – 6 с.
109. Гордлевский, В.А. Избранные сочинения. История и культура / В.А. Гордлевский. Т.III. – М., 1962. – 588 с.
110. Григорян, З.Т. Вековая дружба армянского и русского народов / З.Т. Григорян. – Ереван, 1960. – 588 с.
111. Григорян, З.Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIXв. / З.Т. Григорян. – М., 1959. – 186 с.
112. Григорян, Н.А. Центр отечественной ориенталистики / Н.А. Григорян // Вестник Российской академии наук. – 2001. – Т.71. – №12. – С.1100–1106.
113. Давтян, А. Юрий Веселовский и армянская литература / А. Давтян. – Ереван: Изд-во Айастан, 1970. – 298 с.
114. Дилоян, В.А. Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России во второй половине XVIII в. / В.А. Дилоян (арм.). – Ереван, 1966. – 214 с.
115. Дилоян, В.А. Казарян, Г.М. Мурадян, Д.А. Историографический очерк новой истории Армении / В.А. Дилоян, Г.М. Казарян, Д.А. Мурадян // Вестник общественных наук. – 1967. – № 3. – С.24–43.
116. Дмитриев, А.А. Пермские земледельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелеки / А.А. Дмитриев // Исторический вестник. – 1893. – Т.52. – № 5. – С.425–447.
117. Долуханян, А. Лазаревский институт восточных языков и Никита Эмин / А. Долуханян // Литературная Армения. – 2015. – №4. – С.68–78.
118. Егоров, А.А. Алексей Карпович Дживелегов / А.А. Егоров, С.С. Казаров // Община (Амайнк). Историко-культурный журнал Юга России. – 1995. – Вып.1. – С.40–46.

119. Ерканян, В.С. Армянская культура в 1800-1917 гг. (арм.) / В.С. Ерканян. – Ереван, 1985. – 195 с.
120. Зиновьев, А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института / А. Зиновьев. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1855. – 149 с. [Сов. изд. М., 2014]
121. Иоаннисян, А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия / А.Р. Иоаннисян. – Ереван, 1947. – 285 с.
122. Казек-Бек, А.Л. Жизнеописание Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия I / А.Л. Казек-Бек // Богословские труды. – 1998. – Вып. 34. – С.13-185.
123. Кананов, Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. / Г. И. Кананов. – М.: Тип. А.А. Гатцука, 1891. – 256 с.
124. Кананов, Г.И. Очерк пятидесятилетия Лазаревского института восточных языков / Г.И. Кананов. – М., 1865. – 91 с.
125. Клычников, Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.) / Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2002. – 493 с.
126. Клычников, Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777- 1864 гг.) / Ю.Ю. Клычников, М.В. Клычникова. – Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. – 156 с.
127. Колесникова, М.Е. Сведения о Северном Кавказе в средневековой армянской исторической литературе / М.Е. Колесникова // Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: материалы круглого стола / ответ. ред. Василенко В.В. – Ставрополь, 2011. – С. 45-47.
128. Колесникова, М.Е. Проблема изучения истории Северного Кавказа XVIII – XIX вв. в отечественной исторической мысли / М.Е. Колесникова // Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы Международной научной конференции. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2013. – №2. – С.330–334.
129. Колобов, О.А. Российско-армянские отношения: исторический опыт, стратегические вызовы и перспективы развития / О.А. Колобов, А.А. Корнилов, А.Г. Симонян. – Нижний Новгород–Ереван, 2001. – 160 с.
130. Асатрян, Ю.С. Геополитика Армении на Кавказе: генезис, историческая эволюция, перспективы / О.А. Колобов, А.А. Корнилов, А.Г. Симонян. – Нижний Новгород–Саров: Изд-во СГТ, 2010. – 228 с.

131. Коршунов, М. Выдающийся востоковед Керопэ Петрович Патканов / М. Коршунов // Ставропольский хронограф. – Ставрополь, 1999. – С. 88-92.
132. Коршунов, М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе / М.С. Коршунов; под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, В.П. Ходус. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – 730 с.
133. Краснов, М.В. Просветители Кавказа / М.В. Краснов. – Ставрополь, 1913. – 102 с.
134. Краткий отчет состояния Лазаревского института в 1861/62 академическом году. – М., [Б.д.] 1862. – 22 с.
135. Краткий очерк истории русской культуры. – Л.: Наука, 1967. – 652 с.
136. Кузнецова, Э.Е. Особенности проведения университетской реформы 1863 года / Э.Е. Кузнецова // Проблемы модернизации российского государства и Великие реформы Александра II: современный взгляд. – 2015. – №2. – С. 275–280.
137. Кусиков, А. Армянская Церковь в России как юридическое лицо / А. Кусиков // Кавказский вестник. – 1905. – № 2. – С. 70–79.
138. Кусикьян, И.К. Некролог / И.К. Кусикьян // Византийский временник. – 1967. – №27. – С. 363–364.
139. Лазарян, С.С. Армяне в национальной политике князя М. С. Воронцова. / С.С. Лазарян // Общероссийская и национальная идентичность: материалы международной научно-практической конференции. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2012. – С. 452 – 456.
140. Лазарян, С.С. Имперская образовательная система на Кавказе в 40-50-е годы XIX века: задачи и пути развития / С.С. Лазарян // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2014. – №48. – С. 181-193.
141. Лаппо-Данилевский, А. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. / А. Лаппо-Данилевский. – СПб., 1899.–126 с.
142. Лео (Бабаханян А.) Армянское книгопечатание (арм.) / Лео (А. Бабаханян). – Тифлис, 1905. – 89 с.
143. Лысцов, В.П. Персидский поход Петра I: 1722-1723 / В.П. Лысцов. – М.: Изд-во МГУ,1951. – 250 с.
144. Мамонов, А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности / А.В. Мамонов // Отечественная история. РАН институт российской истории. – 2001. – №5.– С. 32–50.
145. Мариносян, Т.Э. Русская демократическая мысль второй половины XIX – начало XX в. как фактор формирования философии, образования в

Армении / Т.Э. Мариносян // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2012. – №1. – С.212–223.

146. Марр, Н.Я. Записки о преобразовании Специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института / Н.Я. Марр. – Петроград, 1918. – 16 с.
147. Марр, Н.Я. К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков / Н.Я. Марр. – Петроград, 1918. – С. 1474–1490.
148. Материалы для истории Лазаревского Института восточных языков, издаваемые иждивением г. попечителя князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. – М., 1914. – Вып. 1. – 20 с.
149. Мкртчян, Л. Армянская поэзия и русские поэты XIX – XX вв. / Л. Мкртчян. – Ереван: Айастан, 1968. – 465 с.
150. Моряков, В.И. Русское просветительство второй половины XVIII в. (из истории общественно-политической мысли России) / В.И. Моряков. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 216 с.
151. Нейман, М. Армяне. Сборник научных трудов / М. Нейман. – Ереван: Изд-во Луйс, 1991. – 448 с.
152. Нерсисян, М.Г. Из истории русско-армянских отношений / М.Г. Нерсисян. – Ереван, 1956. – 405 с.
153. Нерсисян, М.Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение / М.Г. Нерсисян // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. – 1953. – №7. – С. 3–13.
154. Новиков, Н.И. О воспитании и наставлении детей для распространения общественных знаний и всеобщего благополучия / Н.И. Новиков. – М., 1783. – 485 с.
155. Новиков, Н.И. Об эстетическом воспитании // Московские ведомости. – 1789. – № 59. – С. 470–473.
156. О русской народной поэзии // Ставропольские губернские ведомости. – 4 ноября 1852. – №44. – С.319–327.
157. Ованесов, Б.Т. Армянская община города Ставрополя / Б.Т. Ованесов. – Ставрополь:ГУП СК«Ставропольская краевая типография», 2005. – 280 с.
158. Ованесов, Б.Т. Роль армянского населения Российской империи в развитии Северного Кавказа / Б.Т. Ованесов. – Ставрополь, 2008. – 504 с.
159. Ованесов, Б.Т. Видные представители интеллигенции Российской империи армянского происхождения – выходцы из Северного Кавказа / Б.Т. Ованесов // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – №8. – С.23-33.

160. Ованесов, Б.Т. Некоторые исторические аспекты национального менталитета армян Северного Кавказа / Б.Т. Ованесов // Община (Амайнк). Историко-культурный журнал Юга России. – 1995. – Вып.1. – С.16–22.
161. Ованесов, Б.Т. Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе / Б.Т. Ованесов, Н.Д. Судавцов. – Ставрополь, 2008. – 262 с.
162. Петров, П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703-1782 / П.Н. Петров. – СПб., 1884. – 782 с.
163. Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене // Старина и новизна. Петроград. – 1915. – №19. – С.200–311.
164. Под высочайшим покровительством состоящий московский армянский Лазаревых институт восточных языков. – М., 1830. – 60 с.
165. Правила и инструкции по управлению имуществами Санкт-Петербургских и Московских армянских церквей. – СПб., 1888. – 28 с.
166. Празднование пятидесятилетнего юбилея учебно-педагогической деятельности Н.О. Эмина. – М., [б.д.] – 92 с.
167. Пыляев, М.И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление / М.И. Пыляев. – СПб., 1896 – 385 с.
168. Ремарчук, В. Востоковедное образование в контексте университетских юбилеев / В. Ремарчук // Московский университет. – 2006. – № 12 (4161). – С.4–5.
169. Российские армяне. Этносоциологическое исследование / под ред. Ю.В. Арутюнян, Р.С. Карапетян, Л.В. Остапенко. – Ереван: Изд-во Гитутюн, 2016. – 306 с.
170. Саядов, С.М. У истоков русского арменоведения: историографический обзор / С.М. Саядов. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2014. – 336 с.
171. Саядов, Э.С. Из истории Российской науки: просветительская деятельность династии Лазаревых / Э.С. Саядов // Научная мысль Кавказа. – 2008. – №2. – С. 25-30.
172. Саядов, С.М. Глинка С.Н.: от русской истории к истории армянского народа: (биографический очерк) / С.М. Саядов. – Ереван: Изд-во Гитутюн, 2006. – 238 с.
173. Саядов, С.М. Лазаревы и история армянского народа / С.М. Саядов // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России, 25–27 ноября 2003. – М., 2006. – С. 191–200.

174. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. – М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. – Ч.I. – 395 с.
175. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. – М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1838. – Ч.III. – 458 с.
176. Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых института восточных языков. – СПб.,1839. – 259 с.
177. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – СПб., 1893. – Т.XXI. – 674 с.
178. Старовойтова, Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Петербург – Петроград – Ленинград / Г.В. Старовойтова. – Л., 1987. – 174 с.
179. Стрелов, В.И. Армянские школы Ставропольской губернии в XIX – начале XX в. / В.И. Стрелов, Б.Т. Ованесов // Община («Амайнк»). Историко-культурный журнал. – 1998. – № 7. – С. 13–24.
180. Тер-Габриэлянц, Г. Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге / Г. Тер-Габриэлянц. – М., 1888. – 224 с.
181. Тер-Саркисян, А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. / А.Е. Тер-Саркисян – М.: Восточная литература, 2008. – 676 с.
182. Тер-Саркисянц, А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции / А.Е. Тер-Саркисянц. – М.: Восточная литература, 1998. – 397 с.
183. Тимофеев, Д.В. В ожидании перемен от «просвещения» России: Надежды и тревоги Российского общества первой четверти XIX в. / Д.В. Тимофеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №16. – С.12–20.
184. Тихомиров, М.Н. Древняя Москва / М.Н. Тихомиров. – М., 1947. – 224 с.
185. Торкунов, А.В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения / А.В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2015. – №6. – С. 9–22.
186. Торкунов, А.В., Алаев, Л.Б., Воевода, Е.В. и др. Главы из истории Московского востоковедения. Лазаревский институт - Московский институт востоковедения – МГИМО / под ред. А.В. Торкунов, Л.Б. Алаев, Е.В. Воевода и др. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 381 с.
187. Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. – М., 1903. – 147 с.

188. Усманов, Н.К. Патриарх российской арабистики / Н.К. Усманов // Вестник МГИМО-Университет. – 2012. – №3 (24). – С. 244–245.
189. Устав специальных классов Лазаревского института восточных языков. – М., 1872. – 42 с.
190. Хачатурян, А.Б. М.Л. Налбандян / А.Б. Хачатурян. – М., Мысль. – 1983. – 144 с.
191. Хрущов, И.П. Памяти графа И.Д. Делянова / И.П. Хрущов. – СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1898. – 82 с.
192. Худобашев, А.М. Армяно-русский словарь / А.М. Худобашев. – М.: Типография Лазаревского института, 1838. – 620 с.
193. Чинарьян, И.М. Письмо Лео Ю.А. Веселовскому о русском влиянии в армянской литературе / И.М. Чинарьян // Историко-филологический журнал. – 1985. – №2. – С. 234–236.
194. Чолахян, В.А. Армянские поселения в России / В.А. Чолахян // Наука и общество. – 2015. – №1 (20). – С. 26–33.
195. Чолахян, В.А. Исторические судьбы армян в Поволжье / В.А. Чолахян // Наука и общество. – 2016. – №1(24). – С. 9–17.
196. Чолахян, В.А. Конфессиональная политика Российской империи в отношении Армянской Апостольской церкви в XIX – начале XX вв. / В.А. Чолахян // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. – 2016. – № 8. – С. 66-79.
197. Щербаков, М.М. История Российская от древнейших времен / М.М. Щербаков. – СПб.: изд. кн. Б. С. Щербатова, 1901-1904. – Т. 1-7.

Методическая литература

198. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – М. Издательский центр «Весь мир», 2000. – 296 с.
199. Чубарьян, А.О. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 575 с.

Источники личного происхождения

200. Сперанский, М.М. Письма М.М. Сперанского к Х.И. Лазареву / М.М. Сперанский. – СПб.: Тип. В.А. Рогальского, 1864. – 100 с.

Статистическая и энциклопедическая литература

201. Большая энциклопедия – СПб.,1902. – Т.VIII. – 794 с.
202. Дмитриев, С. Экономическая география России / С. Дмитриев. – М., 1918. – 456 с.

203. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.,1905. – Т.II. – 148 с.
204. Словарь географии Российского Государства. – М., 1807. – Ч.5. – 649 с.
205. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890–1907. – Т.1–82.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Численность населения Российской империи считающих армянский язык родным по переписи 1897 г.

Регионы и губернии страны	**Численность**
Европейская часть	49329
Москва	1604
Санкт-Петербург	753
Астраханская губерния	4270
Северный Кавказ и Закавказье	1118094
Ставропольская губерния	5385
Кубанская область	13926
Тифлисская губерния	196189
Эриванская губерния	441000
Бакинская губерния	52233
Елисаветпольская губерния	292188
Терская область	11803
Сибирь	629
Всего по империи	1173096

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. С.-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

Приложение 2

Собор Св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Литография А. Траншель.

Յանուն Սրբոյն Կատարինէ.
Во имя Св. Екатерины Армянская церковь въ С. Петербургѣ сооружена съ зданіями въ 1780 году Ихъ Превосх. Гг. Лазаревыми.
Au nom de St. Cathérine. Église Arménienne. à St. Pétersbourg erigée en 1780 avec ses hotels par la famille de L. Ex. Mrs de Lazareff.
Եկեղեցի Հայոց ի Ս. Պ. Բուրգ կառուցեալ շինուածովքն յամի 1780 ի նոցունց Գերազանցութեց Տէրց Լազարեանց:
Лит. Г. Траншель

Источник: История Лазаревского института. [арм. язык] – М., 1856. – форзац.

Приложение 3

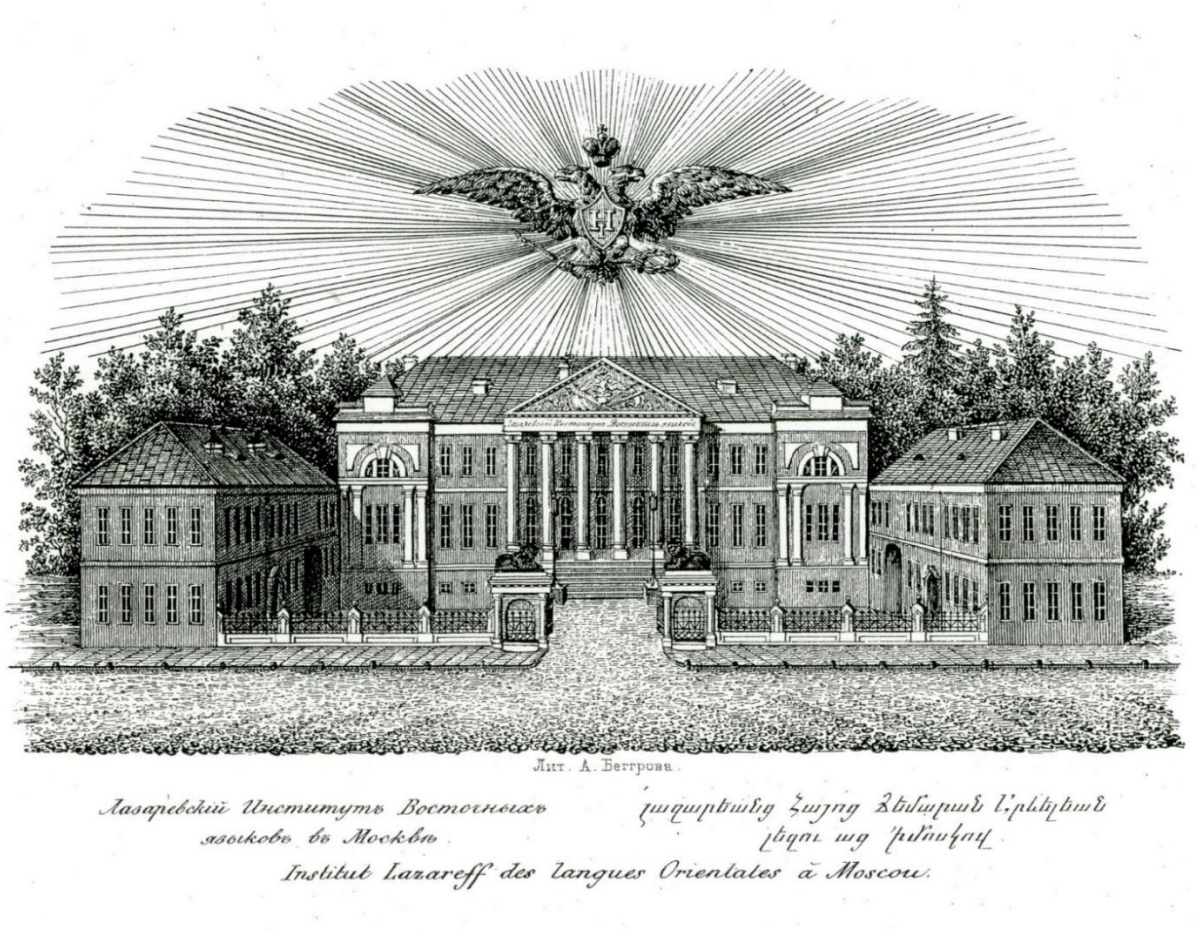
Переселение 4000 армян из Персии в Россию под распоряжением полковника Л.Е. Лазарева в 1828 г. Литография

Բռդիսկանութիւն 40000 Հայոց ի Պարսկաստանէ ի Ռուսաստան ընդ հրամանաւ Գնդապետի Ե.Ց.Լազարեանց յամի 1828.
Переселеніе 40000 Армянъ изъ Персіи въ Россію подъ распоряженіемъ Полковника Л.Е.ЛАЗАРЕВА въ 1828 году.
Transmigration de 40000 Armeniens de Perse en Russie, sous les ordres du Colonel de LAZAREFF en 1828.

Источник: История Лазаревского института. [арм. язык] – М., 1856.

Приложение 4

Здание Лазаревского института восточных языков. Литография А. Беггрова


Лит. А. Беггрова.
Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ въ Москвѣ.
Institut Lazareff des langues Orientales à Moscou.

Источник: История Лазаревского института. [арм. язык] – М., 1856.

Приложение 5

76

ШТАТЪ

ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

	Число чиновъ.	Классы должностей.	Разряды. Штатъ на муж. дир.	Разряды. Пенсій	Жалованья въ годъ рублями сер. одному	Жалованья въ годъ рублями сер. всѣмъ.
Попечитель	1	IV	IV	«	«	«
Помощникъ его	1	V	V	«	«	«
Директоръ	1	V	V	«	1500	2000
Ему столовыхъ	«	«	»	«	500	
Инспекторъ изъ Профессоровъ	1	VII	VII	«	«	«
Ему прибавочнаго жалованья	«	«	«	«	300	300
Законоучителей	2	«	«	«	300	600
Преподаватель дополнительныхъ духовныхъ лекцій, изъ духовныхъ лицъ Армяно-Грегоріанскаго исповѣданія	1	«	«	«	300	300
Профессоровъ	4	VIII	VIII	«	800	3200
Старшихъ Учителей	11	IX	IX	«	560	6160
Младшихъ Учителей	4	X	X	«	350	1400
Учитель рисованія и черченія	1	XII	X	«	180	180
Учитель чистописанія	1	XII	X	«	180	180
Надзирателей	8	X	X	«	300	2400
Врачъ	1	«	«	«	200	200
Письмоводитель при Попечителѣ	1	X	X	IX	«	«
Письмоводитель Института	1	X	X	IX	300	300
Помощникъ его	1	XIV	X	IX	150	150
Экономъ, онъ же и Экзекуторъ	1	X	X	IX	300	300
На Библіотеку, Минцъ и Физико Математическій Кабинеты	«	«	«	«	«	250
ИТОГО	39	«	«	«	«	17920

Дополненіе Устава, 1849 года 21 Декабря, Штатъ.

77

ՅՈՒՅԱԿ

Լազարեանց Ազատարանին Արեւելեան լեզուաց։

Թիւ պաշտօնէից։	Դասք պաշտօնից։	Դասուց համեմատ ի վերուստ հաստատեալ ամսականք։	Տարեկան ընդհանուր թոշակք, որ թեքեն պահեստք։ Դրամ։	Տարեկան ընդհանուր թոշակք, որ թեքեն պահեստք։ Ամենից գոյն։
Հոգաբարձու	1	ՈՒ	„	„
Օգնական նորա	1	Ը	„	„
Կառավարիչ	1	Ը	„	1500 2000
Հայկերոյթ	„	„	„	500
Վերատեսուչ Ասուցչապետաց	1	Է	„	„
Ցաւելուած թոշակի նորա	„	„	„	300
Ուսուցիչք Աստուածային օրինաց	2	„	„	300
Դասատու լացուցիչ հոգեւոր գիտութեանց յեկեղեցականաց լուսաւորչական հոյոց	1	„	„	300
Ուսուցչապետք	4	Բ	„	800 3200
Ակաղ վարժապետք	11	ԼԱ	„	560 6160
Կրտսեր վարժապետք	4	Ա	„	350 1400
Ուսուցիչ Նկարչութեան և Դիպաքրութեան	1	ԺԲ	„	180 180
Ուսուցիչ Վայելչագրութեան	1	ԺԲ	„	180 180
Վերակացուք	8	Ա	„	300 2400
Բժիշկ	1	„	„	200 200
Ընտանապետ առ Հոգաբարձին	1	Ա	ԼԱ	„ „
Կամակատար ի Ճեմարանին	1	Ա	ԼԱ	300 300
Օգնական նորա	1	Ա	ԼԱ	150 150
Տնտես՝ նոյն և Գործակատար	1	Ա	ԼԱ	300 300
Ի սէյս մատենադպրանի, Թանգարանի դրամոց, բնագանական և չափաբանական գործոյ	„	„	„	„ 250
Գումարն ամենայնի	39	»	»	» » 17920

Յաւելուած Կանոնագրութեանց 1849 ամի Դեկտեմբերի 21. Յուլիս։

Источник: Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института восточных языков и правила оного высочайше утвержденные. – М., 1852 – С.76-77.

Приложение 6

Общий состав воспитанников Лазаревского института восточных языков за 1865-1890 гг.

Учебный год	Всего поступило	В гимназических классах	В специальных классах	Вероисповедание воспитанников						Сословное происхождение воспитанников				
				РПЦ[737]	АГЦ[738]	Католицизм	Протестантизм	Иудаизм	Мусульманство	Дворяне	Духовенство	Городские	Сельские	Иностранцы
1865/66	28	151	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1866/67	26	157	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1867/68	21	154	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1868/69	34	148	9	60	96	-	1	-	-	-	-	-	-	-
1869/70	30	151	11	65	96	-	1	-	-	-	-	-	-	-
1870/71	55	151	5	58	97	-	1	-	-	-	-	-	-	-
1871/72	43	С1871 г. гимназические классы отделены от специальных	С1871 г. специальные классы отделены от гимназических	70	104	-	1	1	1	-	-	-	-	-
1872/73	74			75	101	1	4	1	1	-	-	-	-	-
1873/74	58			102	114	1	5	1	1	99	19	99	7	-
1874/75	65			93	132	3	5	1	-	102	22	103	7	-
1875/76	35			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1876/77	34			82	149	4	5	1	-	87	21	120	11	2
1877/78	44			84	154	3	6	1	-	94	21	117	15	1
1878/79	40			75	157	2	7	1	-	92	40	99	10	1
1879/80	59			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1880/81	28			67	171	2	2	1	1	82	27	125	5	7
1881/82	41			64	168	3	3	1	1	85	21	98	8	28
1882/83	26			59	149	4	2	1	1	84	23	92	10	7
1883/84	54			70	149	4	3	1	1	93	22	79	22	12
1884/85	71			79	156	4	1	5	1	101	21	94	17	13
1885/86	46			75	156	4	3	4	-	85	23	116	9	9
1886/87	57			72	152	4	5	12	1	84	22	113	18	9
1887/88	72			75	160	1	8	14	1	85	21	124	22	7
1888/89	59			90	159	1	9	15	1	88	23	131	25	8
1889/90	53			89	158	3	10	12	1	88	21	132	21	11
Итого:	1153													

Источник: Кананов Г.И. Семидесятипятилетние Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. – М., 1891. – Таблица №2.

[737] РПЦ – Русская Православная церковь

[738] АГЦ – Армяно-Григорианская церковь (Армянская Апостольская церковь)

Приложение 7

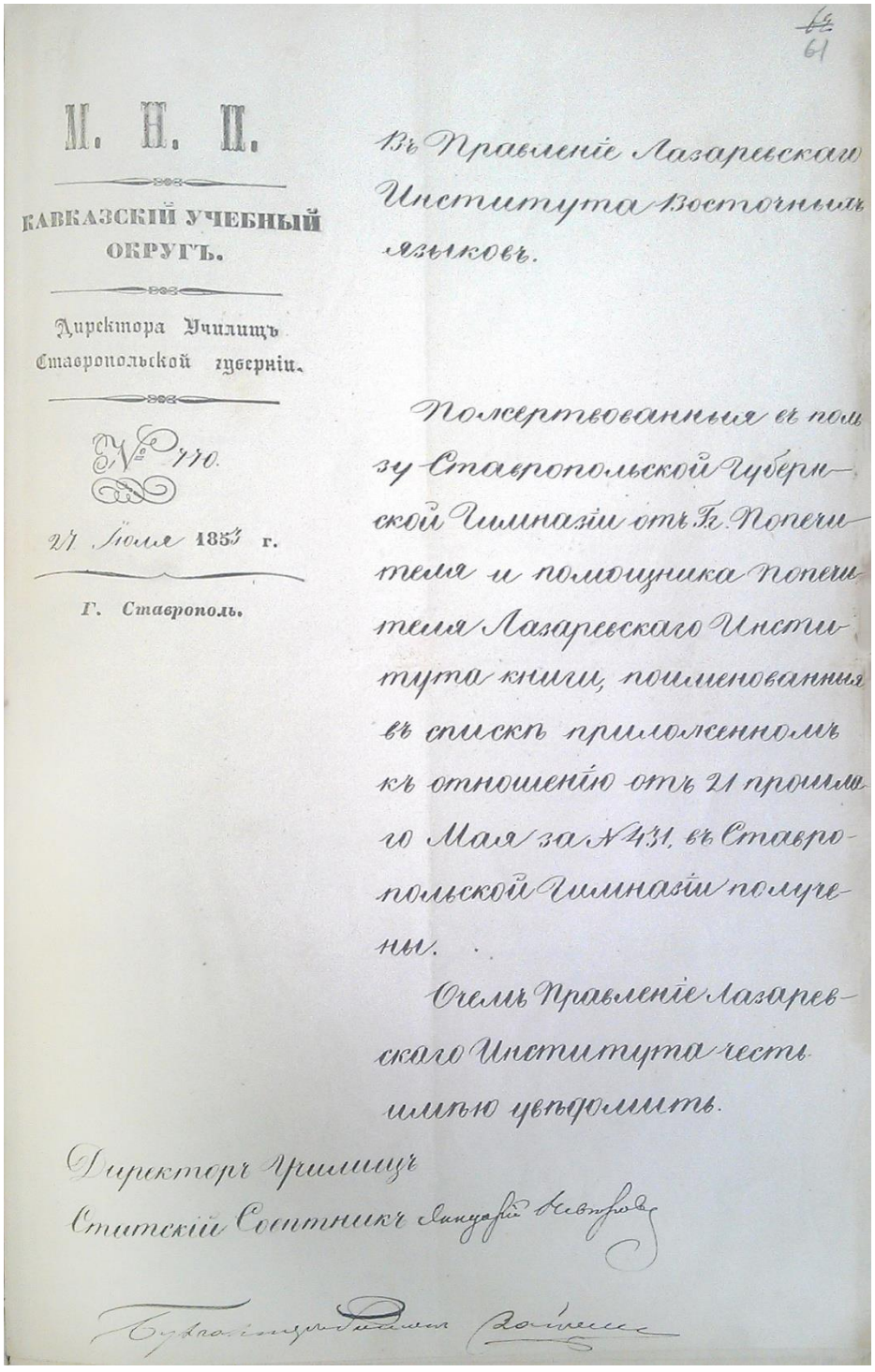
Информация о количестве именных стипендий в Лазаревского института восточных языков за 1865-1890 гг.

Учебный год	Наименования стипендий															
	Мнацаканова		Кн. Аргутинского		Хр. Делянова	Тамашева		Арашетовские	Александровская	Александро-Мариинская		Амировская		Е.М. Лазаревой	Матвеева	Гашевского
	В гимназ. классах	Студент. института	В гимназ. классах	Студент. института		В гимназ. классах	Студент. института			В гимназ. классах	Студент. института	В гимназ. классах	Студент. института			
1865/66	1	-	1	-	2	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
1866/67	2	-	1	-	2	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
1867/68	1	1	1	-	2	1	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-
1868/69	1	1	1	-	2	1	-	2	1	1	1	-	-	-	-	-
1869/70	2	-	1	-	2	1	-	2	1	1	1	-	-	-	-	-
1870/71	2	-	1	-	2	-	-	2	1	2	-	-	-	-	-	-
1871/72	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	-	-	-	-	-
1872/73	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	-	-	-	-	-
1873/74	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	-	-	-	-	-
1874/75	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	-	-	-	-	-
1875/76	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	-	-	-	-	-
1876/77	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	2	-	-	-	-
1877/78	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	2	-	-	-	-
1878/79	2	-	1	-	2	-	-	2	1	2	-	2	-	-	-	-
1879/80	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	2	-	-	-	-
1880/81	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	2	-	-	-	-
1881/82	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	2	-	-	-	-
1882/83	2	-	1	-	2	1	-	2	1	2	-	2	-	-	-	-
1883/84	1	1	1	-	2	1	1	2	1	2	-	1	1	4	-	-
1884/85	1	1	1	-	2	-	1	2	1	2	-	1	1	5	-	-
1885/86	1	1	1	-	2	-	1	2	1	2	-	1	1	5	-	-
1886/87	1	1	1	-	2	-	1	2	1	2	-	1	1	5	-	-
1887/88	1	1	-	1	2	-	1	2	1	2	-	1	1	5	-	-
1888/89	1	1	-	1	2	-	-	2	1	2	-	1	1	5	-	-
1889/90	1	1	-	1	2	-	-	2	1	2	-	2	-	5	1	1
Итого:																

Источник: Кананов Г.И. Семидесятипятилетние Лазаревского института восточных языков 1815–1890 гг. – М. 1891 – Таблица №2.

Приложение 8

Письмо директора училищ Ставропольской губернии Я.М. Неверова в правление Лазаревского института восточных языков о получении пожертвованных институтом книг в пользу Ставропольской губернской гимназии. 27 июня 1853 г.



61

И. Н. П.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.

Директора Училищъ Ставропольской губерніи.

№ 770.

27 Іюля 1853 г.

Г. Ставрополь.

Въ Правленіе Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Пожертвованныя въ пользу Ставропольской Губернской Гимназіи отъ Г. Попечителя и помощника Попечителя Лазаревскаго Института книги, поименованныя въ спискѣ приложенномъ къ отношенію отъ 21 прошлаго Мая за № 431, въ Ставропольской Гимназіи получены.

Очемъ Правленіе Лазаревскаго Института честь имѣю увѣдомить.

Директоръ Училищъ Статскій Совѣтникъ Димитрій Неверовъ

Источник: ЦГАМ. Ф.213. Оп.1. Д.145. Л.61.